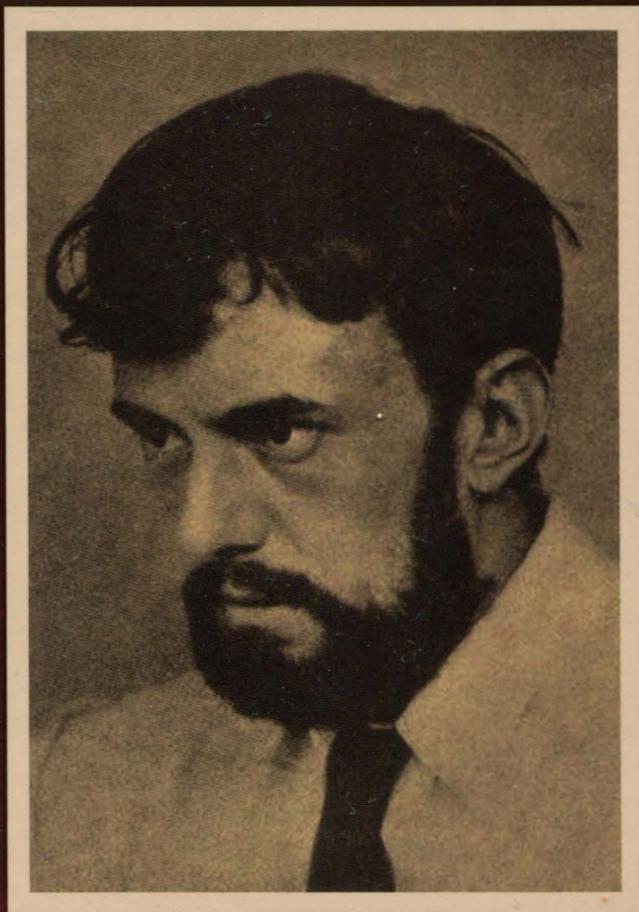

Алистер Кроули

ИСПОВЕДЬ

Том II

Целена

АЛИСТЕР КРОУЛИ

ИСПОВЕДЬ

Том II

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГАНГА»
ТВОРЧЕСКАЯ ГРУППА «ТЕЛЕМА»
МОСКВА, 2014 г.в.

Алистер Кроули

Исповедь. Т.2 . / Пер. с англ. Анны Блейз. — М.: Издательство «Ганга», 2014. — 256 с. (Серия: Магические гримуары).

ISBN 978-5-906154-84-2

Автобиографическая «Исповедь» одного из великих мистиков и эзотериков XX века Алистера Кроули посвящена его жизни и магической работе. Во втором томе читатель познакомится с историей путешествий Кроули по странам Нового Света, увидит его глазами города и древние святилища Индии и Цейлона и станет свидетелем не менее удивительного духовного странствия к вершинам йогических достижений. Несколько глав книги представляют собой хронику неудачной, но в своем роде увлекательнейшей экспедиции в Гималаи, а заключительная часть перенесет читателя в мир парижской богемы начала XX века.

© Ordo Templi Orientis

© Анна Блейз, перевод, 2014

© Творческая группа «Телема», 2014

© Издательство «Ганга», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ИСПОВЕДЬ АЛИСТЕРА КРОУЛИ

Часть вторая. Мистическое приключение. 5

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МИСТИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

23

Добрался до Нью-Йорка я, видимо, шестого июля¹. В те времена не так-то часто попадались люди, ни разу в жизни не видавшие настоящего горизонта, да еще и похвалявшиеся в своем ничтожестве таким надругательством над природой. Горный горизонт всегда благороден и прекрасен, ибо он — плод работы природных сил, действующих единообразно и в согласии с естественным законом. Поэтому в нем воплощены строгие архитектурные закономерности, хотя никто его и не проектировал. Нью-Йорк же, напротив, — порождение череды случайностей, никак между собой не связанных.

Когда-то тщеславие пробудило в местных жителях пылкий интерес к одной статуе, призванной изображать торговлю и украсить собою Суэцкий канал, но отвергнутой заказчиком. Они выкупили ее, дали ей пышное имя «Свобода, озаряющая мир» и, движимые пророческим чувством, установили ее на острове спиной к материке².

Впрочем, в те времена дух свободы в Соединенных Штатах все еще жил и здравствовал. Даже самый невосприимчивый приезжий замечал это уже через несколько часов. Здесь ни в ком не было ни следа благовоспитанной угодливости. Никто не лез в чужие дела и не позволял другим совать нос в свои собственные. Казалось, все процветает и все довольны,

1 1900 года. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

2 Подразумевается знаменитая Статуя Свободы, созданная в 1876 году французским скульптором П. О. Бартольди по заказу правительства США, в честь столетнего юбилея Декларации независимости. Первоначально статую планировали установить в Порт-Саиде (у северной оконечности Суэцкого канала) под названием «Свет Азии», но ввиду нехватки средств на перевозку конструкций и строительство пьедестала в Египте было решено доставить статую в США. Пьедестал для нее — на острове Свободы (бывший о. Бедлоу), в 3 км к юго-западу от южной оконечности Манхэттена (Нью-Джерси) — был возведен лишь к 1886 году, после масштабного сбора средств по всей стране; и в том же году наконец состоялось торжественное открытие статуи.

да и не удивительно: людям тогда еще не запретили предаваться отдохновению после дневных трудов¹.

До сих пор мне еще не доводилось бывать в так называемых жарких странах. К ужасу моему, в Нью-Йорке оказалось невыносимо. Я набрал ванну холодной воды и просидел в ней с перерывами до одиннадцати ночи, после чего все-таки выбрался из дома и, едва дыша, пополз по раскаленным улицам, непрерывно поглощая воду и кофе со льдом, холодный арбуз и мороженое. «Боже милостивый, — думал я, — а ведь это всего лишь Нью-Йорк! Что же будет в Мексике?» Я решил было, что это и есть обычная летняя погода для здешних мест; но на самом деле меня просто утраздило приехать в самый разгар аномальной жары, которая убивала по сотне человек в день. Если бы я купил газету, то сразу бы все понял; но я не читал газет. Я уже понимал, что и лучший из умов будет обречен, если подцепит заразу журналистики. И дело не только в том, что она оскверняет ум, навязывая ему неряшливый и неточный язык, привычку к поверхностным, банальным, вульгарным и торопливым суждениям, всевозможные предрассудки и общее легкомыслие. Помимо всего этого прямого вреда, есть еще и косвенный: читая газету, вы тем самым отбираете у себя время, которое могли бы потратить на чтение чего-нибудь достойного. А ведь врожденная душевная леность и без того побуждает нас сторониться писателей, требующих непрерывного усилия мысли. Следовательно, первый урок дисциплины для того, кто стремится к образованности, должен заключаться в том, чтобы раз и навсегда перестать пичкать свой разум консервами бессмысленной журналистской болтовни и перейти на более здоровую пищу.

Многие говорят, что читают газеты по необходимости, чтобы знать, что происходит в мире. Но нет худшего советчика в этом деле, чем пресса. Большая часть того, что попадает в печать, рано или поздно оказывается ложью. Даже когда речь не идет о заведомом обмане, любая газетная заметка в силу естественных причин поспешна и непродуманна и, более того, склонна к абсурдным преувеличениям или недооценкам, придавая неоправданную значимость тому, что со временем окажется совершенно неважным, или наоборот. Ни о каком

¹ Намек на общенациональный «сухой закон», действовавший в США с 1919 по 1933 гг.

события нельзя рассудить здраво, не взглянув на него задним числом и в достаточно широком контексте.

Я провел в Нью-Йорке всего два или три дня, после чего направился напрямик в Мехико. Впервые в жизни мне довелось по-настоящему долго ехать на поезде. Психологический эффект оказался очень занятным. Когда поездка длится дольше получаса, начинаешь скучать. Добираясь из Эдинбурга в Инвернесс, я уже на полпути начинал сходить с ума от безделья. Но когда едешь много дней подряд, на вторые или третьи сутки привыкаешь.

Мехико поначалу довел меня до белого каления. В гостинице о каком-либо организованном обслуживании не было и речи: по-видимому, предполагалось, что постояльцы должны сами искать, где им поесть, а уж удастся им это или нет, никого не заботило. Более того, на весь город обнаружился только один ресторан, где подавали хоть что-то помимо обычных местных блюд. На еду всем было наплевать. На выпивку — тоже, точнее, на вкусовые ее достоинства. Люди ели, чтобы утолить голод, и пили, чтобы напиться. О хороших винах здесь и не слыхивали: пили в основном пульке, то есть сброженный сок алоэ, мескаль, текилу и агардиенте (последнее служило общим названием для всех разновидностей дистиллированного спирта). В те дни я был практически трезвенником и в силу чрезвычайной разборчивости не любил ставить на себе эксперименты, так что ни один из этих напитков я даже не попробовал.

Кстати, это очень любопытная особенность. Я обычно отказывался — иногда и вопреки настоятельным уговорам — даже прикасаться к еде, если мне не нравилось название или внешний вид блюда. Например, я никогда не ел варенья, даже в детстве, потому что на вид оно мне кажется неопрятным. Впервые попробовать салат я рискнул, когда мне уже было под сорок. Доходило до абсурда. Мне очень нравится омар под майонезом; но салат с омаром — увольте! Мне противно это сочетание согласных. В нем чудится что-то аморфное, расплывчатое — как во французской поэзии, где отсутствие ударений безнадежно обедняет ритм.

Зато оказалось, что мексиканцы мне — настоящие братья по духу. Они презирают промышленность и торговлю.

О политике за них думает Диас¹, и, надо признать, справляется с этим отменно. Все, что их занимает, — это бычьи и петушиные бои, азартные игры и распутство. Они отважны и жизне-радостны; души их не отравлены лицемерием и борьбой за выживание. Я арендовал часть дома с видом на Аламеду — великолепный парк, предназначенный для удовольствий и надежно защищенный от полиции, — нанял молодую индианку, чтобы она за мной присматривала, и вплотную занялся магией. У меня было рекомендательное письмо к одному пожилому человеку по имени дон Хесус Медина — потомку великого герцога, прославленного командира Армады², и одному из высших руководителей масонства Шотландского устава. Поскольку мои познания в каббалистике по современным меркам были уже весьма глубоки, он счел меня достойным наивысшего из посвящений, даровать которые было в его власти. Ввиду ограничений по времени моего пребывания были запрошены особые полномочия, и меня быстро протолкнули наверх и приняли в тридцать третий, последний градус, прежде чем я покинул страну.

Кроме того, Мазерс предоставил мне известную широту полномочий на посвящение подходящих людей *in partibus*³. Соответственно, я учредил свой собственный, совершенно новый орден и назвал его L.I.L., «Светоч Незримого Света»⁴. Дон Хесус стал его первым Верховным Жрецом. Монограммой таинств Ордена L.I.L. служат буквы L.P.D.⁵ Истолкование этих букв дано у Дюма во введении к «Запискам

1 Порфирио Диас (1830—1915) — мексиканский государственный и политический деятель, президент страны в 1877—1880 и 1884—1911 гг.

2 Имеется в виду испанский дворянин Алонсо Перес де Гусман, герцог Медина-Сидония (1550—1619), в 1558 году в войне с Англией командовавший «Непобедимой армадой»

3 От лат. «*in partibus infidelium*» («в странах неверных»).

4 Англ. «*Lamp of Invisible Light*»; о ритуалах этого ордена см.: Алистер Кроули, Джон Фуллер. Храм царя Соломона, т. 1. М.: Ганга, Телема, 2011, стр. 400—413.

5 L.P.D. — в оккультной традиции символ священной Семерицы как единства Троицы (Треугольника) и Четверицы (Квадрата), Божественного и Человеческого: в греческой записи, как ΛΠΔ, эти буквы соединяются в сигил Δ. В масонской символике аббревиатура L.P.D. толкуется в связи с библейской легендой о Вавилонском пленении иудеев и последующем их освобождении по указу царя Кира (II Пар. 36:22—23). Считается, что L.P.D. изначально означало «*Liberté de Passer*» (фр. «Свобода переселения»). Впоследствии эти буквы приобрели множество других трактовок — и, в частности, «*Liberté de Penser*» (фр. «свобода мысли»).

врача»¹; некоторое внимание уделяет им и Элифас Леви². Я же помнил их непосредственно по своему воплощению в лице Калиостро³. Раскрывать их значение непосвященным не подobaет, но могу отметить, что политическая интерпретация, приведенная у Дюма, поверхностна, а этические выводы Леви ребячески наивны и извращены или, точнее будет сказать, искажены намеренно, дабы ввести в заблуждение профанов. В действительности же в этих буквах сокрыты некоторые магические формулы, малые, но имеющие великую практическую ценность, и любопытствующие могут исследовать их по своему усмотрению, прибегнув к методам каббалы. Числовые значения этих букв, йециратические соответствия и арканы Ату

1 Имеется в виду роман Александра Дюма «Джузеппе Бальзамо. Записки врача». Во введении описывается собрание вымышленной масонской ложи; буквы LPD, украшающие нагрудник «Верховного жреца лож Востока и Запада» (Джузеппе Бальзамо, более известного под именем графа Алессандро Калиостро), превращены здесь в «тираноборческий» девиз «*Lilias pedibus destrue*» — лат. «Растопчи лилии ногами» (лилия — эмблема французской королевской власти).

2 В трактате Леви «Магический ритуал *Sanctum Regnum*» L.P.D. расшифровывается как «*Liberty, Power, Despotism*» (англ. «Свобода, Власть, Деспотизм») и толкуется следующим образом: «Власть — верная точка равновесия между Деспотизмом и Свободой. Такова разгадка Тайны этих трех букв, которыми Посвященный Калиостро выразил каббалу политической и общественной стабильности.

Свобода — это Хокма.

Деспотизм — Бина.

Благодетельная власть — Кетер.

Свобода — Гедула.

Деспотизм — Гебура.

Благодетельная власть — Тиферет.

Свобода — Нецах.

Деспотизм — Ход.

Благодетельная власть — Йесод.

Свободе от начала противостоит Необходимость; и эта Необходимость есть деспотизм Высшего Разума; от равновесия же между ними рождается Мудрая и Неограниченная Власть.

Если хочешь стать безграничным, сначала стань мудрым; а если ты уже мудр, стань безграничным. Чтобы стать Господином, ты должен быть свободным; а чтобы освободиться, ты прежде должен стать господином над самим собой.

Свобода — это Иакин.

Деспотизм — Воаз.

Символ Власти — Врата Храма, располагавшиеся между двумя этими Столпами».

3 К выводу о том, что итальянский маг и мистик Калиостро (1743—1795) был одной из его прошлых инкарнаций, Кроули пришел при помощи метода «магической памяти» (см.: Алистер Кроули. Магия в теории и на практике. М.: Ганга, Телема, 2013, стр. 110—121, 631—639) в августе 1924 года, во время магического затворничества на острове Эзоп на реке Гудзон (Нью-Йорк, США).

Тахути подскажут надлежащий ключ тому, чей разум просвещен пониманием и искренним устремлением¹.

Общая идея заключалась в том, чтобы наполнить храм талисманами, которые соответствовали бы всем стихийным, планетарным и зодиакальным силам природы, и поместить в этом храме вечно горящий светильник, а затем ежедневно совершать инвокации, направленные на то, чтобы сам свет этой негасимой лампы превратился в освященный центр или средоточие духовной энергии. Тогда свет этот воссияет доподлинно и будет самопроизвольно просвещать всякий ум, готовый его воспринять.

Мне и по сей день кажется, что это был весьма интересный эксперимент и возвышенный замысел. Я жалею, что потерял связь с доном Хесусом: очень бы хотелось узнать, что из всего этого вышло.

Этой и другой магической работе я посвящал практически все свое время. Я разработал новый ритуал Самопосвящения (см. «Эквинокс», I, 3, стр. 269²), в котором духовное воодушевление достигается посредством магического танца. В этом танце использовались тайные жесты моей степени и соответствующие слова³. Усилием воли я сопротивлялся головокружению, сколько мог, и тем самым откладывал до последнего миг окончательного физического иступления. Благодаря этому я терял сознание в тот самый момент, когда мною полностью овладевало устремление к Высшему. Вместо того чтобы провалиться в глухую тьму, я входил в ясное состояние, в котором очищался

1 Йециратические соответствия — традиционные соответствия букв древнееврейского алфавита стихиям, планетам и знакам зодиака. Основные каббалистические соответствия букв LPD таковы: L — Ламед (♋), 30, Весы (♎), Ату VIII («Исправление», или в системе Золотой Зари — аркан Таро XI, «Правосудие»); P — Пе (♌), 80, Марс (♂), Ату XVI («Башня»), D — Далет (♍), 4, Венера (♀), Ату III («Императрица»). Современный исследователь учения Телемы Дэниел Гантер интерпретирует их следующим образом: «Самое простое объяснение L : P : D : — в том, чтобы представить эти буквы как ♎, ♂ и ♀. Это символы Равновесия Активного и Пассивного; Равновесия Суровости и Милосердия; Крюк и Плеть Осириса, ♂♀, скрещенные друг с другом в Гармонии поверх сердца». Подробнее см. Дж. Дэниел Гантер. *Мистицизм Алистера Кроули. Посвящение в Зоне Ребенка: путешествие внутрь*. М.: Гарпократ, Castalia, 2011, стр. 62—66.

2 См.: *Храм царя Соломона*, указ. соч., т. 1., стр. 401—405.

3 Имеются в виду знаки и слова степени Младшего Адепта (5°=6°) Золотой Зари. См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 585—586, 593—599.

от своей личности и от всех чувственных и умственных впечатлений. Я превращался в сосуд призванных божественных сил и так на какой-то миг сам становился богом. В этом отношении результаты меня устраивали, однако для личного моего развития пользы от них было немного, поскольку сформировать мысленную связь между божественным и человеческим сознанием не удавалось.

Кроме того, я пытался обрести дар невидимости (ритуал см. в «Эквиноксе», I, 3, стр. 272¹). Я добился того, чтобы мое физическое отражение в зеркале бледнело и начинало мерцать — точь-в-точь как кадры на экране старого кинематографа. Но истинный секрет невидимости не имеет ничего общего с законами оптики: весь фокус тут в том, чтобы заставить людей не обращать на тебя внимания даже тогда, когда при обычных обстоятельствах они бы не преминули тебя заметить. И в этом я вполне преуспел. Например, я мог ходить по улице в золотой короне и алой мантии, не привлекая к себе взглядов прохожих.

Но интереснее всего, пожалуй, одна магическая практика, которую я изобрел для решения этой, казалось бы, неразрешимой дилеммы Сфинкса: «Соискатель магии должен быть морально совершенен». Возможно, я инстинктивно чувствовал, что мои благочестивые предшественники ошибались, требуя подавлять мужественность и соблюдать те или иные искусственные правила поведения. (Теперь-то я, конечно, понимаю, что их предписания попросту истолковали превратно: на деле каждую частицу той молекулы, которую являет собой соискатель, необходимо развить до предела и поставить на службу своей истинной воле².) Полагаю, что ключевой идеей я обязан Стивенсону³. Как посвященный Второго ордена я носил на сердце некое драгоценное украшение⁴. И вот я решил: когда

1 См.: *Храм царя Соломона*, указ. соч., т. 1., стр. 405—413.

2 Подробнее см. эссе Кроули «Целомудрие» в издании: *Халдейские оракулы*. / Алистер Кроули. Восемь лекций по йоге. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 168—171.

3 Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894) — британский писатель и поэт; подразумевается основная идея его повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886; см. ниже).

4 Подразумевается эмблема Розы и Креста, носить которую на груди предписывалось посвященным Второго (Внутреннего) ордена Золотой Зари — Ордена Красной Розы и Золотого Креста.

оно на мне, я не буду допускать ни единой мысли, слова или поступка, не имеющих прямого отношения к моим магическим устремлениям. Когда же я буду снимать его, то, наоборот, все это должно становиться запретным; я должен буду вести себя как совершенно непосвященный. Так я, фактически, разделился на Джекила и Хайда, но с тою разницей, что обе личности были уравновешенными и полноценными. Эта практика оказалась очень полезной. По существу, я положил начало систематическому контролю над мышлением. Впоследствии этот метод был включен в наставления А.:А.: (см. «*Liber Jugorum*»¹).

В Мехико мой Пегас пустился с места в карьер и помчался во весь опор. Сердце мое выбивало неудержимые ритмы экстаза — так прекрасны были и этот великолепный горный воздух, и солнечный свет, и пышная красота цветов, и пьянящая близость бесстрашной и радостной любви, пламеневшей в каждом лице.

Но основу главного своего поэтического достижения я заложил еще в Европе. На одной из полуоткрытых церемоний Мазерса² я познакомился с американской примадонной, посвященной Ордена. Она взяла меня штурмом, и мы обручились. Правда, сочетаться браком тотчас же было невозможно: в Техасе у нее заваялся какой-то муж, и сначала надо было от него избавиться. Но я посетил «Тангейзера» в Ковент-Гардене, где она исполняла партию Венеры³; и, к тому же, она любезно настояла, чтобы я сперва отведал яства, которые она намеревалась вручить мне в постоянное пользование. Романтика связи с такой знаменитой артисткой будоражила воображение. В Мехико меня привлекла одна случайная женщина: ненасытная страсть, горевшая в ее злых, непроницаемых глазах, превращала изнуренное лицо в водоворот страдания и грешного соблазна. Я провел с ней несколько часов в ее убогой лачуге, но по дороге домой почувствовал себя настолько неудовлетворенным (*lassatus*,

1 См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 644—647.

2 Вероятно, имеются в виду «Обряды Исиды» — театрализованные ритуалы, которые проводили в Париже на рубеже XIX—XX вв. С.Л. Макгрегор Мазерс и его супруга Мойна. Подробнее см.: Эллик Хоув. *Маги Золотой Зари*. М.: Энигма, 2009, стр. 350—352.

3 «Тангейзер» (1845) — опера Рихарда Вагнера; Ковент-Гарден — лондонский оперный театр.

sed non satiat¹), что лихорадочные фантазии сменились настоящими галлюцинациями, принявшими облик сцен из вагнеровской оперы. Добравшись до дома, я сел и немедленно начал записывать свою собственную версию этого сюжета, поэтическую и магическую². Я не спал и не ел, пока не поставил последнюю точку — шестьдесят семь часов спустя. Я не чувствовал хода времени. Выглянув в окно, я не мог понять, почему сейчас уже вечер: мне казалось, я просидел за столом всего одну ночь. Эта пьеса стала кульминацией всего первого периода моей поэтической карьеры.

Тем же летом я решил отправиться в глубь страны. Я съездил в Игуалу, купил там рыжего пони и неторопливо поехал обратно в Мехико, довольствуясь тем, что попадалось мне на пути. Вообще, в путешествиях я никогда не «осматривал достопримечательности» целенаправленно. Мало что способно разочаровать до такой степени. Нет, я просто поселяюсь в каком-нибудь неизведанном городе и живу там обычной жизнью, как все местные. Я брожу по улицам и время от времени неожиданно натываюсь на очередное чудо света. Это приносит удивительную, волнующую радость, какой вовеки не изведать путешественнику, запродавшему душу бедкерам³. Представьте себе, что за восторг — открыть для себя Колизей или Тадж-Махал совершенно самостоятельно и внезапно, между тем как

1 «Утомившийся, но не насытившийся» (лат.).

2 Имеется в виду драматическая поэма Кроули «Тангейзер», впервые опубликованная в 1902 году (Лондон, «Кеган Пол, Тренч, Трюбнер и Ко.») тиражом 506 экземпляров. Впоследствии поэма была переиздана в составе «Собрания сочинений Алистера Кроули» (т. 1, 1905) и отдельной брошюрой (1907). Рецензент из «Кембридж Ревью» охарактеризовал ее как «достопримечательный “путь паломника” в драматической форме» и добавил: «Эту работу можно считать вершиной развития автора как лирика и драматурга: вероятно, он высказал здесь все, что только можно сказать о Возрождении души». Более сдержанный отзыв последовал в «Пэлл мэлл газетт»: «Столь великолепная бумага, широкие поля и превосходное качество печати позволяют нам предположить, что богатством содержания книга превосходит даже изобилие языков, владение которыми автор столь щедро демонстрирует на протяжении всей поэмы. Но несмотря на все эти достоинства, ему так и не удалось затронуть глубокие струны нашей души». А обозреватель из «Дэйли кроникл» откровенно признал: «Утверждать с полной уверенностью, что Алистер Кроули относится к жизни как к священному таинству, мы не можем, потому что мы его не понимаем».

3 В 1827 году в Кобленце Карл Бёдекер (1801—1859) — немецкий издатель, основал издательство путеводителей по разным городам и странам. Непревзойденная достоверность и издательское качество путеводителей, носящих его имя («бедкерев»), быстро стало нарицательным для изданий такого вида.

вы просто шли, ничего не подозревая, и размышляли о каких-нибудь самых обычных вещах! Возможно, несколько шедевров я и пропустил — но, полагаю, немного; тогда как люди, приходящие полюбоваться ими намеренно, пропускают вообще всё.

Что до романтики и удовольствий, то в этом с Мексикой не сравнится никакая другая страна. Даже в самом скромном провинциальном городке непременно обнаружится своя маленькая Аламеда: зеленый сквер относительно недалеко от центра, где всегда найдется свободная скамейка и оркестровая площадка, где каждый вечер играет оркестр — безо всякой лишней помпы и показухи, а просто потому, что людям нравится музыка. Слишком жарко здесь не бывает: почти все время дует приятный ветерок, слегка колышущий листву на деревьях, но не настолько сильный, чтобы кому-то досаждал или причинять неудобства. И повсюду полным-полно людей; и все кажутся молодыми, и все очаровательны, непосредственны и готовы предаться любому роду любви, какого только можно возжелать.

В сердце своем они и предаются ей постоянно, лишь дожидаясь возможности дополнить помышление словом и делом. И долго ждать им не приходится. Никаких препятствий нет: все вокруг — и домашняя жизнь, и природа, и искусство — принимают с распростертыми объятьями Купидона в любом его обличье, сколь угодно страстном, постоянном, мимолетном или обыденном. Минутное настроение — единственный судья происходящего. Беспокойство им неведомо. «Не думай о завтрашнем дне» — первое правило во всех человеческих отношениях, а в делах такого рода — особенно. Для мексиканцев любовь — это бизнес самой жизни, в котором не бывает убытков: есть только прибыли. В ней не место ложному стыду; она не оскверняется ни мыслями о выгоде или материальных вопросах в целом, ни лицемерными разглагольствованиями о чистоте, возвышенности, идеалах и прочей подобной чуши. Не смею и надеяться, что мне удастся выразить в словах, какое изысканное наслаждение дарует такая свобода. Естественные порывы не пресекаются никакими мыслями о том, что найти себе подходящую подругу или друга будет непросто, что на пути к осуществлению желания возникнут преграды, а после останется неприятный осадок. Одним словом, проблема секса, доведшая англосаксонские нации до истерии и безумия,

в Мексике разрешилась легко и естественно благодаря подходящему климату и общей сердечности местного населения. Даже католицизм во многом утратил там свою вредоносную силу. Духовенство здесь предается духовной и телесной близости так же пылко и весело, как миряне. Дева Мария превратилась в ту самую *fille-mûre*¹, о которой на самом деле и повествуют евангелия вопреки всем нашим стыдливим отрицаниям очевидного. Разумеется, священник надеется, что за любезную уступчивость его вознаградят, но в этом тоже нет ничего противного природе человеческой: он ведь не жаден, не злобен и не лицемерен, а просто радуется пожертвованиям, которые ему вручают совершенно добровольно и в самом дружеском духе.

Впрочем, так обстояло лишь до тех пор, пока Диас 33° держал его в узде². После смерти Диаса священник распоясался и, подобно тому достославному Воробью, принялся скакать по девичьим утробам направо и налево (уж не из зависти ли к лаврам не менее знаменитого Голубя?), так что, как гласит история, ему пришлось существенно подрезать крылышки³.

Первая моя ночь на пути из Игуалы ознаменовалась веселым и загадочным происшествием. Выехав из города, я заблудился на сахарной плантации и только под вечер выбрался к недостроенной железной дороге. Я пошел было по путям, надеясь, что они выведут меня к какому-нибудь поселению, но тут внезапно совсем стемнело. Я стреножил пони, развел костер, позаимствовав для него кое-какие материалы, оставленные строителями без присмотра, и улегся спать, завернувшись в пончо. Едва начало светать, как меня разбудило смутное чувство опасности — верный сторож путешественников, которым довелось заночевать под открытым небом. Кто-то пристально

1 «Девушка в полном соку» (фр.).

2 Порфирио Диас (см. примеч. 1 на стр. 8) был Великим Командором 33° Массонского Верховного совета Мексики.

3 «...достославному Воробью»: имеется в виду ручной воробей красавицы Лесбии, воспетый древнеримским Катуллом в стихотворениях №№ 2 и 3. Ср.: «Прозрачного меда пчелиного сласе // Скакал он по нежной ее утробе» (рус. пер. А. Волохонского). «...знаменитого Голубя» — намек на евангельское предание о зачатии Иисуса Христа. «...подрезать крылышки»: подразумевается ряд положений мексиканской конституции 1917 года (см. примеч. 1 на стр. 17), направленных на ограничение роли католической церкви в стране. За принятием этой конституции последовала затяжная «война кристерос» — вооруженная борьба между правительственными силами и повстанцами-кристерос, выступавшими за восстановление прав церкви.

рассматривал меня из-за насыпи; в тусклом свете я различил три головы. Я пальнул из револьвера в воздух; головы исчезли. Я повернулся на другой бок, мгновенно заснул и проспал еще несколько часов.

Вторая ночь тоже оказалась забавной, хотя и по-другому. Я наткнулся на строительный лагерь с деревянным бараком и кухней, которой заправляли два китайца. Напросившись на ночлег, я сел за стол со строителями, и те, почуяв легкую добычу, принялись страшить меня байками о скорпионах и малярии. Прежде чем накрыть на стол, один из китайцев вошел в барак с кастрюлей горячей воды и обошел все углы, плеща кипятком в щели между бревнами. Примерно из каждой второй дыры вываливался обваренный скорпион. В результате всю ночь я возвращался мыслями сквозь сон к одной особенно мерзкой привычке из тех, что водятся за моими ползучими братьями: они имеют обыкновение выползать на потолок, а оттуда падать на постель. Само по себе это не опасно, но от прикосновения человек может пошевелиться во сне, и тогда скорпион встревожится и ужалит. К счастью, обошлось; однако ноги у меня так распухли к утру от комариных укусов, что натянуть сапоги удалось только чудом. Так я и познакомился с малярией, первый жесточайший приступ которой обрушился на меня вскоре по возвращении в столицу. Сама же поездка принесла множество самых разнообразных приключений; перескажу только один, самый выдающийся эпизод.

Проезжая по какому-то холму, я увидел ярдах в тридцати ниже по склону мексиканца, как мне показалось, спавшего на солнце. Я решил предупредить его об опасности, и подъехал ближе. Оказалось, что он уже недели три как мертв: тело превосходно мумифицировалось. Вообще, мертвого мексиканца не тронет ни койот, ни стервятник — так основательно он успевае́т пропитаться чили и прочими острыми приправами¹. Зато любое другое мясо не пролежит под открытым небом и дня. Однажды я поехал из Сапотлана пообедать к друзьям на ранчо и по дороге обогнал караван мулов, шедший в сторону Тихоокеанского побережья. Как раз когда я проезжал мимо, один из мулов упал от усталости. Погонщики распределили вьюки между другими мулами, а этого бросили подыхать.

¹ Ср. стр. 80.

Возвращаясь после обеда, часа через три, я увидел, что от мула остались одни только кости, обглоданные дочиста.

Отличить мексиканца можно по особой, никому больше не свойственной привычке продувать сигарету, прежде чем закурить. Объясняется это тем, что в Мексике сигареты крутят заключенные, которым собственной дневной нормы табака, очевидно, не хватает, и они пополняют свои запасы, примешивая пыль к табаку, который им выдают каждое утро для работы. Эту-то пыль и приходится выдувать.

Уж и не знаю, правда это или нет, но говорят, что в 1917-м, когда за революцией последовала контрреволюция¹ и политические стервятники продолжили рвать страну на части, какой-то городок близ Рио-Гранде оказался временно отрезан от сообщения с другими населенными пунктами. И, по-видимому, все местные жители, у кого еще оставались какие-то деньги, немедленно их припрятали. По крайней мере, вся наличность стремительно и необъяснимо исчезла из оборота. Город в ужасе замер: что же делать? Но, будучи людьми здравомыслящими, все быстро взяли за ум и сказали: «Ну и ладно. Что толку в жалобах? Нет денег — будем меняться товарами. Будем брать товары в кредит, а раз в неделю — сводить баланс и покрывать долги».

Задача хитра, но разгадана ловко:

Зачем нам монеты, когда есть веревка?

Результат превзошел все ожидания. Торговля продолжала идти так же бойко, как и обычно, за одним лишь примечательным отличием: исчезли всякие мотивы для обсчета, мошенничества, накопления и азартных игр. Разумеется, можно было накопить целое состояние на балансовой ведомости, которую вел городской совет; но обналечить его было бы трудновато. Так что никто больше и не пытался обжулить или разорить соседа. Единственной целью стало всеобщее удобство и избавление от лишних хлопот, и все этим вполне довольствовались. Заклятые враги стали друзьями — не разлей вода; ростовщики

¹ Имеется в виду Мексиканская революция 1910—1917 гг., в ходе которой Порфирио Диас был свергнут и в стране установилась диктатура. В феврале 1917 года было создано учредительное собрание, принявшее новую конституцию страны, но и после этого гражданская война продолжалась еще несколько лет.

занялись полезным трудом; бездельники, дармоеды и игроки обнаружили себя перед выбором: работать или помереть с голоду. Город процветал; нищета исчезла; никто больше не тревожился о деньгах, и характер у всех сделался просто ангельский. Все стали счастливы. Но это было слишком прекрасно, поэтому долго продолжаться не могло. Коммуникации восстановили, и уже через месяц горожане снова принялись рвать друг другу глотки за лишний доллар.

Пока я лежал с приступом малярии в отеле «Итурбиде», меня пользовал американский врач по фамилии Парсонс, и у нас с ним завязалась теплая дружба. Парсонс был настоящий живчик, бодрый, находчивый и предприимчивый. В среде его коллег как раз изобрели новый источник дохода — удаление аппендиксов безо всякой на то насущной необходимости. Прослышав об этом, Парсонс тотчас телеграфировал в Штаты, чтобы ему прислали помощника, после чего принялся рекомендовать немедленную операцию каждому из многочисленных своих богатых пациентов, кто имел неосторожность пожаловаться на боли в желудке. Операция стоила тысячу мексиканских долларов, так что уже через несколько месяцев он сколотил состояние.

Английскую колонию в Мексике недолюбливали и презирали. Консул постоянно маялся запором, а вице-консул пил не просыхая. Что любопытно, точно такое же распределение ролей обнаруживается и в любом другом английском посольстве, какую страну ни возьми. Какой простор для философских спекуляций!

Я зачистил в американскую колонию и клуб. Помню, как меня представили одному новенькому, но уже популярному и уважаемому члену клуба: «Это мистер Тьюксбери, будьте знакомы», — и громким шепотом добавили: «Смылся из Чикаго с четвертью миллиона». Здесь я познакомился с милейшими фермерами, которые пригласили меня пожить у них, пока я выздоравливаю. Ранчо их находилось в окрестностях Гуанаято, крупного центра добычи серебра. В самом Гуанаято имелась уникальная достопримечательность: какой-то чудак-миллионер отгрохал там театр, но не простой, а самый роскошный

в мире. Кресла, например, были обиты настоящим бархатом, расшитым настоящей золотой нитью. Но по какой-то причине — думаю, потому, что президент отказался принять участие в торжественном открытии, — миллионер обиделся и не стал его открывать. Так этот театр и стоял без дела, развлекая только любопытствующих зевак, вроде меня, и в конце концов сгорел дотла по какой-то случайности.

В Мехико так и кишели американские профессиональные игроки и мошенники. На двоих я насмотрелся вдосталь: одного, тощего и седого янки, звали Макки, другого, его гениального подручного, — Уилсон или что-то в этом духе. Через несколько дней после знакомства Уилсон сделал мне деловое предложение. Управляющий рудника в Сан-Луис-Потоси наворовал золотого песка, но перетрусил и не рискнул смотать удочки. Уилсон сказал, что за тысячу долларов тот с радостью расстанется с компрометирующими мешками общей стоимостью тысяч в пять, и предложил мне войти в долю на равных: каждый внесет по пятьсот. Но зря, что ли, я читал Питчера¹ и других специалистов по вопросу разлучения дураков с их кошельками? «Тащите свои пятьсот, — с энтузиазмом сказал я Уилсону, — а я поеду и сам обстряпаю дело. Вы — человек занятой, вам не с руки отлучаться из города». Уилсон кивнул, ушел и вернулся через час, без денег, но с напарником. Они долго извинялись, что приняли меня за простачка, а потом Макки заявил. «Слышь, а такая невинная рожа, как у тебя, — это же сущий клад! Я знаю тут одного богатея, просто чокнутого на картах. В бразильский покер ты его обдерешь как липку (в бразильском покере тоже набираешь комбинации, как в обычном, но сдают всего две карты, а потом решаешь, брать ли третью, как в баккара). Мы тебе будем показывать знаками, что у него на руках. С твоей физиономией ему и в голову не придет, что ты мухлюешь».

Психология этих людей очень меня заинтересовала. У них не укладывается в голове, что на свете бывают люди, которые знают все трюки, но мошенничать не желают. Для них весь мир строго делится на жуликов и простофиль. Типично американский подход: знания нужны лишь для того, чтобы обставить

¹ Питчер — псевдоним английского писателя Артура Морриса Бинстеда (1861—1914).

конкурента, а честность хороша только там, где тебя легко могут поймать за руку. Даже в любительском спорте их не интересует ничего, кроме победы. Знания ради знаний, игра ради удовольствия — все это, по мнению американцев, легкомысленная чушь. «Жизнь не грезы! Жизнь есть подвиг!»¹. Один из них недавно сказал мне, что американский идеал — достижение, тогда как европейский — всего лишь развлечение. В этом есть немалая доля истины, а причина — в том, что мы, европейцы, попросту уже всего достигли и увидели, что все это не стоило усилий. Поэтому мы чувствуем себя живыми, только когда живем сегодняшним днем.

Мехико оказался настоящим рассадником игорных домов, и я стал подолгу просиживать за карточным столом. Играли в основном в монте: банкомет открывает две карты, а понтер выбирает, на какую поставить; после объявления ставок банкомет переворачивает колоду и начинает снимать карты одну за другой. Первая же карта, которая совпадет по масти с одной из двух открытых, определяет победителя. Если игру решит уже самая первая из открывшихся карт (это называется «попал в ворота»), банк выплачивает только три четверти ставки.

Сын одного из видных членов Золотой Зари покатился по наклонной и стал профессиональным шулером. Одно время я часто к нему заходил, изучая психологию коршуна и цыпленка.

Прежде всего, надо иметь в виду, что мошенник — всегда дурак. Благосостояние — производная биологической успешности, а привычка лгать делает самого лжеца легковверным (факт есть факт). Мой приятель постоянно нес убытки, не считая случайных полос везения, длившихся от силы несколько недель, хотя за это время он успевал нагрести под себя столько, что человеку хотя бы с каплей здравого смысла хватило бы на безбедную жизнь до конца своих дней.

Игра на доверии может принимать любые обличья, но во всех своих формах сводится к одному: как заставить жертву врасплох. Обратите внимание, как этот факт подкрепляет общую теорию, гласящую, что передача воли во власть эмоций пагубно отражается на рассудке. Первый этап любого

¹ Цитата из стихотворения Генри Лонгфелло «Псалом жизни» (1839, рус. пер. И. Бунина).

мошеннического трюка — так называемая приманка: жертву нужно заинтересовать или польстить ее тщеславию. Самый грубый и простой вариант — показать незнакомцу, что вы ему доверяете, попросив пять минут посторожить ваши часы или бумажник. На этом нехитром фундаменте выстраивается целая стратегия, удивительная в своей изощренности. Самых проницательных банкиров «нагревали» таким манером на десятки тысяч. Общий план заключается в том, чтобы подстроить серию мнимо случайных происшествий, в которых главарь мошенников сможет выставить себя в глазах жертвы в самом выгодном свете. Жертву побуждают восхищаться великолепным чувством юмора, щедростью, честностью и справедливостью и тому подобными достоинствами, которые тот проявляет в различных чрезвычайных обстоятельствах. Убедившись, наконец, что жертва прониклась к нему доверием, жулик переходит к следующему этапу. Он предлагает жертве принять участие в каком-нибудь предприятии, на котором оба они якобы могут нажиться, после чего в силу вступает тысяча и один способ повернуть ситуацию так, чтобы жертве пришлось внести в дело кругленькую сумму. При этом жертва не может высказать никаких подозрений (даже если таковые возникнут), не нанеся своему «благодетелю» чудовищного оскорбления. И вот уже несчастный простачок загнан в угол: с одной стороны, обычной человеческой порядочностью, с другой — неотразимой привлекательностью предложенной ему аферы. Он выкладывает деньги — и мошенник растворяется с ними без следа.

Я мог бы описать в подробностях с полсотни подобных схем. Изобретательность их вызывает у меня умозрительное восхищение, но за всеми ними неизбежно кроется какой-то основополагающий изъян, потому что в руках мошенника миллион тает быстрее, чем тысяча — в руках любого другого человека. Наблюдать представителей этого типа в изобилии можно в любом шикарном баре или отеле: все они одеты с иголочки и прекрасно ухожены, все смеются, шутят и сорят деньгами, а между тем у девяноста процентов неотступно свербит в голове: «Как же я буду платить по счетам?» — и это еще в лучшем случае; а за всеми этими мелкими беспокойствами стоят более глубокие, от которых нет и не предвидится избавления: «А что если от меня отвернется удача?» и «Что станется

со мной, когда моя уверенность во всеобщем простодушии окажется наивной иллюзией и я потеряю то единственное, что ставлю на кон в своей игре, — мою свободу?»

В Такубаю, роскошный фешенебельный курорт с большим казино, можно добраться из города приятнейшим образом — на электрическом трамвае. Игра идет за длинными столами, на которых громоздятся стопками тысячи серебряных долларов. Однажды вечером, сидя за одним из таких столов, я заметил, что электрическая люстра у меня над головой начала раскачиваться. Снаружи донесся оглушительный грохот, и внезапно весь свет в зале погас. Я понял, что началось землетрясение. В зал набежали служители со свечами, но поздно: света не было всего пару минут, но за это время казино почти опустело и большая часть денег со столов исчезла.

Я играл по одному из вариантов мартингала¹ и оставался в выигрыше чаще, чем того заслуживала моя глупость. Но однажды фортуна повернулась ко мне задом и мне пришлось поднять ставку вплоть до лимита, принятого в казино. Случился небольшой перерыв (по-видимому, послали за очередной новой колодой), я встал из-за стола и вдруг поймал себя на том, что нервно расхаживаю взад-вперед по проходу. Нечто подобное со мной произошло несколькими годами ранее на шахматном конгрессе в Берлине, когда я вдруг как будто увидел себя со стороны. «Нет, вы только посмотрите на этого молодого дурака! — казалось, говорил я сам себе. — Он поставил на кон весь свой месячный доход». Наконец, карты сдали, и я выиграл, но «попал в ворота» и получил только семьдесят пять процентов. Я взял выигрыш, вышел из казино и с того дня никогда больше не садился за игорный стол, исключая те четыре дня в Монте-Карло несколькими годами позже, когда я решил вспомнить старое не ради денег, а просто забавы ради. Тогда я поставил за правило брать с собой в казино ровно пять фунтов и после того, как истрачу их, не возвращаться к игре до следующего дня. Но на сей раз удача мне улыбалась, так что и на четвертый день я все продолжал выигрывать. Внезапно я вспомнил, что меня пригласили на ланч, и тут осознал, что выиграл уже больше трехсот пятидесяти фунтов. Ну все, подумал я,

¹ Мартингал — здесь: система, при которой игрок в случае проигрыша удваивает следующую ставку, а после первого выигрыша прекращает игру.

с меня хватит. После ланча я упаковал вещи и отбыл в Ниццу со всей поспешностью, дав себе клятву, что ноги моей больше не будет в этом княжестве¹.

За всеми моими приключениями я не забыл, что приехал в Мексику ради гор. Моя прислуга, девушка-индианка, как-то прознала, что я от них без ума; однажды она позвала меня на крышу и показала на два заснеженных пика, высившихся вдаль². Как я уже говорил, высоту и расстояние я оцениваю на удивление точно. Учитывая, что Мехико находится примерно в семи тысячах футов над уровнем моря, я прикинул, что эти вершины должны достигать одиннадцати-двенадцати тысяч, а от города их отделяет миль восемь-десять. «Когда-нибудь надо будет туда выбраться и подняться на них, — сказал я себе. — Наверняка с этих вершин будет видно настоящие большие горы — те, что отсюда миль в восьмидесяти». Но мой прекрасный план провалился с треском. Как выяснилось, это и были те самые «большие горы»! Я забыл сделать поправку на чистоту воздуха. Впрочем, ни один человек на моем месте не смог бы оценить расстояние правильно, если бы его опыт, как у меня, ограничивался только Европой. Позже я узнал, что Гималаи превосходят эти мексиканские горы настолько же, насколько последние превосходят Альпы. В Северной Индии видишь гору и думаешь, что до нее всего день пути; отправляешься в путь, идешь и на четвертый день понимаешь, что ее видимые размеры, равно как и расстояние до нее, почти не изменились.

Я так и не попытался одолеть те два пика — уж и не знаю, почему. Может быть, из какого-то невнятного чувства товарищества. Я хотел дождаться Эккенштейна³, который должен был приехать в Мехико ближе к концу года.

Между тем положение дел в магических занятиях странным образом меня беспокоило. Мои успехи превосходили все

1 «... в этом княжестве» — т.е., в Монако.

2 По всей вероятности, вулканы Истаксиуаль (5286 м) и Попокатепетль (5452 м), входящие в число самых высоких вершин Трансмексиканского вулканического пояса (Поперечной Вулканической Сьерры).

3 Эккенштейн, Оскар — см. Алистер Кроули. *Исповедь*. Т. 1. М.: Ганга, Телема, 2011, примеч. 1 на стр. 13; стр. 216—236.

ожидания. В сухом и чистом воздухе Мексики, где духовная энергия не истощена и не осквернена, как в больших городах, добиваться удивительных результатов было на удивление легко. Но сами эти успехи почему-то меня разочаровывали. Получая то, чего я будто бы хотел, я осознал, что в действительности хотел чего-то совершенно другого. Но чего именно — оставалось загадкой. Вскоре недовольство стало острым; и я воззвал к Учителям с настоятельной просьбой о помощи — точно так же, как в самом начале пути. Должно быть, зов был услышан тотчас же: прошло чуть больше двух недель, и я получил длинное письмо от Брата V.N.¹ До того я ему не писал, однако же в его письме обнаружилось именно то, что и было необходимо. Он вернул мне уверенность и отвагу. Я продолжил работать, уже гораздо вернее и глубже понимая, что я делаю. Я начал ощущать истинную подоплеку своих занятий. И, среди прочего, я совершенно по-новому понял каббалу.

Один из результатов, которых я добился в тот период, заслуживает подробного описания, поскольку впоследствии он оказался одним из столпов Великой Работы всей моей жизни. Слово «абракадабра» знают все. Но почему у него такая репутация? Объяснения Элифаса Леви оставили меня равнодушным².

1 V.N. — аббревиатура магического девиза «Volo Noscere» (лат. «Я желаю знать»), который носил Джордж Сесил Джонс (подробнее см.: *Исповедь*, т. I, указ. соч., примеч. 2 на стр. 240; стр. 252, 256).

2 Имеется в виду следующий отрывок из «Учения и ритуала высшей магии» Леви (часть II, глава III; в квадратных скобках даны примечания переводчика):

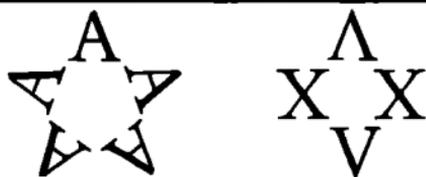
«Магическим треугольником теософов-язычников была знаменитая АБРАКАДАБРА (ABRACADABRA), которой они приписывали необычайные свойства и представляли ее следующим образом:

ABRACADABRA
ABRACADABR
ABRACADAB
ABRACADA
ABRACAD
ABRACA
ABRAC
ABRA
ABR
AB
A

Это сочетание букв — ключ к Пентаграмме. Начальная «А» повторяется в слове пять раз, а в общей сложности во всем треугольнике — тридцать раз, что дает компоненты и числа следующих двух фигур:

Я начал подозревать, что это — искажение какого-то подлинного «слова силы». Я исследовал его каббалистическими методами и восстановил истинную его форму¹. Обнаружилось, что это и впрямь основная формула Великой Работы. Она показывает, как соединить Макрокосм с Микрокосмом. Соответственно, я принял это слово и его числовое значение, 418, за краткое, но всеобъемлющее выражение истинного способа проведения всех серьезных магических операций.

И это было лишь одно из множества открытий. Перед отъездом на Цейлон Алан Беннет² отдал мне большую часть своих

[Первая фигура состоит из пяти букв «А», вторая — из римских цифр, в сумме дающих число 30.]

Отдельно взятая буква «А» символизирует единство первого принципа, или, иначе говоря, разумного или активного агента. «А» в соединении с «В» означает оплодотворение диады монадой. Буква «R» — символ триады, поскольку ее очертания намекают на порождение, проистекающее от союза этих двух первоначал. В числе 11 (количестве букв в этом слове) единство посвященного сочетается с Пифагоровой десятирицей, а число 66 (количество всех букв треугольника) при каббалистическом сложении [т.е., при сложении составляющих его цифр, $6 + 6$] дает число 12, — квадрат триады и, следовательно, мистическую квадратуру круга. Можно отметить между прочим, что автор «Апокалипсиса», этого ключа ко всей христианской каббале, составил число зверя [666], то есть число идолопоклонничества, прибавив 6 к удвоенной шестерке, которую дает треугольник АБРАКАДАБРЫ; оно, в свою очередь, каббалистически сводится к числу 18 [$= 6 + 6 + 6$] — числу, которое в Таро соответствует символу ночи и профанного состояния — луне, представленной вкуче с башнями, собакой, волком и раком; числу таинственному и неясному, каббалистический ключ к которому, однако, — 9 [$= 1 + 8$], число посвящения. На сей счет этот святой каббалист говорит прямо: «Кто имеет ум», — то есть, кто знает ключ к каббалистическому исчислению, — «тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть» [Откр. 13:18]. Фактически, это десятирица Пифагора, умноженная на сумму букв, составляющих треугольный Пантакль слова «ABRACADABRA»; и, следовательно, это совокупность всей магии древнего мира, вся программа гения человеческого, выбрать или пересадить который в себя стремился Божественный Гений евангелий».

1 «...восстановил истинную его форму»: Кроули пришел к выводу, что это слово должно записываться как «ABRAHADABRA»; подробнее см., в частности: Алистер Кроули. 777. Каббала Алистера Кроули. М.: Ланселот, 2011, стр. 474—475; Алистер Кроули. Книга Алеф. Мастер Храма. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 103, 115—116; Алистер Кроули. Сердце Мастера. Книга Лжей. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 236—237; Алистер Кроули. Видение и Голос. Книга Еноха. М.: Ганга, Телема, 2010, стр. 73; Корнелиус, Дж.Э. Магическая сущность Алистера Кроули. М.: Гарпократ, Castalia, 2012.

2 Алан Беннет — см.: *Исповедь*, т. I, примеч. 2 на стр. 13; стр. 265—268.

тетрадей с записями по магии. В одной из них содержались наброски каббалистического словаря — различные священные слова, выстроенные не в алфавитном порядке, а по числовым соответствиям¹. Надо пояснить, что основная идея каббалы заключается в том, что всю вселенную можно представить как результат развития чисел от 0 до 10, расположенных в особом геометрическом порядке и соединенных между собой двадцатью двумя «путями»². Проблема в том, чтобы понять сущностную природу этих чисел в совершенстве. Каждое явление, каждое понятие можно свести к одному или нескольким числам. Каждое явление — так сказать, частная вариация на тему той или иной чистой идеи. Священные слова, имеющие одно и то же числовое соответствие, должны представлять собой красноречивые комментарии к тому или иному аспекту данного числа. Так, например, число 13 оказывается своего рода толкованием на число 1, поскольку оно соответствует словам «единство» и «любовь»³. Таким образом, эти идеи суть качества числа 1. Далее, 26 соединяет в себе эти смыслы числа 13 с идеей двойственности (условия проявленности или осознания), и при этом 26 — числовое соответствие имени Яхве⁴. Из этого мы делаем вывод, что Он — Демург, выражение первоначального *Единого* в проявленной форме.

Я продолжал работать в этом направлении постоянно и на протяжении многих лет, развивая начатое Аланом, и в конце концов создал систематическую компиляцию⁵. Эта книга была опубликована в «Эквиноксе» (том I, №8). Это единственный на сей день словарь каббалы, имеющий право притязать хоть на какую-то полноту. Разумеется, со времени первой его публикации обнаружилось немало новых данных, и я надеюсь

1 «... по числовым соответствиям» — т.е., по гематрии, каббалистическому методу, который основан на подсчете суммы числовых значений древнееврейских букв, составляющих то или иное слово.

2 Имеется в виду каббалистическое Древо Жизни. Подробнее см.: *Разоблаченная каббала С.Л. Макгрегора Мазерса*. М.: Энигма, 2009; *Израэль Регарди. Каббала Израэля Регарди. Гранатовый сад*. М.: Энигма, 2005; 777. *Каббала Алистера Кроули*, указ. соч.

3 На древнееврейском языке «единство» — \aleph (ахад) = 1 (Алеф) + 8 (Хет) + 4 (Далет) = 13; «любовь» — \aleph (ахеба) = 1 (Алеф) + 5 (Хе) + 2 (Бет) + 5 (Хе) = 13.

4 Яхве = \aleph (Йод) + 5 (Хе) + 6 (Вав) + 5 (Хе) = 26.

5 Имеется в виду книга Кроули «Liber 500, или Сефер Сефирот»; в рус. пер. см.: 777, указ. соч., стр. 409—508.

когда-нибудь выпустить дополненное переиздание. Но даже и в таком виде упомянутый словарь остается необходимым справочным пособием для ученика. По-настоящему полным и законченным он не станет никогда — хотя бы потому, что каждый ученик должен разработать свою собственную каббалу. Мои представления, например, о числе 6 неизбежно будут отличаться от ваших. Фактически, именно в этом и состоит разница между вами и мною: вы воспринимаете один набор качеств абсолютной реальности, я — другой. Чем выше мы поднимаемся по лестнице Достижения, тем больше общего окажется между нашими точками зрения: так, по вопросу о характере Наполеона Бонапарта между двумя великими историками — допустим, английским и французским — разногласий будет куда меньше, чем между двумя крестьянами — девонширским и провансальским. Но все равно ни один человек не сможет воспринять и познать какое бы то ни было существо до конца.

С прибытием Экенштейна мне пришлось отодвинуть свои магические труды на второй план. Он открыто глумился надо мною за то, что я трачу время на подобную чушь. И поскольку он был жестоко откровенен, а я — застенчив и чувствителен, то, естественно, я старался не подавать ему повода для грубых насмешек над самыми святыми для меня предметами. Но иногда я пользовался его непросвещенностью и употреблял в беседах с ним термины, понять которые он не мог. Вообще, от разговора на этом жаргоне с каким-нибудь совершенно посторонним человеком у меня обычно проясняется в голове, да и на душе становится легче. Мы с Экенштейном очень основательно исследовали мексиканские горы (об этом позже), но мною опять овладело поутихшее было беспокойство в связи с магической работой. И на сей раз я не мог снять это обострение привычным наркотиком — подготовкой и проведением церемоний, погружением в активную деятельность, заглушающую голоса внутренних демонов. Наконец, однажды вечером, во время сборов на Колиму¹, я сломался и поведал Экенштейну о своих бедах, как, впрочем, нередко делал и прежде, нарываясь только на оскорбления или насмешки. Едва ли сам Валаам удивился сильнее, когда его ослица начала пророчествовать,

¹ Колима (4339 м) — горный пик в составе Трансмексиканского вулканического пояса (Поперечной Вулканической Сьерры).

чем я — когда Эккенштейн внезапно заговорил по сути дела. Дождавшись конца моих излияний, он устроил мне худшие за всю мою жизнь четверть часа. Он описал мое положение точно и кратко, после чего заявил, что все мои неприятности происходят от неумения контролировать свои мысли. «Брось ты эту свою магию, — сказал он. — Брось свои романтические иллюзии и ложные наслаждения. Обещай мне, что оставишь все это на какое-то время, и я научу тебя, как управлять собственным умом». Он говорил с абсолютной уверенностью, какая может проистекать только из глубокого и совершенного знания. И я, сидя и слушая его, вдруг понял, что твердо уверовал в него под давлением неоспоримых фактов. Я изумлялся и благоговел. Мне вспомнилась Пасха 98-го, когда я в отчаянии бродил по Уосдейлу и молил мироздание послать кого-нибудь, кто откроет мне истину¹, хотя всего моего воображения не хватало, чтобы установить связь хотя бы с каким-нибудь помощником в этом деле. А между тем в тот самый час именно тот человек, в котором я нуждался, уже сидел напротив меня, покуривая трубку у камина, или держал меня на веревке над пропастью!

Итак, я сразу же принял его помощь, и он научил меня основам сосредоточения¹. Мне нужно было тренироваться в визуализации простых объектов, а затем, научившись удерживать их в достаточно устойчивом виде, перейти к подвижным предметам — таким, например, как маятник. Начальное затруднение связано с тем, что всякий объект при попытке длительной визуализации склонен менять свои размеры, форму, положение, цвет и так далее. Трудность с подвижными предметами — в том, что они пытаются двигаться хаотично. Маятник стремится изменить частоту, амплитуду или плоскость своих колебаний.

Кроме того, я делал упражнения, в которых надо было воображать определенные звуки, запахи, вкусы и осязательные ощущения. Эккенштейн был доволен моими успехами, и после того, как я завершил эту подготовительную работу, позволил мне перейти к визуализации человеческих фигур. Он пояснил мне, что человеческая фигура ведет себя иначе, чем любые другие объекты: «Никому еще не удавалось удерживать ее

1 См.: *Исповедь*, т. 1, стр. 168, 239; в этот период Кроули познакомился с Эккенштейном.

2 См. также: *Храм царя Соломона*, указ. соч., т. 2, стр. 7—8, 65—71.

в совершенной неподвижности». Существует вполне определенный признак успеха в этом упражнении: образ должен раздвоиться на более крупную и более мелкую фигуры, накладывающиеся друг на друга. Говорят, что таким способом можно изучить характер человека, о котором вы думаете. Образ принимает некую символическую позу, свидетельствующую о тех или иных нравственных или умственных качествах его реального обладателя.

Я упражнялся очень прилежно; Эккенштейну даже пришлось меня придерживать, потому что перенапрягать ум в этой практике нельзя. Под его внимательным руководством я добился больших успехов. Можно не сомневаться, что за эти месяцы усердной научной работы, не подпорченной романтическими фантазиями, я заложил основы весьма солидной мистической и магической техники. Судя по всему, Эккенштейн понимал то, чему впоследствии научила меня «Книга Закона»: «Ибо чистая воля, не укрощенная умыслом, свободная от вожделения к результату, совершенна во всех отношениях»¹.

Мы вплотную занялись горными экспедициями. Эккенштейн уже побывал в Гималаях (в 1892-м) и полагал, что прежде, чем отправляться туда, мне стоит набраться опыта в восхождениях на горы выше альпийских и в путешествиях по пересеченной местности, населенной полудикими людьми. Для начала мы разбили лагерь на склоне Истаксиуатля, примерно в четырнадцать тысячах футов над уровнем моря². Там мы провели недели три и успели подняться на вершину этой красивейшей из мексиканских гор много раз, со всех возможных сторон. Во время этих учебных восхождений мы, сами того не подозревая, побили несколько мировых рекордов.

В некоторых отношениях мы столкнулись с весьма суровыми трудностями. Все консервы, какие удалось достать в Мехико, были низкого качества и, вдобавок, очень старые. Эккенштейн постоянно мучился поносом, да и мне приходилось не легче. Наконец, весь провиант вышел, и последние три дня мы прожили на одном шампанском и датском сливочном масле. Но нам было, в общем-то, все равно: главное — мы исполнили то, что хотели. Кроме того, я узнал много нового

1 «Книга Закона», I:44.

2 Истаксиуатль (Иста) — см. примеч. 2 на стр. 23.

о жизни в лагере, о тонкостях глассады и о пользовании кошками¹. Я понял, что эти совершенные с механической точки зрения накладные «когти» творят чудеса, еще в 1899 году в Монтанвере². Мы тогда показали одному молодому человеку из Оксфорда, доктору Т. Дж. Лонгстаффу³, на что они способны. Эккенштейн поднялся в них, не вырубив ни одной ступеньки, по склону под углом более семидесяти градусов, покрытому твердым черным льдом. А по склонам до пятидесяти градусов в кошках можно просто спокойно идти прогулочным шагом. Лонгстафф попытался даже стащить его на веревке, но ничего у него не вышло.

Мне удалось продемонстрировать возможности этого замечательного приспособления и в более широком масштабе. Однажды Эккенштейн заболел, и я собрался на Коль-дю-Жеан⁴ с Лонгстаффом и двумя его проводниками. Но я и сам неважно себя чувствовал, а потому решил выйти часом раньше остальных. Осмотрев ледопад, я обнаружил прямой путь вверх и стал подниматься. Когда я был уже на полпути к вершине ледопада, снизу донеслись душераздирающие крики. Я обернулся: проводники Лонгстаффа махали руками и вопили, что я «пошел не туда». Сами они намеревались идти обходным маршрутом, который был длиннее на добрую милю. Не обращая внимания на их дружескую тревогу, я продолжил свой путь и добрался до вершины задолго до остальных. Когда те, наконец, тоже подтянулись, мне объяснили, что я совершил невозможное. Чтобы выжать из этой занятой истории все, что можно, по возвращении я предложил пари на полторы сотни франков любому отряду, который сможет повторить восхождение по моему маршруту. Никто не смог.

1 Кошки — в альпинизме: металлические приспособления, крепящиеся к обуви для передвижения по льду.

2 Монтанвер — долина в Альпах с северной стороны массива Монблана.

3 Томас Джордж Лонгстафф (1875—1964) — английский врач, путешественник и альпинист; первым в мире (в 1907 году) покорил вершину высотой более 7000 м — пик Трисул (7120 м) в Индийских Гималаях. Совершил множество восхождений в Тибете, Непале, Каракоруме, Гренландии, на острове Шпицберген и на Баффиновых островах. В 1908 году основал британский Альпийский лыжный клуб; в 1947—1949 гг. был президентом британского Альпийского клуба.

4 Коль-дю-Жеан — вершина в составе Монблана высотой 3371 м.

На самом деле очень удивительно и огорчительно, что (после стольких лет, на протяжении которых раз за разом подтверждалось, что человек без альпинистских кошек уступает гордому их обладателю настолько же, насколько стрелок из лука — стрелку из ружья) английские скалолазы в массе своей по сей день не знают, чего можно добиться при помощи кошек и как ими пользоваться. Гарольд Рэйберн¹ в своей книге выдвигает против них кроткие возражения. Он допускает, что в кошках можно пройти по какому-нибудь относительно пологому склону, покрытому плотным снегом, но выражает опасение, что ко времени спуска снег может подтаять, — и как тогда быть, если вы не удосужились заранее вырубить ступеньки? По-видимому, он понятия не имеет, что кошки надо использовать не на снегу, а на льду, и чем тверже лед, тем вернее они держат. А между тем мистер Рэйберн пытался одолеть Эверест², где кошки превратили бы самые опасные проходы в прогулочные дорожки, а ледяные склоны, на которых из-за длины и крутизны нет смысла даже пытаться вырубить ступеньки, — в простые и удобные лестницы. Только принципиальное бойкотирование Эккенштейна и его школы и сознательное пренебрежение успехами континентальных альпинистов, не говоря уже о моих собственных экспедициях, помогли английскому Альпийскому клубу сохранить свой престиж и привилегированное положение. Невежество и некомпетентность неуязвимы. Никакие насмешки не долетают до заоблачных вершин непробиваемого снобизма. Здесь бессильны даже сами горы, сколько бы они ни увечили и не убивали самонадеянных глупцов: те, кто остается в живых, лишь кичатся глупостями своих собратьев пуще прежнего и требуют почитать их как героев. Одно из самых удивительных свойств англичанина — в том, что храбрость для него равна слепоте: чем более безрассудно человек бредет навстречу опасности, тем он, якобы, достойнее уважения.

Мы считали ниже своего достоинства строить укрытия от бурских пуль; мы до сих пор гордимся тем, что

1 Гарольд Эндрю Рэйберн (1865—1926) — шотландский альпинист, автор книги «Искусство альпинизма» (1920), член британского Альпийского клуба с 1904 года.

2 Имеется в виду неудачная разведывательная экспедиция на Эверест в 1921—1922 гг., в ходе которой Рэйберн заболел тяжелой формой гриппа и несколько лет спустя умер от последствий этой болезни.

не подготовились к Великой Войне заранее. Даже научный подход кажется нам «неспортивным», и упоминать о том, что экспедиция Скотта провалилась из-за неумелой подготовки, считается дурным тоном¹. Настоящий джентльмен никогда не опустится до того, чтобы критиковать галлиполийскую кампанию².

В марте 1922 года я узнал о составе и планах предстоявшей экспедиции на Эверест³. Я написал статью, в которой предсказал неудачу этого похода, объяснил причины, по которым он провалится, и показал, как можно избежать катастрофы. Но никто не захотел ее напечатать. Мне сказали, что я нарочно «придираюсь» к этим доблестным джентльменам. Что ж, на нет и суда нет. Но когда мои пророчества сбылись — а сбылись они в точности, — настало время объяснить, почему так случилось. И опять никто не пожелал меня выслушать. Этим героям и без того выпали на долю тяжкие испытания, так стоит ли выставлять напоказ их ошибки? К тому же, их неудача — поражение всей Англии, так что лучше вообще не вспоминать об этом лишний раз.

На Истаксиуатле мы много тренировались в стрельбе из винтовок и револьверов. На такой высоте и в таком чистом воздухе становишься великолепным стрелком. С сотни ярдов мы попадали в цель лучше, чем обычно — с двадцати пяти. Мы наловчились выбивать дно из бутылки прямым выстрелом, не повредив горлышка. Вообще, в своих путешествиях по Мексике мы взяли за правило упражняться с оружием в каждой новой местности, где разбивали очередной лагерь. Репутация опытных стрелков — лучшая защита от местных мародеров.

1 Имеется в виду злополучная экспедиция британского путешественника Роберта Фалкона Скотта (1868—1912) на Южный полюс в 1910—1913 гг. Скотт с еще четырьмя участниками похода достиг полюса, но обнаружил, что его на несколько недель опередила норвежская экспедиция Руаля Амундсена. На обратном пути Скотт и его товарищи погибли от голода и холода. Основной причиной неудачи этой экспедиции стал принципиальный отказ Скотта использовать ездовых собак: он предпочел им маньчжурских пони, которых пришлось застрелить уже на пути к полюсу, поскольку они не выдерживали холода и перегрузок.

2 Имеется в виду военная операция на полуострове Галлиполи (Турция) в апреле-июне 1915 года, в которой объединенные войска Великобритании, Новой Зеландии, Австралии, Индии и Франции потерпели поражение в столкновении с германо-турецкими войсками.

3 В ходе неудачной британской экспедиции на Эверест в 1922 году отряд не достиг вершины горы из-за схода лавины, в которой погибли семеро тибетских носильщиков.

Вот, например: однажды мы встретили отряд железнодорожных строителей и заночевали с ними. Один из отряда пошел прогуляться после ужина, подышать свежим воздухом. На ночлег он так и не вернулся. Утром его нашли голым, с раной от мачете в спине. Кто-то подло зарезал его ради одежды и пяти шиллингов.

По возвращении в Амекамеку¹ мы сразу же засвидетельствовали свое почтение *жефи политику*². Мы хотели пригласить его на обед, отпраздновать наши успехи. Этот любезнейший и полезнейший человек немало помог нам в подготовке к экспедиции. Но при виде нас он тотчас натянул на лицо маску сочувственной печали. Мы удивились и только гадали про себя, что это может значить. Между тем он лишь пытался постепенно и мягко подготовить нас к ужасной новости и, наконец, сообщил: королева Виктория умерла! К изумлению этого достойного градоначальника, мы разразились криками радости и принялись отплясывать импровизированный боевой танец.

Полагаю, этот случай достаточно важен. Читая «Выдающихся викторианцев» и, в особенности, «Королеву Викторию» мистера Литтона Стрэчи³, а также обсуждая разные исторические эпохи с младшим поколением, я обнаружил, что все они понятия не имеют, как относились к Виктории художники и передовые мыслители, заставшие ее юбилей⁴. До них не доходит, что Виктория нас душила. Пока она была жива, невозможно было и шагу ступить ни в какую сторону. Она была как огромное облако густого тумана; мы ничего не видели, мы не могли дышать. Да, при ней Англия легко и естественно достигла процветания. Наука тоже воспарила от случайных прорывов на высоты системного подхода. И все же каким-то образом дух

1 Амекамека (Амекамека-де-Хуарес) — город и муниципалитет в Мексике (штат Мехико), расположенный между Мехико, с одной стороны, и вулканами Истаксиуатль и Попокатепетль — с другой.

2 Жефи политику (португ. *jefe politico*) — здесь: первый помощник губернатора штата.

3 Литтон Стрэчи (1880—1932) — английский биограф, литературовед и эссеист, входивший в литературную группу «Блумсбери». Сборник биографий «Выдающиеся викторианцы» (1918) и «Королева Виктория» (1921; в рус. пер. см.: Стрэчи, Литтон. Королева Виктория. Ростов-на-Дону, Феникс, 1999; М.: Книжный Клуб Книговек, 2010) принадлежат к числу самых известных его работ.

4 Вероятно, имеется в виду последний, 60-летний юбилей царствования Виктории, отмеченный в 1897 году.

викторианской эпохи уничтожал все, что мы любили. Всё кругом заполонило самодовольное, холеное, поверхностное, раболепное, чванливое и сентиментальное лавочничество. Даже дарвинизм сделался респектабельным. Даже на Брэдлафа перестали поглядывать косо¹. Джеймса Томсона выхолостили под корень и причислили к классикам². Суинберна отшлепали, отмыли, причесали и превратили в пай-мальчика³. Англиканская церковь рухнула под натиском объединенных сил рационалистов и римских католиков; но поскольку она и так была лишена всякого подлинно религиозного начала и оторвана от исторических корней, все это не помешало ей и дальше влачить свое безмятежное и убогое существование. Сама душа Англии погрязла в стоячем болоте. Не осталось ничего, ради чего человеку могло бы хотеться жить, и ничего, за что он был бы готов умереть. Гексли, Маннинг, Бут, Блаватская, Рэй Ланкастер⁴ — что бы они ни пытались сказать или сделать, всех их тотчас хватили, запихивали в одинаковые бесформенные мешки и поскорее убирали с глаз долой без разбору; и голоса их тонули в совокупном вежливом жужжании светского общества.

1 Чарльз Брэдлаф (1833—1891) — политический активист, журналист; один из самых известных английских атеистов XIX века. С 1858 года возглавлял Лондонское светское общество. В 1866-м основал Национальное светское общество, в рамках деятельности которого тесно сотрудничал с Анни Безант, будущей главой Теософского общества.

2 Джеймс Томсон (1700—1748) — шотландский поэт-вольнодумец, автор поэм «Свобода» (1734), «Замок праздности» (1748) и др. В викторианскую эпоху прославился как певец патриотизма, поскольку ему принадлежали слова неофициального гимна Великобритании того времени — «Правь, Британия, морями...». Изначально этот гимн представлял собой не самостоятельное произведение, а текст, вложенный в уста одного из персонажей пьесы-маскарада «Альфред».

3 См.: *Исповедь*, т. I, примеч. 3 на стр. 62.

4 Томас Генри Гексли (1825—1895) — английский биолог, убежденный сторонник и защитник дарвиновской теории эволюции (в связи с чем получил прозвище «Бульдог Дарвина»). Ввел в общее употребление термин «агностик», используя его для описания своих теологических воззрений. Генри Эдвард Маннинг (1808—1892) — англиканский священник, в 1851 году перешедший в католичество. С 1865 года — архиепископ Вестминстерский, с 1875 — кардинал. Основатель Католического университета в Кенсингтоне (Лондон). Решительный сторонник догмата о непогрешимости римского папы, автор ряда богословских сочинений. Уильям Бут (1829—1912) — британский методист, проповедник, в 1865 в Лондоне основавший Армию Спасения (квазимилитаристское по структуре христианское движение) и ставший ее первым генералом (1878—1912). Елена Петровна Блаватская (1831—1891) — основательница Теософского общества (1875), писательница, путешественница, спиритуалистка. Эдвин Рэй Ланкастер (1847—1929) — британский зоолог и биолог-эволюционист, последователь школы Гексли.

Почему именно королева Виктория воспринималась как символ этого тотального бездействия и бесчувствия, сказать трудно. Однако в самом ее физическом облике и складе характера было нечто такое, что превращало ее в идеальный образ самой идеи застоя. С другой стороны, новое поколение, рассматривающее своих предшественников издалика, в перспективе, видит в каждом из них индивидуальность, не сводимую к символу. Нынешним молодым людям трудно представить себе, что в те дни мы все кипели от бессильного гнева на свою участь. На всех нас лежало проклятие умеренного признания наших скромных заслуг. Сэра Ричарда Бёртона низвели до роли знаменитого путешественника и переводчика; Гордона сентиментально поэтизировали как святого воителя; Харди заклеили титулом «уэссекского Гомера»; Мередита снисходительно похлопывали по плечу как «нового Овидия»¹. Вырваться из этой трясины, превращавшей всех и каждого в посредственность, было невысказано. Прогресс был невозможен. Самые революционные предложения, самые кощунственные теории вмиг лишались своего жала. Глиняная государыня, пластилиновый парламент, алебастровая аристократия, интеллигенция из индийского каучука и пролетариат из папье-маше — ну, спрашивается, что можно было вылепить из такого материала? Самые мощные впечатления моментально гасила инерция этой вязкой массы, которая не сопротивлялась ничему, но тотчас же вновь теряла всякую форму, как только прекращалось непосредственное воздействие.

Англия превратилась в рай домохозяек и в империю вечной выставки на Эрлз-Корт². Именно поэтому

1 Ричард Френсис Бёртон — см.: *Исповедь*, указ. соч., т. I, примеч. 4 на стр. 12—13. Чарльз Джордж Гордон (1833—1885) — выдающийся британский генерал, прославившийся благодаря успешным военным кампаниям в Китае и Северной Африке, в связи с которыми получил прозвища «Китайский Гордон», «Гордон-паша» и «Гордон Хартумский». Некоторое время прожил в Палестине, где занимался благотворительностью и распространением христианства мистического толка. Погиб при осаде Хартума и был посмертно провозглашен национальным героем Британии. Томас Харди (1840—1928) — английский писатель и поэт; автор обширных циклов романов, действие которых происходит в полувывмышленной области Уэссекс на юге и юго-западе Англии. Джордж Мередит (1828—1909) — английский писатель и поэт.

2 Имеется в виду лондонский выставочный центр «Эрлз-Корт», где в конце XIX века размещались различные аттракционы (в том числе огромное колесо обозрения) и проходили шоу Буффало Билла «Дикий Запад»

люди, любившие Англию по-настоящему, — такие, как Том Бродбент из «Другого острова Джона Булля»¹, — корчились в приступах злорадства всякий раз, как на очередной британский отряд на выезде набрасывалась из засады какая-нибудь орда дикарей².

Следующим пунктом программы мы с Эккенштейном отправились в Колиму³. Гора там четко разделена на две совершенно друг на друга непохожие части: одна покрыта снегом, другая — один из самых активных в мире действующих вулканов. Мы взошли на один из уступов Невадо и, выбравшись из леса на открытое пространство, наконец, увидели вулкан — милях в двенадцати от нас. Пока мы стояли и смотрели, он начал извергаться. Ветер дул в нашу сторону, и не успели мы глазом моргнуть, как нас стало осыпать пеплом, прожигаящим в одежде крошечные дырочки. Мы поняли, что восхождение на второй пик может оказаться хлопотным. Не теряя времени, мы двинулись на вершину Невадо; по крайней мере, этот подъем прошел легко и даже неинтересно. Мы разбили лагерь и провели там неделю, по очереди, днем и ночью, наблюдая за поведением вулкана. Но никаких полезных результатов это не принесло: мы не смогли обнаружить никакой периодичности в извержениях, и оставалось только положиться на случай. Что мы и сделали — но заметив, что земля под ногами горит, прожигая подошвы, сочли за благо с достоинством отступить.

Третьей нашей целью стала Толука⁴. Здесь мы провели два восхитительных дня. Почему-то мы не захватили с собой палатку и устроились спать прямо на склоне кратера, за-

с участием американских индейцев и ковбоев. «Эрлз-Корт» часто посещала королева Виктория.

1 «Другой остров Джона Булля» (1904; рус. пер. в издании: Бернард Шоу. Полное собрание пьес в 6-ти томах. Т.2. Л.: *Искусство*, 1979) — пьеса Бернарда Шоу.

2 И сейчас, в 1929-м, я ловлю себя на невольной жалости о том, что это невинное удовольствие навсегда осталось в прошлом! — *Примеч. А. Кроули.*

3 Колима — здесь: штат на юго-западе Мексики; далее речь идет о вулкане Колима, состоящем из двух конических пиков. Один пик, Невадо-де-Колима (4625 м) — потухший вулкан, большую часть года покрытый снегом, другой, Волькан-де-Фуэго-де-Колима («Огненный вулкан», 3846 м) — самый активный вулкан Мексики.

4 Толука — здесь: Невадо-де-Толука (4680 м), вулкан в 80 км к западу от Мехико, четвертая или пятая по высоте гора Мексики.

вернувшись в пончо. За ночь я покрылся коркой инея толщиной дюйма в три. В первый день мы добрались до места, которое поначалу казалось самым высоким, — одной из скальных формаций на краю гигантского кратера. Но оттуда вдалеке стала видна еще более высокая точка. На следующее утро Эккенштейн разболелся, и я пошел один. По пути к гребню пришлось одолеть несколько непростых скал, но после этого дойти до искомой точки уже не составило труда. Вокруг обнаружилось полным-полно великолепных «зубов», на которые я по дороге добросовестно взбирался, — это очень бодрит! Пройдя еще немного по траверсу, я наткнулся на удобное ущелье в соседнем гребне, по которому чуть ли не вприпрыжку вернулся к кратеру. В тот же день мы спустились на плато и возвратились в город¹.

Здесь мы познакомились с человеком, утверждавшим, что он собственными глазами видел знаменитый город-призрак. Мне эта байка кажется необычно увлекательной. В сущности, я даже верю, что в каком-то смысле она правдива, хотя и не могу точно сказать, в каком именно. Я слышал эту историю раз десять, и в том числе дважды — от непосредственных очевидцев, которые определенно не шутили. Все рассказы схожи между собой, различаясь лишь незначительными подробностями.

Вот в общих чертах содержание этой сказки: некий всадник (по одним версиям, одинокий старатель, по другим — участник геологоразведочной партии, временно отставший от товарищей) сбивается с пути в какой-то холмистой и лесистой местности (в какой именно — зависит от рассказчика, но, как правило, где-то в паре сотен миль к северо- или юго-западу от Мехико). Всадник торопится выбраться из леса, чтобы понять, в какую сторону ему ехать дальше. Дело идет к вечеру, а ночевать под открытым небом он не хочет. Наконец, деревья впереди начинают редеть; всадник устремляется к прогалине и выезжает на склон холма. Тут внезапно сгущается тьма; продолжать путь невозможно. Однако всадник замечает, что на соседнем холме, милях в двух-трех, раскинулся город, мерцающий белым светом. По нынешним меркам город невелик, но выглядит внушительно. Архитектура очень смелая для такого небольшого городка

¹ «... в город» — т.е., в Толуку, столицу штата Мехико, в окрестностях которой расположен вулкан Толука.

и, судя по всему, несовременная: разные рассказчики описывали его как «город из «Тысячи и одной ночи»», что-то вроде «древнегреческого» или «ацтекского» города. Путник устраивается на ночлег, решив посетить это странное поселение наутро. Но по пробуждении он видит, что город бесследно исчез. Более того, соседний холм чист и гол, совершенно ровен — нет никаких выступающих скал или участков леса, которые усталый человек по ошибке мог бы принять за город. Да, в некоторых случаях город был ярко освещен огнями, а иногда оттуда даже доносились звуки веселья.

Кстати, о лжецах! Мы с Эккенштейном внезапно обнаружили, что нас самих считают таковыми. Полагаю, всему виной жалкое невежество и узкий кругозор, заставляющие заурядного человека сомневаться во всем, что выбивается за рамки привычного. Так или иначе, в мексиканской газете «Геральд» появилась заметка, косвенно выражающая сомнения в достоверности наших экспедиций. Это было совершенно бессмысленно: мы ведь все равно ничего не публиковали, не заявляли ни о каких рекордах и вообще вели себя точно так же, как ранее в Альпах. Но Эккенштейн разозлился и решил выместить на авторе заметки все свое раздражение, накопившееся за годы подковерной борьбы. Он отправился в бар, куда часто заходил провинившийся репортер, дождался его там, угостил выпивкой, похвалил за хороший слог и вежливо выразил свое сожаление по поводу досадных ошибок, допущенных, по всей очевидности, из-за незнания темы.

Репортер был далеко не уверен, что эта беседа не кончится для него внезапной пулей в голову, потому что Эккенштейн всегда выглядел очень грозно; но вместо этого его любезно пригласили присоединиться к нашему восхождению на Попокатепетль, чтобы он смог лично познакомиться и с горами, и с людьми, которые имеют с ними дело. Он обрадовался и принял это коварное предложение с благодарностью. На следующее утро началась потеха. Один из мировых рекордов, от которых мы в тот день оставили рожки да ножки, определенно касался скорости восхождения на большие высоты. До самой нижней точки края кратера было еще идти и идти, когда наш сомневающийся друг обнаружил, что не может больше ступить и шагу, и запросился обратно. Мы заверили его,

что подобные затруднения возникают часто, но легко решаются при помощи веревки. Соответственно, мы крепко обвязали его за пояс, и Эккенштейн резво помчался вверх по склону, таща нашего спутника за собой, а я помогал, подталкивая его сзади ледорубом. Вскоре запас слов, способных нас разжалобить, у бедняги-репортера иссяк. На все его мольбы мы отвечали ободрительными увещаниями и только ускоряли шаг. Остановились мы только на вершине. Думаю, до нас никто еще не восходил на Попокатепетль одним спринтерским рывком. Жертва нашей шутки к этому времени основательно убедилась, что подниматься на горы мы умеем, — и представляла собой на редкость жалкое зрелище!

На обратном пути нашего друга ждали новые злоключения. Большая часть нижних склонов покрыта рыхлым слоем мелкого пепла. Подниматься по нему почти невозможно, но катиться вниз — сущее удовольствие. Разрываясь между страхом Божьим, страхом смерти и страхом перед тем, что еще можем вытворить мы, наш спутник окончательно утратил самообладание. Мы сняли с него веревку и показали, как надо скатываться, но его объял нестерпимый ужас. Ощущение, что почва скользит и осыпается под ногами, сводило его с ума. Уж и не знаю, как ему в конце концов удалось спуститься; хотя, пожалуй, удержаться на таком сыпучем склоне все равно нельзя — рано или поздно съедешь вниз под собственной тяжестью. Волей-неволей, а испытание он выдержал, так что больше мы над ним не издевались и сменили притворное дружелюбие на самое настоящее. Он же проглотил горькую пилюлю как подобает мужчине и принес нам свои извинения в «Геральд», опубликовав длинный рассказ о своем приключении в стиле знаменитого в те времена мистера Дули¹.

Мы с Эккенштейном поселились в американском многоквартирном доме, с крыши которого открывался прекрасный обзор на главную улицу. Эккенштейн развлекался тем, что заводил с нашими гостями разговор о зрении, после чего замечал как будто вскользь, что у меня оно необыкновенно острое. На этом месте словно бы по чистой случайности заходил я,

¹ Мистер Дули — вымышленный персонаж, от лица которого писал юмористические рассказы американский журналист и писатель Финли Питер Данн (1867—1936).

и Эккенштейн предлагал проверить мои неправдоподобные таланты на деле. Мы поднимались на крышу, и я начинал описывать отдаленные предметы во всех подробностях, читая вывески с расстояния в четверть мили и так далее. Затем жертве розыгрыша вручали бинокль, и она убеждалась, что я описал все с величайшей точностью. Ни один человек даже не заподозрил, что я подготовился заранее при помощи того же бинокля и попросту заучил все детали наизусть!

Стоит еще упомянуть о короткой поездке в Веракрус¹. Я отправился туда якобы для того, чтобы увидеть своими глазами больных, страдающих желтой лихорадкой². Но на самом деле я ужасно боялся этой болезни и старательно дождался, пока с момента последней отметки в портовых карантинных свидетельствах пройдет три недели. Я представился местному доктору и поведал ему, как я огорчен, что мне не удастся увидеть ни одного пациента. «Да, не повезло вам, — отвечивал он, — но вы все же зайдите завтра утром в больницу. Как знать, может, и увидите что-нибудь интересное». Последовав его совету, я обнаружил, что Желтый Джек по-прежнему цветет пышным цветом, а тем, кто его подхватил, попросту ставят ложные диагнозы, выдавая его за малярию, тиф и так далее в надежде заморочить голову американским инспекторам, чтобы те, наконец, сняли карантин.

Обратный путь из Веракруса в Мехико — по-моему, один из самых прекрасных в мире с точки зрения эффектных видов (второе место в этом отношении я отвожу путешествию вверх по Гангу до Дарджилинга). Первые миль сорок ты едешь по тропическим джунглям, после чего дорога неожиданно забирает вверх и принимается петлять и виться вокруг субальпийских ущелий под сенью всей восемнадцатитысячной громады Ситлальтепетля³. По мере восхождения пейзаж по-

1 Веракрус — портовый город в Мексике, столица одноименного штата.

2 Желтая лихорадка — острое вирусное заболевание, передающееся с укусами комаров и распространенное в Африке и Южной Америке. Известно под разными названиями; в частности, среди английских моряков и солдат в ходу было название «Желтый Джек». Эта болезнь поражает почки и печень и может проявляться как тяжелый гепатит с геморрагической лихорадкой. Смертность среди заболевших составляет от 5% в отдельных случаях до 60% — во время эпидемических вспышек.

3 Ситлальтепетль (Орисаба) — самая высокая гора Мексики (около 18 тыс. футов, или 5636 м над уровнем моря).

стоянно меняется, а в какой-то момент внезапно выезжаешь на обширное плато — обширную высокогорную равнину, на которой не растет ничего, кроме кактусов и алоэ, — с торчащими прямо из него гигантскими конусами Истаксиуатля и Попокатепетля.

Завершить нашу программу мы намеревались восхождением на Ситлальтепетль, но тут возникли затруднения с мулами, а сама гора, наоборот, оказалась слишком простой. Лезть на нее было скучно. В общем, так или иначе, энтузиазм наш иссяк. Мы добились всего, чего хотели; пора было вплотную заняться подготовкой к Гималаям. Эккенштейн вернулся в Англию, а я двадцатого апреля выехал в Сан-Франциско, чтобы уже оттуда взять курс на запад. Передо мною встала новая цель, довольно странная. Покинув Англию, я все время возвращался мыслями к вопросу о полномочиях Мазерса, и каждый раз, как я задумывался об этом, мне становилось не по себе. Он попрали все мои представления о честности и порядочности; но у него имелось неоспоримое оправдание — при условии, что исходное его заявление¹ было правдой. Проверить его, как мне представлялось, можно было только одним способом — узнав подробности о некоем эпизоде, в котором участвовал Алан Беннет. Только Алан мог подтвердить или опровергнуть версию рассказа, которую я услышал от Мазерса. Если он ее подтвердит, решил я, Мазерса можно считать оправданным, но если нет — значит, все его притязания лживы. Отправляться в путь за восемь тысяч миль, чтобы задать один-единственный вопрос (и, к тому же, совершенно детский) — сущая нелепость, однако именно это я и сделал. А о том, что из этого вышло, будет рассказано в надлежащем месте.

Путешествие мое ненадолго прервалось в Эль-Пасо². Столь резкий переход от мирной мексиканской цивилизации к дикому варварству Техаса потряс меня до глубины души.

1 Т.е., заявление о предоставленных «Тайными Вождями» полномочиях на руководство Герметическим орденом Золотой Зари. Подробнее см.: *Исповедь*, т. I, стр. 257—258.

2 Эль-Пасо — город в США в западной части штата Техас, на границе с Мексикой.

В жизни есть немало неприятных сторон, избежать которых невозможно, не отгородившись от реальности глухим забором, однако в Соединенных Штатах все подобные мерзости выставлены напоказ и поистине ужасны. Здесь ни в ком не найдется и следа деликатности, способной хоть немного смягчить всеобщую бешеную жажду наживы. Выпить в хорошей компании невозможно, и даже сестры греха лишены своих обманчивых чар. Они не обольстят даже самого невинного идеалиста: ютятся в убогих деревянных хибарах, выстроившихся рядами, словно коровы в стойлах, они ведут свой бизнес с алчной свирепостью рыночных торговков. Им совершенно чужды все милые ухищрения, делающие продажные поцелуи сносными для тех чувствительных людей, которые только того и ждут, чтобы их одурачили.

Я побрел обратно в Хуарес¹ — попрощаться со своей девушкой. О Мексика! Память о тебе до сих пор терзает и жжет мое сердце! Многие другие страны я уважаю больше, чем тебя, но в пленительном очаровании тебе не найдется равных. Твой климат, твои обычаи, твои обитатели, твои странные пейзажи, полные сновидческого волшебства, вновь воспламеняют меня юным огнем!

На окраине Хуареса стоял трудовой лагерь. Велись (насколько это вообще возможно для Мексики) какие-то общественные работы. Сотни мужчин слонялись по участку, выпуская сигарету из зубов только для того, чтобы влить очередную порцию горячего в огнеупорную (благодаря многолетней закалке острыми блюдами) глотку. То там, то сям попадались группы игроков, рассеявшихся на корточках вокруг грязного пончо с раскиданными на нем монетами и засаленными картами. Я остановился и стал наблюдать за одной такой компанией из трех человек. Они беспрестанно божились, тараторили и ссорились между собой, как и все остальные в этом лагере. Ничего необычного. Но вдруг один из компании молниеносно рванулся вперед и обеими руками вцепился в волосы игрока, сидевшего напротив (я еще подумал — каким же надо быть беспечным, чтобы отпустить их до такой длины?), одновременно вдавив большие пальцы в уголки его

¹ Хуарес (Сьюдад-Хуарес) — город в Мексике, составляющий пограничную агломерацию с Эль-Пасо, который отделен от него рекой Рио-Гранде.

глаз. Тот, корчась и брыкаясь, рухнул сверху на нападающего, который по инерции завалился на спину. Не прошло и секунды, как глаза его были вырваны из глазниц, а нападающий, мощным рывком высвободившись из захвата своей жертвы, уже стрелою мчался в сторону границы. Весь лагерь отозвался общим гамом на вопли искалеченного. Одни бросились вдогонку за беглецом на своих двоих, другие вскочили в седла, но подавляющее большинство тотчас вернулось к совершенному философическому спокойствию. Это дело их не касалось — разве что напомнило кое-кому, что пора бы сходить подстричься.

Я продолжил свой путь и прибыл в Сан-Франциско. Этот город вошел в историю как центр землетрясения 1906 года и как место, где голодал Стивенсон, превосходно описавший его в своих «Потерпевших кораблекрушение»¹.

Это был тот же Эль-Пасо, только немного облагороженный, — такой же сумасшедший дом, где все до единого иступленно гнались за деньгами и удовольствиями. Впрочем, его окружали красивые места, а тамошний воздух напомнил мне, как ни странно, об Эдинбурге. Кроме того, в самом городе был по-настоящему интересный и благородный район — местный китайский квартал. Большую часть недели, что я оставался в Сан-Франциско, я провел именно там. Впервые я соприкоснулся с китайским духом по-настоящему; и хотя эти изгнанники, естественно, были не самыми привлекательными представителями своего племени, я мгновенно признал их духовное превосходство над англосаксами и свое собственное глубинное сродство с их мировоззрением. Китаец не одержим иллюзорной верой в то, что житейские блага и выгоды имеют хоть какую-то подлинную ценность. Именно поэтому они приносят ему куда больше удовольствия: он понимает, что они бессмысленны, и потому надежно защищен от разочарования, которое неизбежно ожесточает всех, кто собирает сокровища на земле. Не знаю, каким тупым скотом

1 Имеется в виду землетрясение силой 7,7—7,9 баллов с эпицентром в 3 км к западу от Сан-Франциско, произошедшее 18 апреля 1906 года в 5:12 утра по местному времени. Было разрушено более 80% зданий в городе; общее число погибших по современным оценкам составило около 3000 человек. «Потерпевшие кораблекрушение» (1892) — роман, написанный Робертом Льюисом Стивенсоном в соавторстве со своим пасынком Ллойдом Осборном, который был родом из Сан-Франциско.

надо быть, чтобы по достижении всех своих мирских целей этим и удовольствоваться! Восточные мудрецы, от Лао-цзы и Будды до Зороастра и Экклезиаста, до мозга костей прочувствовали эту тщету земного бытия. Это первый постулат их философии.

Калифорния действовала мне на нервы. Жизнь во всех ее формах здесь разрослась буйно и грубо, и я нигде не находил ни следа утонченности. Эти впечатления я вложил в сонет:

... огромны и грубы
Плоды ее великой ворожбы,
Она творит невысказанные дива...
Но вот беда: всё это некрасиво,
Всё — пошлые, пустые похвалы!

Какое-то время я подумывал, не сочинить ли мне лирическую поэму², восхваляющую всё на свете во всех подробностях. Разумеется, то была безумная затея — одна из тех фантастических глупостей, осуществить которые невозможно по определению; эдакая «квадратура круга» от поэзии. Сомневаюсь даже, что это побуждение было хоть сколько-нибудь искренним. Мною руководили тщеславие и вульгарное желание совершить что-то великое — в сущности, все та же американская страсть к небоскрегам и рекордам, только под другим соусом. Вероятно, так я отреагировал на духовную атмосферу Калифорнии. И случилось страшное. Я не ограничился одним только замыслом поэмы — я начал ее сочинять! Сразу расскажу, чем это кончилось, и забудем об этом.

Дописал эту злополучную поэму я лишь к середине 1904 года. Первая книга приняла форму гигантской греческой оды. В ней воспеваются все силы природы и все порожденья времен. Орфей призывает их все по очереди, а они отвечают. Во второй книге описывается, как Орфей завоевал любовь Эвридики. Это один сплошной монолог от его лица. О степени моего литературного помешательства говорит уже одно то, что я

1 Отрывок из сонета Кроули «Калифорния».

2 Речь идет о поэме Кроули «Орфей», впервые опубликованной в 1905 году (Лондон, «Общество распространения религиозной истины») тиражом 500 экземпляров, в двух томах.

намеревался вставить в эту книгу — как один из эпизодов его сватовства — пятиактную пьесу «Аргонавты», в итоге все же опубликованную отдельно.

1 Пьеса Кроули «Аргонавты» была впервые опубликована в 1904 году (Лондон, «Общество распространения религиозной истины») тиражом 200 экземпляров. На нее последовало несколько отзывов в прессе. Обозреватель «Литерари уорлд» писал: «Мы прочитали это произведение от начала и до конца — то с изумлением, то с улыбкой, то с восхищением. И мы не понимаем, как у писателя, способного на лучшее из того, что есть в «Аргонавтах», поднялась рука передать в печать худшее из того, что в них есть. <...> Очень жаль, что муза Алистера Кроули столь капризна».

В журнале «Академия и литература» от 3 сентября 1904 года был опубликован более подробный отзыв: «Мистер Аластер [sic] Кроули прежде выказывал и силу воображения, и яркую, хотя и не всегда ясную, выразительную мощь. Но «Аргонавты», несмотря на некоторые удачные отрывки, характеризуют его не с лучшей стороны — и это несмотря на то, что понять их куда проще, нежели многие другие его сочинения. По сравнению с предыдущей своей работой он, можно сказать, достиг кристальной ясности. Пьеса тщательно выстроена по канонам классической греческой драмы. Но греческий дух совершенно чужд мистеру Кроули, который, фактически, склоняется к его противоположности — духу тевтонскому. Достоинства одного несовместимы с достоинствами другого. Пытаясь писать в греческом духе, мистер Кроули только ослабил и истощил собственный стиль. Лучшее всего он проявил себя в диалогах, потому что в них он наиболее верен себе. Хоры слабоваты: им недостает поэтичности как таковой; они кажутся рыхлыми — чего невозможно сказать ни об одной из предыдущих его поэм. Кое-где мистеру Кроули не помешало бы проявить чувство юмора, нехватка которого слишком уж бросается в глаза. Если бы он вовремя об этом задумался, то наверняка вымарал бы или изменил некоторые строки, невольно — и вопреки авторскому замыслу — вызывающие улыбку».

Отзыву «Академии и литературы» вторил «Паблшерз Сёкулар» от 24 сентября 1904 года: «В этой пятиактной пьесе хорошо чувствуются суровость и целомудрие древнегреческой драмы, но истинного греческого духа в ней нет. Как нам представляется, талант мистера Кроули чужд избранному им предмету; поэтический дар его не вызывает сомнения и подчас воспаряет на высоты, которых редко удается достичь нашим второстепенным поэтам, однако он добился бы больших успехов, если бы выбрал более современную тему».

Еще один амбивалентный отзыв последовал в октябре 1904 года в «Вестминстер Ревью»: «По нашему мнению, мистеру Алистеру Кроули не стоило брать для своей поэтической драмы такой избитый сюжет, как поход за Золотым Руном, — или же следовало управиться с ним более ловко, нежели Уильям Моррис в своей эпической поэме [“Жизнь и смерть Ясона”]. «Аргонавты» напоминают не столько классическую греческую пьесу, сколько одну из риторических трагедий Сенеки. Надо полагать, этот эксперимент с самого начала был обречен на провал, ибо “Аталанта в Калидоне” [Суинберна] — единственный случай, когда английскому поэту удалось создать драму, близкую эллинистической и по форме, и по духу. Влияние мистера Суинберна очевидно <...>. Впрочем, некоторые лирические монологи Орфея отмечены изысканной красотой».

Единственный положительный отклик на пьесу был опубликован в «Манчестер гардиан»: «Мы начали не без предубеждения, однако вскоре эта работа пробудила в нас искренний интерес. <...> Восхищает техническое мастерство автора. В белых стихах он являет легкость и уверенное изящество слога; лирические же части отмечены изысканной метрической красотой. Несмотря на все свои странности, мистер Кроули — обладатель подлинного и редкого поэтического таланта».

В третьей книге описано путешествие Орфея в Аид; здесь приводятся инвокации соответствующих божеств, а также их ответные речи. Четвертая книга повествует о смерти Орфея. При всей своей неуклюжести эта поэма содержит некоторые из лучших моих лирических строк. И даже если допустить, что замысел в целом потерпел провал, то все равно придется признать, что сама работа над нею была отличным упражнением: она многому научила меня в техническом плане, а ее недостатки помогли мне понять, чего следует избегать в дальнейшем.

1 мая я записал в своем дневнике: «Торжественно приступаю вновь к операциям Великой Работы». Я составил для себя программу, соединившую то, чему научил меня Эккенштейн, с орденскими методами¹. Например: я извлек из ритуала Неофита магическую формулу, на которой он основан, и применил ее к церемонии самопосвящения. Тем самым последняя упростилась и свелась к семи мысленным операциям, так что необходимость в физическом храме отпала.

В свою программу я также включил «облечение божественными образами»: если сосредоточенно представлять себя в символическом образе любого божества, можно отождествиться с идеей, которую оно олицетворяет. Далее, я решил медитировать на простые символы, чтобы научиться проникать в их тайный смысл. Кроме того, предстояло вернуться к практике астральных видений и «восхождения на планы», сосредоточившись, прежде всего, на особом официальном способе призывания Адонаи-ха-Эрец. Вдобавок я собирался продолжить практики, которым обучил меня Эккенштейн, действуя по его методике. Что до магии, то я предполагал вызывать стихийные силы ко зримому явлению, изготавливать различные талисманы и заряжать их духовной энергией посредством медитации, а также продолжить построение своего так называемого астрального тела, пока оно не обретет материальность в такой степени, чтобы люди, которых я буду посещать в этом обличье, смогли воспринимать его посредством обычных физических чувств. Описания экспериментов по этой последней линии можно найти в моем магическом дневнике².

1 Подробнее об этой программе и перечисленных ниже практиках см.: *Храм царя Соломона*, указ. соч., т. 2, стр. 73—74.

2 Там же, стр. 72, 81, 83.

Осенью 98-го мой друг Дж. Л. Бейкер¹, на встречу с которым я поспешил в Лондоне сразу же по возвращении из Альп, помог мне совершить мое первое астральное путешествие. Сам метод во всех подробностях описан во втором номере первого тома «Эквинокса» («Liber O»)², а здесь я ограничусь лишь кратким пояснением.

Представьте себе собственный образ и подобие и вообразите, как он встает и выходит из вас. Перенесите в него свое сознание. Начинайте подниматься вверх, призывая предписанным образом искомые силы. Смотрите, как они появятся. Испытайте их, дабы убедиться, что они подлинны. Завяжите с ними беседу. Направляйтесь под их руководством в ту определенную часть вселенной, которую вы желаете исследовать. Затем возвращайтесь в мир земной. Сделайте так, чтобы Тело Света совместилось в пространстве с вашим физическим телом. Воссоедините их при помощи знака Гарпократа. Вернитесь в обычное состояние сознания. Запишите результаты эксперимента. Проверьте их на подлинность по методам, описанным в «Эквиноксе».

Совершив лишь несколько подобных путешествий, я почувствовал себя в этой практике гораздо уверенней, чем мой наставник. Он всегда ввязывался в неприятности. Демонические формы то и дело грозили разрушить круг. Он быстро уставал. Он слишком часто доверялся лживым духам. Одним словом, его устремления выходили за пределы его возможностей. А я, напротив, сразу же почувствовал себя как рыба в воде. Я на лету и чуть ли не инстинктивно схватывал все тонкости и нюансы этого искусства, позволявшие мгновенно распознавать обман, отгонять любые помехи, легко проникать сквозь завесы и умиротворять стражей тайных святилищ, а также получать искомые сведения безо всяких искажений, прибегая к методам, исключающим всякую возможность случайного совпадения.

Вскоре я понял, что Тело Света необходимо развивать. Я исследовал такие дальние, возвышенные и бдительно охраняемые святилища, что для инвокаций и таинств требовалось больше

1 Джулиан Л. Бейкер (1873—1958) — английский оккультист, состоявший в Герметическом ордене Золотой Зари под девизом «Causa Scientia» (лат. «Ради знания»). Подробнее о знакомстве и первых встречах Кроули с Бейкером см.: Алистер Кроули. *Исповедь*, т. 1, указ. соч., стр. 238—240.

2 См.: *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 589—591.

энергии, нежели обычное Тело Света получает в свое распоряжение, отделившись от физической оболочки. Я стал над этим работать и вскоре сформировал настолько могущественное астральное тело, что его могли воочию увидеть все, кроме самых неразвитых образчиков рода человеческого. К тому же, оно высвободилось из-под власти моей сознательной воли и стало путешествовать по собственной инициативе, не ставя меня в известность. В результате обо мне поползли странные слухи — одни, без сомнения, правдивые, другие, по-видимому, приукрашенные; но, разумеется, и беспочвенных измышлений среди них было немало.

Что до первого рода упомянутых слухов, приведу один пример: Достопочтеннейший Брат S.R.M.D.¹ пригласил меня к себе в Париж. Он ожидал, что я прибуду к вечеру. Но поезд опоздал; я сильно устал с дороги и нуждался в ванне, а потому решил отложить визит до следующего дня. К моему удивлению, хозяин и хозяйка даже не поинтересовались, хорошо ли я добрался. В ходе беседы они то и дело ссылались на какие-то предметы, о которых я ничего не знал. Наконец, стало ясно, что мы друг друга не понимаем. Озарение снизошло, когда Сестра Вестигия² стала настаивать: «Но вы же сами это сказали за чаем!» Между тем я не мог припомнить, чтобы они хоть когда-нибудь приглашали меня на чай. В один из предыдущих своих визитов я был у них на ланче, в другой раз мы вместе отобедали — и на этом всё. «За чаем?» — переспросил я в замешательстве. «Ну да, за чаем! — повторила она. — Как вы могли забыть? Это же было только вчера!» Я уточнил, в котором часу это было, — оказалось, как раз тогда, когда я только выехал из Кале и задремал в поезде. Между тем, хозяйева дома утверждали, что я заходил к ним вчера именно в это время и вел себя вполне нормально, хотя был довольно усталый и сонный. Я просидел у них около часа, и ничто не навело их на подозрения, что физически я находился в другом месте.

1 S.R.M.D. — аббревиатура магического девиза «S Rioghail Mo Dhream» (ирл. «Я королевского происхождения»), который носил С.Л. Мазерс в качестве Младшего Адепта ($\zeta^b=6^\circ$) Золотой Зари.

2 Сестра Вестигия — Мойна Мазерс, носившая магический девиз «Vestigia Nulla Retrorsum» (лат. «Ни один из следов не повернет обратно», цитата из «Посланий» Горация, I.1.74).

Что касается откровенных выдумок, то припоминается, главным образом, только одна история. Мою Сестру Фиделис¹ судьба наказала поистине чудовищной матерью — шестисортной певичкой и первосортной парвеню² с двойным подбородком и необъятным брюхом; сводней, интриганкой и сентиментальной тупицей. Эта мерзкая карга растрепала по всему Лондону и Нью-Йорку, что я прихожу к ее дочери по ночам в Теле Света. Не знаю, как далеко она зашла в своих гнусных фантазиях. Но даже если бы это и было правдой (что сама Фиделис с негодованием отрицала), то, спрашивается, каким же безмозглым ничтожеством надо быть, чтобы обливать такими помоями собственную дочь?

Впрочем, я все равно ей признателен. Своим дурацким враньем она побудила меня провести такой эксперимент — разумеется, с ведома и согласия девушки. Результаты описаны в одной из следующих глав.

Так или иначе, я стал развивать эту способность сознательно и достиг немалых успехов. Во время путешествия по Америке я договорился с одной Сестрой из Ордена, жившей в Гонконге, что буду посещать ее в Теле Света в заранее условленное время, чтобы мои визиты не были для нее неожиданностью³. Несколько таких посещений прошли удачно. Сестра видела и слышала меня; сравнив записи, мы убедились, что наши впечатления от этих встреч и бесед вполне согласовались друг с другом. Но воздействовать на материальные предметы мне не удавалось. Я пытался сбрасывать какие-то вещицы с каминной полки, но ничего не вышло. Зато, когда я потом приехал в Гонконг, я узнал местность с первого взгляда и безошибочно угадал дом моей Сестры, стоявший на склоне холма, хотя прежде видел его только на фотографии.

1 Сестра Фиделис — Элейн Симпсон, состоявшая в Герметическом ордена Золотой Зари под девизом «*Donorum Dei Dispensatio Fidelis*» (лат. «Верные стражи даров Господних»).

2 Парвеню (от фр. *Parvenu* — добившийся успеха, разбогатевший; выскочка) — человек незнатного происхождения, добившийся доступа в аристократическую среду и подражающий аристократам в своем поведении, манерах; выскочка.

3 Речь идет о той же Элейн Симпсон, которая к этому времени переселилась в Гонконг. Подробнее см.: Храм царя Соломона, указ. соч., т.2, стр. 72.

Все эти разнообразные упражнения были строго распределены по часам. День разделялся на пять периодов, каждый из которых посвящался той или иной практике.

3 мая я отбыл в Гонолулу на борту «Ниппон Мару» и 9 мая добрался до места. Там, среди пальм, меня уже поджидали в за-саде странности и чудеса.

Поэтическая сторона моей натуры возмущается по сей день, стоит мне об этом подумать. Я должен был пойти по стопам Гогена. Нелепо забираться в такую даль только для того, чтобы влюбиться в белую женщину. Теперь-то я знаю, что белая женщина непременно осквернит идеал любви — не тем, так другим способом. В ней обязательно обнаружится или нечто порочное, или нечто умственное. А любовь должна быть строго физиологическим занятием и сопровождаться лишь теми эмоциями, которые она порождает естественным путем. Впрочем, такое простое счастье — не для меня.

Как бы то ни было, я решил провести месяц на пляже Вайкики. У меня были какие-то смутные мечты о хижине, прекрасной туземке и о том, чтобы посвятить себя поэзии исключительно здорового толка и столь же благоразумной магии. Но в отеле мне попала на глаза необычайно красивая американка шотландского происхождения. Она была старше меня на десять лет и путешествовала с сыном, едва вошедшим в пору отрочества. В Штатах ее ждал муж-адвокат, а на Гавайи она бежала от сенной лихорадки.

Я продолжал заниматься магией и другими делами; среди прочего, я изобрел одно упражнение, которое оказалось очень полезным. Его предназначение — сделать так, чтобы вас не кусали москиты. Способ таков: их надо полюбить. Надо напоминать себе, что москит имеет такое же право на сытный обед, как и вы сами. Нащупать правильный оттенок этого чувства нелегко, а внушить его себе — и того труднее. Вначале ты лежишь перед лицом врага совершенно беззащитный, сурово подавляя в себе всякое побуждение отмахнуться, прихлопнуть обидчика или почесать укус. Но если проявить немного терпения, то вскоре окажется, что укусы больше не зудят; а за этим первым признаком успеха наступает полная неуязвимость. Москиты попросту перестают кусаться.

Но постепенно все мои привычные занятия отошли на второй план перед любовью иного толка — сугубо романтического. С точки зрения поэта, сама по себе эта женщина была ничтожеством. Положительно стимулировать творчество способны лишь самые исключительные характеры; но зато именно такие женщины, как эта Алиса, вдохновляют на создание шедевров, потому что не вмешиваются в ход работы. Я влюбился со всею страстью и, как следствие, вел себя как безумец, но все же сохранил способность вести ежедневные записи о своих успехах с отрешенным цинизмом стороннего наблюдателя. Я взял ее с собой в Японию¹, но ей не хватало силы характера, чтобы можно было с чистым сердцем воскликнуть: «Всё за любовь!»² Ровно через пятьдесят дней после нашего с ней знакомства она заявила, что возвращается к своему «кормильцу», и я сразу же понял, почему мое подсознание требовало описывать в дневнике все подробности нашего романа.

Расставание с Алисой вдохновило меня на создание цикла сонетов, излагающих историю нашей любви³. Я решил уве-

1 На пароходе «Америка Ману». На борту оказалось много светских дам: жена железнодорожного магната, дочка консула и так далее. На деле всё это были шлюхи, направлявшиеся в японские и шанхайские бордели, где американские леди идут по баснословным ценам. — Примеч. А. Кроули.

2 «Всё за любовь, или Красиво утраченный мир» — название одной из самых знаменитых пьес английского драматурга Джона Драйдена (1631—1700).

3 Этот цикл сонетов получил название «Алиса: адюльтер» и был опубликован в 1905 году «Обществом распространения религиозной истины» (частным издательством, основанным самим Кроули). Тираж составил 300 экземпляров. Рецензент из «Глазго Херальд» заявлял: «Следует признаться, что нам не хватило проницательности, и религиозный смысл этой книги остался для нас загадкой. <...> Но многие сонеты неоспоримо сильны <...> Искусный лиризм и нежная музыка этих строк не может не вызывать восхищения».

«Дейли Ньюс» опубликовала более критичный отзыв: «У него есть талант — но слабого, невротического, лирического свойства и, к тому же, совершенно вторичный <...> Что до содержания, то автор смакует неаппетитные подробности некой случайной интрижки — подробности, которые следовало бы попросту выбросить из памяти. Только совершенно бесстыдный человек мог решиться обнародовать подобные воспоминания. <...> Большая часть книги заслуживает лишь того, что поэт назвал бы «очистительным огнем». Впрочем, в ней найдется пара недурных строчек и пара довольно милых строф, хотя совершенно бессмысленных и вторичных».

Рецензент из «Инглиш Ревью», напротив, отозвался об «Алисе» с восторгом: «Эти любовные песни полны дивной страсти и почти сапфического неистовства. Они пронизаны чудесными образами, вспыхивающими, как языки огня <...> Стихотворение, открывающее книгу, отмечено всем блеском и мастерством, которые уже знакомы нам по другим сочинениям этого автора. Картина, разворачивающаяся у нас перед глазами в этих первых строках, потрясает чувства и озаряет душу, как внезапный сноп света, пробившегося сквозь пелену облаков <...> Стихи мистера Кроули отличает, среди прочего,

ковечить в поэзии события каждого дня. Замысел, как обычно у меня, не отличался тонкостью, но результат превзошел ожидания. Смею предположить, цикл удался даже более, чем мне казалось в то время и кажется сейчас. Сам Марсель Швоб¹ называл его «маленьким шедевром», да и многие другие критики, не лишённые вкуса и здравого смысла признавались, что моя «Алиса» пришлась им по душе. Возможно, ее истинное достоинство — в реалистической простоте, в искреннем и бесстыдном выражении всех движений и оттенков мысли. Сущая правда, что многие мои стихи тяжелы для чтения. Напряженность страсти, глубина интроспекции и склонность к аллюзиям на малоизвестные темы не позволяют уловить их смысл с первого взгляда. Я вынуждаю читателя серьезно работать над моими сочинениями, читать, перечитывать, изучать и вникать до тех пор, пока на пути к пониманию не останется никаких интеллектуальных препятствий. И вот тогда-то поток моей музыки подхватит и унесет его в океан экстаза, в котором я растворялся сам, пока писал эти стихи. Я отдаю себе отчет, что в наше время немного найдется таких читателей, которые возьмут на себя труд меня расшифровывать. И не исключено, что как раз они-то окажутся неспособны на оргиастический экстаз. Научный склад ума редко сочетается со страстью. Но моя муза — дочь Гермеса и любовница Диониса.

В Японии я повидал не так уж много интересного. Тамошние жители остались для меня загадкой и потому не понравились. Их понятия об аристократизме в чем-то радикально расходились с моими. Их высокомерное чувство

исключительная свобода от новомодных веяний: «голосу современности» не находится места в его поэзии. Приходится предположить, что сочинения лирической, романтической, импрессионистской школы он игнорирует намеренно; в противном случае автор столь восприимчивый едва ли смог бы избежать их заразительного влияния.

Кроме того, бросается в глаза прихотливость его вдохновения. Путешествие по саду стихов этого поэта волнует душу не меньше, чем прогулка при свете молний, но и доставляет столько же неудобств. Долгая тьма лишь изредка озаряется ослепительными вспышками света, — хотя, пожалуй, этим свойством неизбежно отмечены все самые изысканные и тончайшие произведения искусства.

Что до прочего: исключительная метрическая мощь; ритмы столь яростные, что, кажется, еще немного, и они примутся пожирать сами себя; а ближе к концу цикла — любопытная игра парадоксов, на которых во многом строится философия этого автора...»

1 Марсель Швоб (1867—1905) — французский писатель-символист и переводчик с английского.

превосходства над прочими народами выводило меня из себя. Я невольно сравнивал их с китайцами — в пользу последних. Японцам, как и англичанам присущи все типичные особенности и недостатки островного народа. В сущности, они не азиаты, так же, как мы — не европейцы.

Из всего, что я там увидел, самое сильное впечатление произвела на меня Камакура¹. Колоссальная статуя Дайбуцу², высящаяся посреди сада ирисов под открытым небом, и впрямь внушает ощущение, что он вездесущ; при виде его я снова вспомнил и все великолепие и целостность его учения, и разумность методов Достижения, которые он предложил, и безличный покой, которым вознаграждается его путь, и поистине безграничный размах его философии.

Уже тогда во мне пробудилось стремление к состояниям, о самой возможности которых я еще не подозревал; уже тогда в безднах своего сердца, немых и сокровенных, я осознал, что я — Аластор, скиталец в пустыне, Дух Одиночества³. Ибо Камакура, погруженная в себя и исполненная уверенности и покоя, призвала меня под свою надежную сень, к трудам, подобным тем, кои вершил сам Будда, ради совершенного Просветления и освобождения от всех оков иллюзии, — дабы я стал для людей Словом Мудрости и магии, от коего очи их отверзнутся, сердца исцелятся, а души взойдут на ту ступень духовного развития, на которой поэты уже не смогут сетовать о них, как я:

Ничто не чуждо людям боле,
Чем мудрость, мир и доброта⁴.

Я подумывал даже, не осесть ли мне в одном из местных монастырей, но что-то во мне инстинктивно воспротивилось этому. Нечто Сокровенное во мне знало, что судьба моя — в ином. Владыкам Посвящения не было дела до моих

1 Камакура — древний город в Японии, в котором по сей день сохранилось множество буддийских и синтоистских храмов.

2 Статуя Дайбуцу (Великого Будды) — одна из главных достопримечательностей Камакуры. Это бронзовое изваяние высотой 11,6 м, отлитое в 1252 году.

3 Дух Одиночества — герой поэмы Перси Биши Шелли «Аластор, или дух одиночества» (1815). Подробнее см.: Алистер Кроули, *Исповедь*, т. 1, указ. соч., стр. 250, примеч. 1.

4 Цитата из стихотворения Кроули «Жрица Панормиты» (1909).

поэтических причуд и романтических идеалов. Они постановили, что мне надлежит преодолеть все мыслимые препятствия природных сил и претерпеть всю скорбь и позор, какие только может навлечь на человека жизнь в миру. Их посланцу предстояло пройти все должные испытания — а не только те, какие он сам для себя изберет. Тот мальчик, который в ответ на предложение обсудить некое место из Посланий апостолов, заявил: «Кто я такой, чтобы спорить со святым Павлом? Давайте лучше я перечислю вам царей Израиля и Иудеи!» (единственное, что он знал из Библии), — вполне мог стать министром; но соискателю адептата подобные уловки не пристали. Мастера проверяют все звенья по очереди, беспощадно и досконально; и соискатель должен сам закалить сталь своего духа, чтобы она выдержала нагрузку, ибо один-единственный изъян — и ему придется заново ковать в огне судьбы всю цепь, исправляя в новом воплощении оплошности предыдущего.

Итак, я отвернулся от Дайбуцу, хоть и не без печали, — так же, как прежде отвернулся от любви, честолюбия и праздности. Дух мой безмолвно покорился тайному суду того загадочного даймона, который влек меня вперед неясным еще путем, — неведомо как, неведомо куда. Я знал одно: он столь же неотвратим, сколь и непостижим, но и столь же надежен, сколь колоссален в своей титанической мощи.

Увы! Алиса так и не достигла вершины жизни! Ибо дорогу к сверкающим снегам, необъятному небу и священному солнцу с его стражами-звездами преграждают долины добродетели, реки респектабельности и сараи светских приличий.

Алиса разбила мое юношеское сердце; она научила меня, чего стоит женщина. Ради нее я пожертвовал своей преданностью духовному пути; я продал душу дьяволу за грош, да и тот оказался фальшивым.

Спору нет, в глубине души я знал заранее, чем кончится это приключение; но тем хуже! Ведь если бы Алиса представляла подлинную опасность, разве не обрек бы я себя на проклятие ради нее, как многие рыцари жертвовали собой ради Венеры из полого холма, а многие святые — ради Лилит, владычицы озера огненного? Но нет, — отвечивал мой Ангел царственно и строго: я прошел Испытание. Я доказал, что никакая страсть, сколь угодно чистая и могущественная, не может

поработить меня. Никакие ласки Калипсо не прикуют меня к ее ногам; никакая чаша Цирцеи не осквернит моего целомудрия; никакая песня Сирен не соблазнит меня свести счеты с жизнью, и никакие чары Вивианы не уловят и не заточат меня в полom дубе Броселианского леса.

Алиса опьянила меня до полного безумия; я наделил ее всеми достоинствами, какие только мог измыслить. Но, хоть я и любил ее всем сердцем и душой, она не отвратила меня от служения. Я знал (как знали и Те, кто привел ее на мой Путь), что я неуязвим. Я могу почивать в шатре Далилы сколько пожелаю, не опасаясь ножниц. Других Самсонов любовь ослепляет и предает в руки филистимлян, на поругание и посмеяние, но для меня она будет Светом, озаряющим путь свободы. Я постиг, в чем тайна моей силы: сияющим символом моей веры всегда пребудет любовь — духовная любовь к душе человечества. Поэтому каждая женщина, будь она девственной или развратной, честной или лживой, дарующей вдохновение для полета на вершины поэзии или манящей в болото греха, останется для меня лишь символом, в котором добродетель моей любви в очередной раз обретет хлеб и вино для своего вселенского причастия.

Время показало, что я был прав: я любил многих женщин и был любим. Но я ни разу не сошел с пути своей Работы; и всегда наступал момент, когда женщине приходилось выбирать между товариществом и крушением всех надежд. Ибо в действительности никакого Алистера Кроули, которого можно было бы любить, попросту не было: было лишь Слово, ждущее изречения и облекшееся ради того человеческой плотью. И неразумные девы, увидав, что любовь несовместна с тщеславием, отрекались от мужчины и выбирали зеркало, тогда как разумные, постигнув, что мужчина смертен, отрекались от всего мира и выбирали Работу, тем самым побеждая пресыщенность, разочарование и смерть¹.

Однако тогда я так утратился, что провалил испытание и показал себя неготовым к исполнению тех грандиозных Задач, работа над которыми (как мне подсказывало некое сокровенное чувство) была единственной честью, какую я мог принять от великих богов, что свой путь на Цейлон я продолжил не только в раскаянии, но и в глубоком смятении.

¹ Аллюзия на притчу о десяти девах и женихе из Мф. 25:1—13.

Безмятежная и ласковая прелесть Внутреннего моря не умиротворила мой дух; в сущности, она почти не затронула моих эстетических чувств. Грязная толкотня и суэта Шанхая лишь пробудили во мне презрение, но не вывели из ступора. Я не нашел в себе сил даже прогуляться по городу, несмотря на тайное желание постичь и освоить Китай, овладевшее мною еще в Сан-Франциско. И я устремился душою в Гонконг, жаждая поведать сестре моей Фиделис о своих тревогах. Кто, как не она, сможет понять меня и рассудить обо всем здраво, ободрить и подать разумный совет? Во дни катастрофы, постигшей G. D. ¹, она не утратила чистоты, бесстрашия и верности, она чуралась любых бесчестных затей и поступков, она сохранила чистосердечие и экстатическую страсть в своем устремлении к высшему; и всё это скрашивало мою борьбу против тупых эгоистичных сектантов со всеми их мелочными обидами, вероломными ухищрениями, дразгами и клеветой.

Увы мне! боги продолжали свою беспощадную игру и уже готовились всадить еще один кинжал мне под ребра. Фиделис превратилась в замужнюю даму. Она все еще развлекалась магией, как иные тешатся бриджем. Но подлинную жизнь ее теперь составляли платья, обеды и танцы, а все ее помыслы занимали муж и любовник. (В жарких странах, где на мужчин климат действует расслабляюще, европейские женщины, перевозбуждающиеся по той же причине, почти неизбежно приходят к полиандрии.)

Мало того: она выиграла первый приз на каком-то костюмированном балу, явившись туда в своих орденских облачениях и регалиях!

Итак, надежды не осталось. Нигде и ни в ком! Я осознал: боги желают, чтобы я разгадывал свои загадки самостоятельно, без помощи прочих смертных. Что ж, да будет так! Мне хватило ума принять это Испытание как комплимент. Пуповина была перерезана: я стал независимым существом, которому предстояло проложить себе путь в этом мире собственными силами.

На борту парохода, шедшего из Йокогамы в Шанхай, я познакомился с двумя старыми девами из Америки, уже отцветшими: сухой климат и пристрастие к целомудрию и коктейлям иссушили их кожу до пергаментной хрупкости и желтизны.

1 G. D.: — аббревиатура от англ. «Golden Dawn» («Золотая Заря»).

Услышав, что я интересуюсь литературой, они приободрились и сообщили, что их любимый поэт — Россетти¹. Я по бестактности спросил, какие именно его стихи они предпочитают, но оказалось, что до чтения Россетти у них дело не дошло. Знать его имя — и то уже казалось неслыханной дерзостью, а уж чтобы читать его, надо было и вовсе лишиться стыда. Несколько сконфузившись, дамы сообщили мне, что этим же рейсом плывет мой коллега по перу — Томас Харди² собственной персоной. Естественно, я подпрыгнул и стал упрашивать, чтобы меня ему представили.

Томас Харди оказался высоким, респектабельным, исполненным достоинства джентльменом с бородой, как у библейских патриархов, и такими же манерами — учтивыми и властными в равной мере. Я раньше не знал, что он еще и священник, но теперь это выяснилось — по костюму³. После нескольких минут беседы я смутно заподозрил, что здесь что-то не так; еще немного, и я ляпнул бы что-нибудь бестактное, если бы он сам не принялся рассказывать о своей писательской карьере и не дал мне понять, что о «Мэре Кэстербриджа»⁴ он слышит впервые. Вскоре выяснилось, что передо мною — «великий» Томас Харди, единственный и неповторимый, военный капеллан из Гонконга и автор книги «Как оставаться счастливым, несмотря на брак». Ума не приложу, как мне удалось сохранить серьезную мину.

Кстати сказать, он оказался отличным малым и даже снабдил меня ценными сведениями из области психологии издателей. Когда он принес свою рукопись одному из этих неопишуемых недоумков {и в данном случае я не стал бы утверждать, что «к присутствующим это не относится»}, тот заявил, что сам текст — выше всяких похвал, но опубликовать книгу под таким названием решительно невозможно. Нашему преподобному джентльмену хватило здравого смысла ответить: «Ах ты

1 Данте Габриэль Россетти (1828—1882) — английский художник и поэт, один из основателей Братства прерафаэлитов. Пользовался скандальной известностью из-за беспорядочной личной жизни.

2 Томас Харди (1840—1928) — английский писатель-реалист, автор социально-бытовых и психологических романов. Здесь идет речь о его тезке.

3 В действительности Харди не носил бороды и не был священником, хотя в качестве архитектора занимался проектированием и восстановлением церквей.

4 «Мэр Кэстербриджа» (1886) — один из романов Харди.

чертов болван, разрази Господь твою душу! (ну или что-то в этом духе). Делай с книгой, что хочешь, но не смей трогать название!» Издатель встал на задние лапки, и в результате книга разошлась стотысячным тиражом.

На помощь Алана я уже не надеялся и на Цейлон отправился просто потому, что обещал. Но, вероятно, к тому времени я уже достаточно твердо встал на ноги, а потому на сей раз в помощи мне не отказали: Алан направил меня на Путь, на первый взгляд показавшийся совершенно новым. Мне предстояло уяснить, что все дороги ведут в Рим. Соискателю не просто можно, но и нужно, и полезно стремиться к мудрости всеми возможными путями. Чем шире основание его Пирамиды, тем меньше вероятность, что он упустит из виду метод, подходящий лично ему лучше всего. Кроме того, так он не примет узкую тропку, приведшую его к успеху, за единственный на свете большак¹, пригодный для всех и каждого, — и тем самым избежит разочарования, когда неизбежно обнаружится, что он отнюдь не уникален, что магия, мистицизм и математика суть триплет², а великое Гималайское Братство обретается в Брикстоне.

О Сингапуре мне почти нечего сказать: тамошнее карри, к которому подают огромную тарелку экзотических приправ, говорит само за себя. Эти приправы жалят, как змеи, и возбуждают, как стрихнин; они утонченны и чувственны, как китайские куртизанки, но при этом возвышенны и священны, как камбоджийские рельефы, и столь же неисповедимо вдохновляют душу и непостижимо просвещают ум.

Относительно Пинанга отмечу лишь, что в этом городе производится лишь один безупречный продукт. Называется он «юрист пинангский». Впрочем, хотел бы я посмотреть еще хоть на один город, о котором можно сказать то же самое!

Что до Коломбо, то я и полюбил его, и возненавидел с равной и точно выверенной страстью. Тамошний климат не называть иначе, как хроническим; вся архитектура — сборище

1 Большак — в старину: широкая, наезженная дорога, тракт.

2 Триплет — три карты равного достоинства в покере.

нелепых случайностей; английский язык исковеркан и выхолощен до предела, а местные жители отвратительны — все эти пропахшие рыбой мужчины с гребнями в длинных волосах и лоснящиеся кокосовым маслом женщины со складками на брюхе, выпирающими черной полосой между блузкой и юбкой; и все они непрерывно жуют и сплевывают бетель, отчего зубы у них красны, а мостовые напоминают пол на скотобойне. Все евразийцы, которых можно здесь встретить, — анемичные недоноски: так называемые бургеры (потомки от браков между туземцами и голландцами) — тупые и вялые олухи, а португальские метисы — скользкие, пронырливые, злобные и продажные червяки. Тамилы — чернокожие, но некрасивые. Отбросы общества, кишашие, разумеется, во всех портах мира, в Коломбо гнусны в особенности. Достаточно сказать, что высшую планку светских приличий, нравственного развития и утонченных манер здесь задают японские потаскушки.

В вопросах религии индусы здесь (как и повсюду) раболопны, поверхностны, трусливы и лицемерны; впрочем, большинство местных — шиваиты, которые честно поклоняются силе Порождения и Разрушения и оттого не настолько мерзки, как вишнуиты, пресмыкающиеся перед фетишем, что сулит им Постоянство и (в лице Кришны) притязает на роль Оригинала, копией с которого стал Христос.

Местные христиане, как и следовало ожидать, — непотребные отщепенцы, которых отвергла даже собственная родня, несмотря на традиционную для этих краев веротерпимость. Приняв Иисуса в обмен на обещание оплачиваемой работы, они глушат голос совести суеверными страхами и сказками об искуплении. Местные буддисты все как на подбор надорвались в попытках переварить свою философию и только и могут, что щеголять пустыми ритуалами, смысл которых давно позабыли. Разгул бесовских плясок, бесцельное соблюдение пяти предписаний¹, церемониальное сюсюканье над алтарями, в котором они напоминают старую деву, нянчащуюся со своим котом, велеречивые молитвы и прочее религиозное

1 Пять предписаний Будды — воздержание от убийства живых существ, от присвоения чужого, от неправильного поведения в сексе, от лживой речи и от опьяняющих веществ.

пустозвонство — вот и вся их ветхая мишура, которой они тшятся прикрыть наготу своей праздности, аморальности и скудоумия.

Короче говоря, индийцы не без оснований полагают, что кто-то из богов сослал на Цейлон всех самых отвратительных демонов, а затем отрезал этот клочок земли от континента.

Но, с другой стороны, как же изобилен, как ласков и безмятежен город Коломбо! Он внушает чувство, что вам уже нет нужды суетиться и что-либо делать. Он приглашает погрузиться в восхитительный сон о мимолетных радостях жизни — и сам прикрывает вам веки бархатной лапкой, легкой и светлой, точно крыло мотылька. Пальмы, цветы, завораживающая песня прибоя; ажурный сумрак, пропитанный сладострастными ароматами; праздные и безответственные люди, мурлычущие от безмятежного наслаждения, — все они словно музыканты в оркестре, что знай себе играет ноктюрн какого-то восточного Шопена, и нет для него в мире ни печалей, ни тревог.

Но что еще важнее, Коломбо — это «место встречи четырех ветров», перекресток цивилизаций. К западу от него лежит Европа, словно жизнерадостный малец, который затеял взвалить себе на плечи весь мир, но так и не сумел: не хватило координации движений. К северу — Индия, подобная женщине, изнуренной деторождением, или вдове, безнадежно цепляющейся за свои старые привычки. К югу, смущая старших своей бессознательной нелепостью, растопырилась в неуклюжей отроческой посадке Австралия, о которой мы не зря слышим с детства, что люди там ходят вверх тормашками. И, наконец, посмотрите на восток! Там распростерся Китай — единственная цивилизация, способная смотреть в лицо времени, не краснея; мир добропорядочного атеизма. Он словно мудрый старец, погруженный в думы. И, может статься, он, превозмогший жизнь без помощи смерти, переживет и этих энергичных юнцов, и даже ту усталую, бесплодную вдову, выборматывающую своим беззубым ртом бессмысленные воспоминания.

В Коломбо эта мировая проблема разрешается сама собой, ибо индиец здесь трудится безо всяких амбиций и целей, в силу чистой привычки; европеец, преисполненный важностью и напускным удальством, помыкает остальными;

австралиец слоняется без цели, надеясь, что его не заметят, но то и дело привлекает к себе внимание грубостью манер; а китаец, молчаливый и отчужденный, воплощает в себе величавый патриархальный упрек, попросту игнорируя всех этих нахалов. В этой давке культур, увлеченно толкающих друг друга локтями, Китай лишь мельком задел меня шелковым рукавом своих желтых одежд, но этого хватило, чтобы перенять его достоинство: более воинственные и напористые элементы Коломбо, при всей своей суматошной назойливости, перестали поглощать мое внимание целиком. Как курильщик опиума, жаждущий своей трубки, не соблазнится вином, женщиной и песнями, так и у меня навязчивая повседневность Коломбо вызвала лишь раздражение. Я думал только об одном: как же мне не хватает Китая с его колоссальным спокойствием и здравомыслием!

Опыт научил меня тому, как важно всё, не поддающееся точному определению и учету. Когда наука заявляет, что может иметь дело лишь с измеримыми явлениями, она становится в один ряд с ребенком, считающим на пальцах и клеймящим Шекспира и Шелли как шарлатанов. Но я бы не постыдился оказаться в их компании; достаточно сказать, что соприкосновение с китайской цивилизацией, пусть даже самое поверхностное, излечило меня от проклятия европейцев — от беспокойства о том, как я буду выглядеть в чужих глазах. По крайней мере, перед Аланом я предстал с абсолютно спокойной душой. Я не чувствовал потребности исповедаться. Я ничего не стыдился и не ощущал себя ничтожеством. Мне было не о чем просить его. Я был полностью уверен в себе. Нас с Аланом объединял интерес к одному и тому же духовному пути, и я просто хотел обменяться с ним мнениями.

И только посмотрите, что из этого вышло! Алан учился у гуру-шиваита, но в сердце своем уже принял буддизм; а чудо Будды (с этнологической точки зрения) заключается в том, что, будучи арием, он — в силу чисто психологической проницательности — сумел подойти так близко к пониманию китайского склада ума. Главный недостаток буддизма — в том, что ему все же не удалось достичь абсолютного равнодушия Лао-цзы. Будда жаждет нирваны как единственного спасения от страданий, а Лао-цзы презирает равно и страдания,

и радости, принимая все возможные впечатления одинаково беспристрастно.

Следует ли мне теперь сделать отступление и попытаться оправдать Алана Беннета, этого благороднейшего и кротчайшего человека из всех, кого я когда-либо знал? Очевидно, что постоянные физические мучения, непрерывная агония на кресте, к которому он оставался пригвожден более полувека, но не унижался до жалоб, не сдавался, не требовал освобождения, а трудился неустанно и неотступно над назначенной ему Задачей, — так вот, очевидно, что беспрестанное давление недуга, не сумев отвратить Алана от трудов, нашло своей накопившейся злобе иной выход, сформировав у него такое же представление о мире, какое Будда счел общезначимым, ибо не смог оценить ни влияния тщетных и опустошающих лет, проведенных в праздной роскоши, ни своей бесплодной, порожденной раскаянием, но, по существу, случайной реакции на радикальную аскезу.

Алан не знал радости в жизни; он еще с колыбели презирал и отрицал удовольствие. Что же странного в том, что он не мог воспринимать жизнь иначе, как неизбежное и бессмысленное зло? Мне же удовольствие казалось ребячеством, а страдание — спутником старости; и я был готов, когда настанет мой срок, принять и то, и другое с равной приязнью, или отвергнуть то и другое с презрением.

Но между тем я был всего лишь адептом, странствующим по свету (как это заведено у адептов) и усердно подбирающим любые жемчуга, при условии что те вели свою родословную от добропорядочных устриц и не вызвали бы интереса у свиней.

Итак, встретившись с Аланом, я задал ему свой вопрос, упомянутый выше¹, и получил ответ.

И вот тому официальное свидетельство.

D.D.C.F.², то бишь Мазерс, поведал мне, что произошло однажды между ним и Беннетом, в следующих словах.

1 «...вопрос, упомянутый выше» — см. стр. 41.

2 D.D.C.F. — аббревиатура латинского девиза «Deo Duce Comite Ferro» («С Богом, моим повелителем, и мечом, моим другом»), который носил С.Л. Мазерс в качестве Свободного Адепта (7°=4°) Золотой Зари.

Они с I.A.¹ разошлись во мнениях по какому-то теологическому вопросу и тем самым образовали проклятую Двоицу². В результате Абрамелиновы демоны³ получили возможность принять материальную форму: один облекся образом самого Мазерса, а другой — образом I.A. У демона, который принял обличье I.A., был револьвер, из которого тот пригрозил его, Мазерса, застрелить, а демон, принявший его собственное обличье, вознамерился застрелить I.A. К счастью, прежде чем демоны успели спустить курки, в комнату вошла V.N.R.⁴ (миссис Мазерс), и тем самым сформировался символ благословенной Троицы.

Рассказ самого Брата I.A. о тех же событиях не потребовал от Р.⁵ такого усилия веры. По словам I.A., они с Мазерсом поспорили о боге Шиве, Разрушителе, которому I.A. поклонялся по причине того, что Шива, если повторять его имя достаточно часто, в один прекрасный день отверзнет свое око и уничтожит вселенную, — и которого D.D.C.F. боялся и ненавидел, потому что в один прекрасный день тот отверзнет свое око и уничтожит самого D.D.C.F. Чтобы положить конец спору, I.A. сел в падмасану⁶ и принялся повторять мантру: «Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива». D.D.C.F. во гневе удалился на поиски буфета, но вскоре вернулся и обнаружил, что Брат I.A. по-прежнему сидит и бормочет: «Шива, Шива, Шива, Шива, Шива». «Да когда же ты прекратишь это богохульство?» — возопил D.D.C.F., но сей святой муж не снизошел до ответа и продолжал: «Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива». «Если ты не перестанешь, я тебя застрелю!» — заявил D.D.C.F. и, выхватив из кармана револьвер, направил его в голову I.A.; но I.A. уже погрузился в такую

1 I.A. — аббревиатура девиза «Iehi Aour» (др.-евр. «Да будет свет!»), под которым Беннет состоял в Герметическом ордена Золотой Зари.

2 Аллюзия на демоническую силу Таумизель («Две противоборствующие головы»), которая в каббале считается клипой (извращенным принципом) сифиры Кетер, символизирующей Единство.

3 Абрамелиновы демоны — демоны, описанные в «Книге священной магии Абрамелина».

4 См. примеч. 2 на стр. 48.

5 Р. — аббревиатура латинского девиза «Perdurabo» («Претерплю до конца»), аллюзия на Мф. 24:13: «... претерпевший же до конца спасется»), который Кроули принял при вступлении в орден Золотой Зари.

6 Падмасана — поза лотоса.

глубокую сосредоточенность, что ничего не заметил и продолжал бормотать: «Шива, Шива, Шива, Шива, Шива, Шива».

Разумеется, D.D.C.F. так и не спустил курок: то ли его слишком потрясло величие этого святого, то ли вмешалось некое третье лицо, — I.A. уже не помнил.

Но довольно о Мазерсе; к делу!

Что насчет Великой Работы? Не утратила ли она из-за Мазерса всякий смысл? Ничуть. Даже если «Альпийский клуб»¹ доводит непрофессионализм до таких масштабов, что люди начинают гибнуть десятками, Эверест не теряет своей притягательности!

Мы с Аланом просто-напросто выбросили G.:D.: из головы и переформулировали задачу с чистого листа.

В этой ситуации я превосходил Алана широтой начитанности и разнообразием опыта, тогда как он меня — интенсивностью практики и, в особенности, тем обстоятельством, что он уже принял посвящение в азиатские таинства — под руководством Шри Парананды, заместителя министра юстиции Цейлона *per interim*² (и в той же мере, в какой Арамис был мушкетером) и йогина *cap-à-pied*³. Эккенштейн, непрерывно сыпавший инженерной терминологией, и мексиканские горы привили мне скромность; так что я заткнулся (по бессмертному выражению, которым Дорис Гомес⁴ завершила один из своих нескончаемых и глубоко прочувствованных монологов: «Если тебе нечего сказать, заткнись!») и не стал навязывать Алану свои догадки о бессмертии, а сосредоточился на том, чтобы постичь по меньшей мере азы его науки.

Он изложил мне начала йоги. Я сказал: «Тебе надо сменить климат: здесь слишком сыро и уныло. Поехали в Канди! Поселимся в бунгало и займемся делом. К черту Шри Парананду! Пускай себе возится со своими комментариями к святому Матфею⁵ и объясняет его расхождения с другим

1 «Альпийский клуб» — лондонский клуб альпинистов; об отношениях Кроули с этой организацией см.: Кроули, *Исповедь*, т. 1, указ. соч., стр. 191—192.

2 *Per interim* — здесь: «между делом; постольку поскольку» (лат.).

3 *Cap-à-pied* — здесь: «до мозга костей» (фр.).

4 Дорис Гомес — любовница Кроули, с которой он проводил эксперименты в области сексуальной магии весной 1915 года.

5 Шри Парананда (он же Поннамбалам Раманатхан, 1851—1930; см. ниже) был не только йогом шиваитской школы, но и христианином. Он

евангелистом тем, что “Иисус ехал одновременно и на осле, и на муле, поставив на спину каждого по одной ноге, на манер циркачей”. Ты отлично подготовишься принять желтые одежды¹, пока будешь готовить меня к торжеству над танхой, и к абсолютной асане, и к практике пранаямы и пратьяхары, и к деяниям дхараны и дхьяны, и к совершенству самадхи² — во славу Верховного Мастера Патанджали³ и пресвятого пиджина⁴!»

Призыв, сформулированный в столь целомудренных и корректных, но в то же время умеренно страстных выражениях, попал в цель. Алан «испросил дозволения покинуть» благочестивого Прананду⁵, своим высокомерием и убожеством не уступавшего своей же учености и безгрешности. И мы вкусили наслаждений Канди: мы поселились в меблированном бунгало, которому хозяин (бог вещь почему!) дал имя «Мальборо», — среди холмов, на берегу речушки с самым настоящим водопадом, с видом на озеро, храм и дилетантскую пародию на отель. Мы наняли управляющего (совершенно безнадёжного), который, в свою очередь, набрал штат вечно сонных и нечистых на руку слуг; и, выбросив таким образом из головы все мелочи жизни, мы устремились — с поистине дьявольской решимостью и ангельской простотой — на поиски духовного избавления от суеты и грязи материальности. По мирскому счету мы прожили так совсем недолго, но именно в те дни была заложена основа для событий, имевших огромное внутреннее значение. Именно в Канди мы нанесли первый удар тирану-Времени.

составил своеобразные комментарии к евангелиям от Матфея и от Иоанна, истолковав их с точки зрения принципов йоги.

1 Желтые одежды — традиционное облачение буддийского монаха.

2 Танха (пали), или тришна (санскр.), — в индийской философии: тяга к жизни как основополагающее свойство психики всех живых существ. Далее перечисляются ступени практики хатха-йоги, суть которых будет разъяснена в следующей главе.

3 Патанджали (II в. до н.э.) — основатель йоги, составитель трактата «Йога-сутра» — основополагающего текста индийской йогической философии.

4 Непереводаемая игра слов: англ. *pidgin* (англо-туземный гибридный или ломаный язык) созвучно *pigeon* — «голубь», символ Святого Духа в христианстве.

5 Прананда — по-видимому, имеется в виду местный наставник Беннета, а не Шри Парананда, о котором Кроули ниже отзывается в хвалебных выражениях.

Наши цейлонские приключения заслуживают отдельного рассказа. Алан с самого начала хотел принять желтые одежды, то есть добиться приема в буддийскую сангху. Члены сангхи, бхикку, — это не священнослужители и не монахи в привычном нам смысле этих слов; европейцу нелегко уразуметь условия их жизни. Они отреклись от мира и живут как нищие странники; но все правила их устава — которые чрезвычайно сложны и зачастую могут показаться нам иррациональными или легкомысленными, — подчинены достижению одной-единственной цели. Каждое отдельное правило предусматривает те или иные обстоятельства, с какими может столкнуться человек, но сформулировано так, чтобы бхикку в любом случае мог следовать своей программе духовного развития. Устав буддийской общины не пытается ни запугать человека суевериями, ни принудить его к поклонению каким-либо божествам; нет, его единственная задача — помочь человеку освободиться от оков желания, мешающих ему двигаться к цели и (иногда) порождающих иллюзии, которые мы называем сверхъестественными явлениями. Для буддиста вся вселенная — это иллюзия, сотворенная желаниями невежд, или, в сущности, сон как его определяют фрейдисты.

В душе Алан давно уже был буддистом. Чем больше он изучал Трипитаку¹, эти «три корзины закона» (они же — «три корзины для бумаг», как я их называл), тем сильнее ощущал тягу к буддийскому образу жизни, но сингальские бхикку страшно его разочаровали. Все они — за редкими исключениями — оказались праздными, бессовестными и бесчестными невеждами. В Анурадхапуре, древнем священном городе, они предавались порокам так беззастенчиво, что к обычному присловью «бхикку становятся, а не рождаются» стали добавлять «кроме как в Анурадхапуре». Алану предложили должность казначея в одном знаменитом монастыре близ Коломбо... на том основании, что никому из местных доверить казну невозможно! Ниже падать просто некуда — если вспомнить, что бхикку вообще запрещено прикасаться к деньгам.

¹ Трипитака (санскр. букв. «три корзины») — свод буддийских священных текстов, название которого объясняется тем, что, по преданию, свитки, на которых они были записаны, изначально хранились в трех плетеных корзинах.

Заместитель министра юстиции Цейлона, преподобный П. Раманатхан, нанял Алана частным учителем для своих младших сыновей. Это был очаровательный джентльмен, широко начитанный и глубоко сведущий в религиозных вопросах. Тамил высокой касты, он многого достиг как йогин в одной шиваитской секте и написал комментарии к евангелиям от Матфея и Иоанна, истолковав высказывания Христа как йогические наставления. Кстати говоря, один из персонажей, соединенных легендами в образ «Иисуса», действительно был йогом. Некоторые его предписания весьма характерны: отречься от семейных уз, не заботиться о будущем и так далее.

Итак, многие свои познания по теории и практике йоги Алан почерпнул у этого человека. Лет в восемнадцать Алан случайно вошел в разновидность транса, именуемую шивадарханой, — состояние, в котором вселенная во всей своей совокупности сначала воспринимается как единый феномен, не зависящий от пространства и времени, а затем исчезает. Этот опыт предопределил весь дальнейший его жизненный путь. Алан стремился лишь к одному: снова вернуться в это состояние. Шри Парананда показал ему рациональный метод, позволяющий достичь этой цели на практике. Но Алан не вполне доверял своему учителю: несмотря на огромный духовный опыт, тот так до конца и не стряхнул с себя оковы догм, и его практические занятия в некоторых отношениях расходились с убеждениями. Алан же был строг, как пуританин. Однажды ему предложили работу управляющего на кокосовой плантации, но он отказался, когда узнал, что, среди прочего, ему придется отдавать приказы об истреблении вредных животных. Ему недоставало широты взгляда, чтобы понять, что жизнь вообще невозможна без убийства и, следовательно, без ответственности за таковое: даже тот, кто питается одним рисом, становится сообщником земледельца, уничтожающего паразитов.

Дела со здоровьем у Алана пошли на лад. Еще на Красном море астму у него как рукой сняло, и он выбросил за борт все лекарства. Но климат Коломбо действовал ему на нервы и подтачивал силы. Отчасти еще и поэтому он без колебаний принял мое предложение отправиться в Канди и полностью посвятить себя йоге.

Условия для работы в «Мальборо» оказались самые благоприятные. Первым делом следовало избавиться от всех побочных дел, оттягивавших на себя внимание. Я вычитал «Тангейзера»¹, написал к нему введение, перепечатал всё набело и отослал в типографию. «Орфея» я отложил, а «Алису» оставил созревать. Последнюю я не считал сколько-нибудь выдающейся работой и не собирался публиковать до тех пор, пока время не рассудит ее по достоинству.

Одно из основных затруднений, с которыми я столкнулся на том этапе, заключалось в мнимом противоречии между моей убежденностью, что телесные желания должны получать естественное удовлетворение, и общеизвестными требованиями к йогической практике. Разрешить эту проблему до конца мне удалось лишь в 1909-м, когда я достиг степени Мастера Храма и, наконец, понял, что каждую мысль, каждое слово и каждое действие можно поставить на службу душе; и, более того, если мы хотим когда-нибудь по-настоящему освободить душу, это необходимо. До тех пор я на протяжении многих лет продолжал отчасти «смешивать планы»², хотя и не настолько грубо, как большинство мистиков.

В период этого затворничества мне посчастливилось находиться под постоянным и неусыпным надзором Алана Беннета — опытного наставника, способного распознавать отвлекающие мысли еще в зародыше. Например, даже такая простая работа, как вычитка и перепечатка «Тангейзера», уже мешала мне сосредоточиться на медитации и помешала бы заниматься даже пранаямой, хотя, на первый взгляд, та не имеет никакого отношения к концентрации мысли. Нетрудно поверить, что после слишком сытной еды управлять дыханием становится сложно, но утверждения индийских теоретиков о том, что практике пранаямы вредят даже такие, казалось бы, посторонние занятия, как обычные разговоры о пустяках, у многих вызывают улыбку. И, тем не менее, это чистая правда. Если практиковать всерьез, то привычные реакции уходят и развивается сверхчувствительность. Так, например,

1 «Тангейзер» — см. примеч. 2 на стр. 13.

2 Подразумевается смешение духовного с материальным, в данном случае — постановка духовных достижений в прямую зависимость от физических действий.

я не собирался придерживаться какой-либо строгой диеты, но через какое-то время одна только мысль о еде стала вызывать у меня нестерпимое отвращение. Несомненно, тут все дело в повышенной нервной чувствительности: как известно, злоупотребление алкоголем и некоторыми другими наркотическими веществами нередко ведет к потере аппетита. Непонимание причин этого явления можно признать прощительным (хотя, несомненно, и заслуживающим порицания) разве что для неопытных практиков, не сведущих в физиологии и психологии. Невежда заявляет: «Ну вот, теперь, когда я стал святым, сама мысль о еде мне противна; следовательно, принимать пищу — несправедливо; значит, если я буду решительно подавлять требования своего желудка, то стану еще святее». Подобные выводы, как мне представляется, лежат в основе множества диких запретов и предписаний, омрачавших различные мистические учения на протяжении веков. Мало кто принял бы без вопросов априорные теоретические соображения такого рода, если бы они, на первый взгляд, не подтверждались практикой.

По моему мнению, это «смещение планов» и есть основная причина неудач на пути к духовным достижениям. Оно дает о себе знать постоянно в самых разных областях. Поэтому соискатель должен вооружиться Магическим Мечом анализа, рассекающим до самой глубины любое наблюдение, какое он только сделает. Даже одна-единственная идея, принятая на веру без должного осмысления, способна превратить его в фанатика и сбить с истинного пути — «быть может, на годы, быть может, навек»¹. Соискатель должен без усталости выявлять точные границы, до которых простирается каждое явление. История, между прочим, полна примеров того, к каким тяжелым последствиям ведут подобные ошибки. Только представьте себе, как препятствовала развитию науки, сельского хозяйства и военного искусства вера в то, что эпидемии, неурожаи и военные неудачи суть последствия Божьего гнева. Прошлой весной, в 1922 году, на Сицилии случилась засуха. Священники совершили великую пуджу² и помолились о дожде. Дождь пришел — и при-

1 Цитата из популярной ирландской песни «Кэтлин Мавурнин» (1837).

2 Пуджа — религиозный обряд в индуизме, включающий в себя подношения божествам, молитвы и другие элементы поклонения. Здесь этот термин

чинил больше вреда, чем засуха; после чего засуха вернулась и продержалась до конца лета, то ли вопреки заступничеству Кибелы, или как там ее называют в наши дни, то ли потому, что суррогатные подношения, которыми ее пытаются задобрить современные служители, на деле только навлекают ее немилость.

Свои собственные успехи на ниве мистицизма и магии, равно как и те высочайшие достижения, путь к которым я проложил для своих преемников, я объясняю почти исключительно тем, что я своевременно получил научное образование. Благодаря этому мне удалось выявить истинные физиологические и психологические критерии духовного достижения. Кроме того, преподавательский опыт позволяет мне добиваться все большей и большей простоты метода с каждым новым учеником. С каждым разом все быстрее и все я увереннее попадаю в самую точку. Сам я достиг за одиннадцать лет того, что прежде никому не удавалось и за сорок; и объяснить это индивидуальным дарованием невозможно, так как я брал в ученики людей, не обладавших и крупницей таланта, и благополучно обучал их тому, на что у меня ушло одиннадцать лет, за семь или восемь. Со следующим поколением учеников я уже справлялся за пять-шесть лет, и так далее. В результате сегодня я готов обещать любому человеку, наделенному хотя бы средними способностями и зачатками искреннего устремления к высшему, что он испытает суть духовного достижения всего после восьми занятий. Разумеется, без индивидуальных различий дело не обойдется: некоторым людям определенные области оккультной науки решительно недоступны, и каждому следует заниматься по своей персональной программе. Но совершенное освобождение по сути своей одинаково для всех, и впервые в истории этот опыт удалось очистить от всего лишнего, так что человек с самого начала обучения может полностью сосредоточиться на этой единственной — и единственно важной — цели.

Мы вели восхитительно простую жизнь. Алан обучал меня принципам йоги; по существу, и в этой науке основной принцип — только один. Проблема заключается в том, как перестать думать; ибо теория гласит, что разум — это механизм, употреблен как ироническая характеристика христианских богослужений.

предназначенный для символической обработки впечатлений, и устройство его таково, что он постоянно искушает нас принимать эти символы за реальность. Следовательно, всякое сознательное мышление в основе своей иллюзорно и мешает нам воспринимать реальность. Разнообразные йогические практики — это попросту хитрые приемы, обучающие нас замедлять поток мышления и, в конце концов, останавливать его вовсе. Любопытно, что сами йоги этого так и не поняли: религиозные догмы наряду с сентиментальными или этическими соображениями застили им глаза. Полагаю, я имею право считаться первым, кто осознал истинное предназначение йогических практик.

К этому открытию я пришел, главным образом, благодаря сравнительному исследованию различных мистических учений. Например, католик быстро и непрерывно повторяет «Ave Maria» и, погружаясь в ритм молитвы, отвлекается от сознательного мышления. Результат — экстатическое видение Марии. Индуист таким же образом повторяет «Ом Харе Ом» — и достигает видения Вишну. Но я обратил внимание, что оба эти видения одинаковы, если сбросить со счетов сектантскую терминологию, в которой они описываются по памяти. И я предположил, что и процесс, и результат в обоих этих случаях идентичны. Это физиологическое явление, а все мнимые различия объясняются тем, что человеческий разум не способен описать это событие иначе, как с помощью привычных религиозных терминов.

Длительные исследования и многочисленные эксперименты подтвердили мою гипотезу. В итоге мне удалось существенно упростить процесс духовного развития, очистив его от всех догматических наслоений. Погружение в транс — это феномен того же порядка, что и опьянение. От конкретного вероисповедания он не зависит. Добродетельная жизнь необходима лишь в той мере, в какой она способствует успеху, — в точности так же, как спортсмену или диабетiku показаны определенные диеты, которые сами по себе не хороши и не плохи. Я горжусь тем, что мои ученики достигают за считанные месяцы того, на что раньше требовались годы и годы. И не в меньшей степени — тем, что я освободил их от губительного заблуждения, а именно, от веры в то, что интеллектуальный образ нашего личного опыта есть универсальная истина.

Никакая другая ошибка еще не обходилась людям так дорого. Мухаммед стал фанатиком, уверовав в то, что его видения решительно необходимы для «спасения» человечества. Почти всякая религиозная тирания проистекает из подобной интеллектуальной ограниченности. Духовная энергия, которую мистик обретает в высших трансовых состояниях, превращает его в поистине грозную силу; и если он не поймет, что его личные толкования истины — это всего лишь акцентированные склонности его собственного мышления, то он будет стараться навязать их другим и, таким образом, вводить своих учеников в заблуждение, извращать их картину мира и препятствовать их развитию. Принести пользу он может лишь одним способом — обнаружив методы, при помощи которых он достиг просветления; иначе говоря, добавив крупицу своего опыта ко всей совокупности научных знаний. Лично я всегда старался делать именно это, непременно поясняя, что конкретные результаты, которых я достиг, ценны только для меня и что даже методы, которыми я пользовался, могут потребовать коррекции в каждом отдельном случае, — так, поэт, гольфист и адвокат должны будут работать по-разному, в соответствии со своими личными особенностями.

Итак, йога в правильном понимании — это простая научная система, служащая для достижения определенного психологического состояния. Вы только взгляните на ее восемь ветвей! Яма и нияма — «управление» и «высшее управление» — содержат правила, защищающие разум от воздействия эмоций и страстей, таких как гнев, страх, алчность, похоть и тому подобное.

Асана, «поза», — это искусство сидеть в совершенной неподвижности, чтобы тело перестало посылать разуму какие бы то ни было сигналы. Пранаяма, «управление силой дыхания», учит дышать как можно более медленно, глубоко и равномерно. Даже от легчайшего умственного раздражения или возбуждения дыхание становится частым и неровным; следовательно, пранаяма позволяет мгновенно отследить любое возникающее беспокойство. Кроме того, управляя дыханием, можно изгонять мысли, возмущающие покой ума, а также сводить к минимуму осознание самого процесса дыхания.

Здесь мне могут возразить, что подобные меры предосторожности кажутся абсурдными; но тот, кто никогда не пытался

сдержат блуждания мысли, даже не представляет себе, с каких мельчайших колебаний ума, с каких мимолетных и обычно даже не осознаваемых впечатлений начинается великая одиссея отвлечения. Может пройти до нескольких минут, прежде чем вы очнетесь и поймете, что все это время ваши мысли блуждали в мире грез.

Пратяхара — это интроспекция. Она развивает способность разлагать, казалось бы, самую простую мысль или впечатление на составные элементы. Можно, например, научиться воспринимать по отдельности все бесчисленные впечатления, связанные с процессом сгибания пальцев. Это уже само по себе откровение — обнаружить, что такое простое мускульное движение в действительности слагается из несметного множества изумительных и волнующих ингредиентов. Но цель практики, разумеется, состоит не в том, чтобы вкушать подобные наслаждения, сколь бы тонкими и изысканными они ни были: анализируя свои мысли и впечатления, мы учимся выявлять их первые предвестия и подавлять их в зародыше, — а также понимать и оценивать их благодаря подробному исследованию. Одним из важных результатов становится осознание того, что все мысли несущественны и эквивалентны друг другу; схожим образом современная химия положила конец средневековым бредням о святости одних соединений и порочности других. Другой полезный результат — обретение ясных и исчерпывающих представлений о составных элементах вселенной в целом.

После пратяхары не так уж сложно перейти к дхаране — сосредоточению. К этому моменту мы уже знаем, каких именно отвлечений следует ожидать и как их предотвращать. Соответственно, мы переходим в решающую атаку на многообразие мыслей, фиксируя ум лишь на одной-единственной из них. В части I «Книги Четыре» я привожу отрывок из своего дневника за этот период, где я попытался классифицировать отвлекающие явления. Этими, на первый взгляд, простыми наблюдениями, я очень горжусь, и полагаю, что читателю легче будет понять, чем я занимался в Канди, если я воспроизведу упомянутый отрывок и здесь.

«Разновидности отвлечений таковы:

- во-первых, отвлечения, возникающие из-за физических ощущений. К этому времени вы уже должны были преодолеть их, освоив асану;

- во-вторых, отвлечения, возникающие в связи с событиями, непосредственно предшествовавшими медитации. Под влиянием этих событий ум развивает чрезвычайно бурную деятельность. Только практикующий дхарану начинает по-настоящему понимать, как много впечатлений мы на самом деле воспринимаем, не отдавая себе в этом отчета;

- в-третьих, отвлечения, которые можно классифицировать как погружение в фантазии или грезы наяву. Это очень коварное состояние: в нем можно провести довольно много времени, даже не осознавая, что мы отвлеклись;

- в-четвертых, отвлечения весьма тонкого свойства, представляющие собой аберрации самоконтроля как такового. К примеру, вас посещает мысль: “Как хорошо у меня все получается!” Или, допустим, вы начинаете воображать, как было бы здорово сейчас оказаться на необитаемом острове, в звуконепроницаемом доме или под струями водопада. В действительности все подобные мысли только нарушают сосредоточение;

- в-пятых, отвлечения, обнаружить источник которых, по всей видимости, невозможно. Они могут выражаться в форме настоящих галлюцинаций, как правило, слуховых). Разумеется, галлюцинации бывают нечасто, и будем надеяться, что ученик всегда сможет опознать их как таковые (в противном случае ему стоило бы обратиться к врачу). Обычно при этом слышатся какие-то отдельные фразы или обрывки фраз, внятно произнесенные человеческим голосом, но не голосом самого ученика или кого-либо из его знакомых. Со схожим явлением сталкиваются телеграфисты, списывающие его на “атмосферные помехи”.

И, наконец, последняя разновидность отвлечения — сам результат, к которому стремится практикующий. Этот вопрос подлежит подробному рассмотрению, и позднее мы к нему вернемся».

Дхьяна — это первая разновидность трансa. Под трансом я подразумеваю состояние сознания, решительно отличающееся от обычного. Если в обычном состоянии сознания всегда

присутствуют два фактора — воспринимающий и воспринимаемое, — то в дхьяне эти двое становятся одним. На первых порах это, как правило, сопровождается невероятным потрясением. Кроме того, возникают и многие другие эффекты; в частности, исчезает восприятие времени и пространства. Впрочем, последнего можно добиться почти в таком же совершенстве и на некоторых стадиях обычного абстрактного мышления.

Достижение дхьяны может серьезно подорвать душевное равновесие ученика. Практикующий склонен придавать чересчур большое значение несовершенным образам, которые сохраняются у него в памяти от подобного опыта. Вспомнить этот опыт по-настоящему он не может, потому что человеческий разум не способен преобразовать такие переживания в обычные мысли. Поэтому он замещает подлинные воспоминания своими излюбленными иллюзиями. И если он уверует, что в ходе пережитого опыта эти иллюзии получили некую высочайшую духовную санкцию, он может превратиться в фанатика или мегаломаньяка. В моей системе ученику не позволяется переходить к практикам, ведущим к дхьяне, пока он не научится анализировать все свои идеи и отвергать их на основе философского скептицизма.

Общим термином «самадхи», то есть «Единение с Господом», обозначают завершающий транс или, точнее, серию трансов. От дхьяны это состояние отличается тем, что дхьяна — это частичный транс, а самадхи — всеобъемлющий. В первом самадхи вселенная воспринимается как единое целое. Во втором — уничтожается. Существуют, однако и многие другие состояния, относящиеся к категории самадхи, и в каждом из них качество трансa зависит от масштабов вселенной, с которой соединяется практикующий. Чтобы добиться по-настоящему удовлетворительных результатов, нужно быть глубоким философом и иметь достаточно четкое интеллектуальное представление о вселенной как органическом целом, основанное на гармоничном синтезе невероятного объема знаний. Самадхи невежественного и поверхностного человека, так и не составившего сколько-нибудь целостного представления о космосе, недорогого стоит.

Общая предпосылка восточных религий гласит, что любое проявление бытия по определению несовершенно, так как не составляет суммы всех истин. (В противном случае его невозможно было бы отличить от любого другого проявления.) Следовательно, любое проявление по природе пагубно и умножает страдания. Поэтому приверженец восточной религии стремится уничтожить всякую мысль как ложную и чреватую злом. Своей задачей он ставит освобождение от иллюзии бытия. Первый результат самадхи — блаженство, наступающее вследствие избавления от страданий. Но затем это блаженство уходит, а на смену ему приходит совершенное безразличие.

Но мы не обязаны вдаваться в эту философию слишком глубоко и принимать ее полностью. Труд Уильяма Джеймса «Разновидности религиозного опыта» навел меня на мысль использовать методы йоги для развития талантов того или иного рода. Джеймс отмечает, что различные религиозные учителя обрели могущество и способность влиять на других людей именно таким способом — при помощи погружения в самадхи. Транс такого рода пробуждает высочайшую духовную энергию и дарует абсолютную уверенность в себе; он устраняет обычные внутренние препятствия, мешающие нам действовать. Поэтому я утверждаю, что использовать эту силу для развития своих способностей и черпать в ней вдохновение для своих замыслов, следовало бы каждому: любой человек может применить результаты этого трансa в своей области деятельности. Эта идея напрямую связывает мистицизм с магией: ведь одна из основных магических операций заключается в том, чтобы призвать божество, соответствующее желаемой цели, отождествиться с ним и напитать собственные труды его чистой энергией. В сущности, это и означает достичь самадхи с данным божеством. В основе своей эти два процесса одинаковы; все мнимые различия объясняются лишь несоответствием между европейской картиной мира и азиатской. Большинство европейских религий, включая ортодоксальный иудаизм, антропоморфны: они строятся на экстраполяции тех или иных нравственных идей, связанных с отношениями

внутри семьи. Что же до азиатских религий¹, даже тех, которые на первый взгляд кажутся теистическими, то они всегда предполагают безличную вселенную. Иными словами, Запад идеализирует человеческие силы, а Восток — силы природы.

Дневник с описанием моих практик уже опубликован в «Эквиноксе» (т. 1, №4)². Очень хорошо, что я вел его во всех подробностях, — иначе сейчас уже было бы трудно поверить, что я добился столь значительного прогресса за столь краткий срок. Но у меня с самого начала были большие преимущества: молодость, непоколебимая решимость посвятить все свои силы поставленной цели, практические навыки, которые я отработал под руководством Эккенштейна, и постоянное присутствие человека, к которому я в любой момент мог обратиться за советом.

Подробно описывать результаты этих практик нет нужды. Некоторые из них, весьма интересные и, вероятно, немаловажные, ничего не скажут человеку, чуждому подобных занятий. Но о некоторых ярких феноменах все же стоит упомянуть.

Довольно скоро начинаешь осознавать, как устроено наше мышление. Тот, кто не занимался подобными практиками, не имеет представления об истинном содержимом своего ума. Непосвященный осознает лишь ответы на задачи, над которыми трудится его разум, но сам процесс решения остается для него тайной за семью печатями. Более того, он не ощущает непосредственных реакций на каждое отдельно взятое впечатление. Он совершенно превратно судит о собственном характере, который на деле условен и навязан ему текущими обстоятельствами. Поначалу начинает казаться, что нынешнее состояние характера никак не связано с предшествующим и последующим. Но постепенно между ними выявляются подсознательные связи. Каждое качество дробится на все более мелкие элементы, и создается впечатление, что анализ можно продолжать до бесконечности.

Попытаюсь пояснить это на примере. Обычный человек, глядящий в сторону Монблана с вершины Юнгфрау, видит Монте-Розу, Маттерхорн, Дан-Бланш и другие высокие пики,

¹ Включая древнейшую религию греков в ее лучших проявлениях. — *Примеч. А. Кроули.*

² См.: Алистер Кроули, *Храм царя Соломона*, указ. соч., т. 2, стр. 107 и далее.

вздымающиеся из-под пелены утреннего тумана. Каждый из них как будто обособлен от всех остальных. Но вот туман рассеивается, и человек осознает, что все эти пики — лишь различные вершины единой горной гряды; они связаны общим хребтом, который то приподнимается пиками поменьше, то углубляется в перевалы. Однако все эти неровности, так сказать, второго порядка основаны на еще более мелких, и даже совершенно ровная, на первый взгляд, поверхность ледника в действительности неоднородна. Даже если мы возьмем одну-единственную снежинку и изучим ее внимательно, то и в ней обнаружатся выступы и углубления, сопоставимые с неровностями макроскопического ландшафта. Столкнувшись вплотную с этим явлением, невольно задаешься вопросом, из каких же атомов слагается мысль. И тут выясняется, что каждый атом по своей значимости ничем не уступает любому другому. В этот момент чувство собственной важности исчезает без следа.

Кроме того, возникает еще одна проблема: почему, например, наше понятие о лошади составляется из ряда понятий, ни одно из которых не имеет к ней сколько-нибудь очевидного отношения, — в точности так же, как слово «лошадь» составляется из букв л-о-ш-а-д-ь, ни одна из которых сама по себе не обозначает ни лошади в целом, ни какой-либо ее части? Схожим образом, кусок сахара — это не просто масса однородных кристаллов: каждый кристалл состоит из углерода, водорода и кислорода — элементов, которые сами по себе не обладают ни одним из отличительных качеств сахара. Складывается впечатление, что эта иррациональность — общее свойство явлений обоюродного рода: и физических, и психических.

Из вышесказанного ясно, что даже такой крайне поверхностный анализ процессов мышления уже неизбежно влечет за собой самые революционные последствия. Но тогда мне еще не хватало опыта, чтобы понять всю значимость этих открытий. В своем дневнике я довольствовался перечислением внешних результатов, которых удавалось достичь при помощи тех или иных упражнении. Еще до отъезда из Коломбо мне удалось услышать астральный колокольчик, которому, кстати, совершенно напрасно придают такую огромную важность¹.

¹ «Астральный колокольчик» — спиритический феномен, первоначально связанный с деятельностью Е. П. Блаватской. Согласно легенде, Блаватская

Кроме того я очистил так называемые нади¹. В результате кожа лица у меня стала до странности чистой, голос утратил врожденную резкость, движения сделались спокойными, а глаза приобрели необычный блеск. Вдобавок я постоянно осознавал «наду»² — внутренний звук, характер которого меняется в широких пределах, но в моем случае чаще всего напоминал переливы соловьев.

Пранаяма вызывала, во-первых, особого рода потоотделение, во-вторых, произвольную ригидность мышц и, в-третьих, чрезвычайно любопытное явление: все тело, сохраняя полную ригидность, начинало перемещаться прыжками в разных направлениях. Казалось, будто какая-то сила приподнимает его примерно на дюйм от земли, а затем очень мягко опускает обратно на небольшом расстоянии от исходной точки.

В Канди мне довелось наблюдать поразительный пример этого явления. Когда Алан медитировал, моя обязанность заключалась в том, чтобы время от времени — очень тихо — приносить ему еду в соседнюю комнату, откуда он потом сам ее забирал. Однажды Алан пропустил два приема пищи подряд, и я решил заглянуть в его комнату и проверить, все ли в порядке. Следует пояснить, что на тот момент я знал всего двух женщин и троих мужчин среди европейцев, которые могли сидеть в падмасане³ — позе, в которой часто изображают Будду. Одним из этих европейцев был Алан. Он умел завязывать ноги узлом так крепко, что мог затем упереться руками в пол и раскачиваться на них взад-вперед. Итак, я заглянул к нему и увидел, что у стены напротив окна лежит пустой коврик для медитации, а сам Алан, так и не расплетя ног, стоит

без помощи каких-либо инструментов могла «вызывать из астрала» звуки колокольчика, слышимые всем присутствующим. Теософы принимали это за признак выдающихся медиумических способностей, хотя скептики утверждали, что в действительности таинственные звуки производились с помощью маленькой музыкальной шкатулки, спрятанной под одеждой. Впоследствии многие спиритуалисты сообщали о том, что звук «астрального колокольчика» или большого «колокола» служил для них сигналом к началу коммуникации с духами.

1 Нади — в йоге и тантре система тонких каналов в человеческом теле, по которым движется жизненная энергия (прана).

2 Нада — в йоге внутренний звук, зарождающийся в анахате-чакре и слышимый во время медитации.

3 Падмасана (санскр. «поза лотоса») — поза сидя, скрестив ноги; левая стопа лежит на правом бедре, правая — на левом.

на голове и правом плече в дальнем углу, футах в десяти-двенадцати. Я перевернул его, и только тогда он вышел из транса. В ходе медитации он не осознавал, что происходит нечто необычное. Но было ясно, что его переместили в угол и перевернули вверх ногами те же таинственные силы, которые пробуждаются при занятиях пранаямой.

Подлинность этого феномена не вызывает сомнений: он довольно распространен. Но йоги утверждают, что смещение вбок объясняется неуравновешенной позой: если бы тело находилось в идеальном равновесии, оно поднималось бы вертикально вверх. Сам я никогда не наблюдал явлений левитации и не могу с уверенностью сказать, что испытывал нечто подобное, хотя в нескольких случаях люди, присутствовавшие при моих занятиях йогой, уверяли, что видели, как я зависаю в воздухе. Трех феноменам, связанным с пранаямой (ригидности мышц, потоотделению и «левитации»), без труда можно найти довольно простые психологические объяснения. Но построить теорию, объясняющую, каким образом эти упражнения могут противодействовать силе тяготения, я не в силах, и это дает мне основания для скептицизма: я все же не настолько просветлен, чтобы принять возможность левитации на веру. Впрочем, с другой стороны, звезды ведь висят в пространстве без опоры. И нет никаких причин, по которым силы, не дающие им помчаться навстречу друг другу и слиться в единую массу, не могли бы при определенных условиях сработать и применительно к земле и человеческому телу.

Далее, определенные дыхательные упражнения могут защитить от укусов насекомых и мелких животных. Если задержать дыхание так, чтобы тело пришло в судорожное оцепенение, никакое насекомое не прокусит кожу. Рядом с нашим бунгало в Канди было озеро с водопадом. Алан Беннет каждое утро ходил туда кормить пиявок. При помощи этого трюка с дыханием он мог заставить отвалиться пиявку, уже присосавшуюся к запястью. Бывало, мы одновременно опускали руки в воду, а затем вытаскивали: у него на руке не было ни единой пиявки, а мою они облепляли десятками. В такие моменты я обиженно ворчал, что ни один койот не тронет мертвого мексиканца¹, но Алана это не задевало.

¹ Ср. стр. 16.

На берегу озера стоял отель, расположенный в очаровательном месте. Иногда мы ходили туда пообедать. Идти по дороге было далековато, так что я обычно срезал путь через джунгли. Однажды я спустился с холма бегом (я был в горных ботинках). Мой слуга, задыхаясь, бежал следом, но угнаться за мной не мог. Добравшись до отеля через десять минут после меня, он продемонстрировал мне дохлую кобру длиной в четыре фута восемь дюймов. Оказалось, я на бегу наступил ей на шею — и даже не заметил!

Асана долгое время причиняла ужасную боль. Иногда я тратил по пять минут на то, чтобы с превеликими трудами и мучениями распрямить конечности после очередного упражнения. Но я все-таки добился своего. Однажды, совершенно внезапно, я вдруг перестал осознавать свое тело во время практики, и моим долгим страданиям пришел конец. Раньше я думал, что моя асана — одна из самых болезненных поз, какие только можно придумать. Но после этого случая все изменилось: теперь эта асана, наоборот, стала единственной позой, в которой я мог сидеть безо всякого неудобства. И по сей день (хотя я, к стыду своему, давно уже не тренировался) я принимаю эту позу, когда хочу набраться сил, и уже через несколько минут чувствую себя свежим, как после долгого отдыха.

Практика сосредоточения дает чрезвычайно разнообразные и занятные эффекты. Например, если последовательно подавлять обычные мысли, то они замещаются не только своими составными элементами, как пояснялось выше, но и давно забытыми воспоминаниями детства. Кроме того, случается то, что я прозвал про себя «атмосферными помехами». Например, внезапно слышатся голоса: «А что если ты исчезаешь?» или «И не ступай на скользкую дорогу добродетели». Одну из дневниковых записей за 6 сентября стоит привести полностью:

22:45—22:55. Дхарана на кончике носа. Отчетливо осознал нереальность носа. Это ощущение сохранилось. Часом позднее, уже сквозь сон, дыша на собственную руку, я удивился: «Откуда идет этот горячий воздух?» И чтобы ответить: «Из моего носа», — мне пришлось задуматься. Ущипнув себя, я сразу все вспомнил; но потом опять задремал, и повторилось все то же самое.

Итак, «дхаранизация» моего носа отделяет от Меня мой Нос, а затем отрицает его существование, исключает его из реальности и полностью уничтожает.

Однажды я, к ужасу своему, обнаружил, что начисто забыл, на каком объекте пытаюсь сосредоточиться. Я не помнил, что именно я пытался удержать перед мысленным взором. Естественно, я решил, что со мной что-то не так, — и это был один из тех случаев, когда помощь Алана оказалась просто бесценной. Если бы не он, я, возможно, от испуга бросил бы практику. Но Алан объяснил мне, что это хороший знак: я приближаюсь к состоянию так называемого «пограничного сосредоточения»¹.

Еще один интересный опыт заключался в следующем: я опять потерял объект сосредоточения и в этот момент обнаружил, что одновременно и осознаю внешние предметы, и осознаю, что я их *не* осознаю. Это кажется непримиримым противоречием, но в буддийской психологии такое состояние известно. Высшие способности разума работают по иным законам, чем низшие.

Я постоянно наращивал длительность ежедневных упражнений. 2 октября, к собственному удивлению, я достиг состояния дхьяны, а на следующий день закрепил успех. Приведу соответствующую дневниковую запись дословно:

Приблизительно через восемь часов практики практикой возшла «Золотая Заря».

В ходе медитации я внезапно осознал, что передо мною — безбрежное море тьмы, а поперек него — багряное зарево. Среди тусклых зубцов свинцово-серых туч восходила, сгущаясь и разгораясь, Заря всех Зорь. Великолепие ее — не от земного мира; суть ее — солнце; кроваво-красное, лишненное лучей, несокрушимое, оно поднималось все выше, выше! Вырванный из собственного «я», я не спрашивал: «Кто Свидетель?», — нет, я полностью растворился в созерцании этого грандиозного, чудесного явления. И не было никаких сомнений, перемен,

¹ «Пограничное сосредоточение» (упачара-самадхи) — состояние, предвещающее первую дхьяну.

колебаний, ибо Золотая Заря этого Вечного Солнца бесконечно более реальна, нежели все «физическое»! Но вот Сияющая Сфера высвободилась вся из объятий черных берегов своих, и — увы, душа моя! — сей Свет Неизреченный сокрылся за ниспавшим на него покровом тьмы, и в пурпуре и седилах, великолепных сверх всякого воображения, печальных сверх всякого представления, величественный Вестник Дня померк. Но глаза мои его повидали! Так вот какова она, дхьяна! И вместе с нею, почти незаметно, рука об руку шла мелодия, подобная звукам, льющимся из нежного сердца вЙны.

На следующий день:

И снова неизреченной Милостью Бхавани¹ к нижайшему из служителей Ее возшло Великолепие этого Внутреннего Солнца. Как велел мой гуру, я приветствовал эту Зарю пранавой². Благодаря этому, как я и надеялся, дхьяническое сознание сохранилось. Солнечный диск стал золотым и вышел из-за облаков, перистых и кучевых, пламенеющих светом, плывущих через космический эфир огромными пушистыми горами розового и золотого сияния. Диск поначалу был без лучей и казался плоским, как Солнце в Стрельце³, хотя несравненно более ярким; но после, поднявшись над облаками, он начал вращаться, искриться, извергать потоки огня! (Я наблюдал все это с вершины холма, темного, словно клочок умирающего мира, покрытого торфяником, среди которого торчали редкие сосны, сырые, гниющие, покосившиеся, несказанно одинокие.) (Примечание: Всего лишь мыслеформа, возникшая из-за того, что Р[erdirabo] не вполне понял указания Свами Майтрананды⁴ о том, как надлежит наблюдать это явление.) Но за сиянием этих солнечных

1 Бхавани (санскр. «подательница жизни») — олицетворение первозданной энергии Шакти в форме богини-матери.

2 Пранава — повторение мантры «Ом».

3 Т.е., как зимнее солнце.

4 Майтрананда — санскритский аналог имени «Ананда Меттея» (пали «блаженство доброты»), которое принял Алан Беннет, вступив на путь буддийского монашества.

*вспышек как будто возникало нечто иное, почти не-
вещественное, разреженнее тени! Идея некой Фигуры, по-
добной Человеку! И тут несчастный разум P[erdirabo]
одолели сомнения и мысли; и Одна Волна раздробил-
ась на множество волн, и все пропало! Горе! Горе тебе,
P[erdirabo]! И Вечная Слава Ей, Двоегрудой, Той, кото-
рая вторглась даже на вторую половину Разрушителя!¹
«Ом Намо Бхаванья Ом²».*

Но результат этого достижения оказался совершенно нео-
жиданным. Успех нисколько не окрылил меня; напротив, воз-
никло такое чувство, словно я разом израсходовал все силы,
накопленные за несколько лет. Я просто не мог заставить себя
продолжать. И прошло почти два года, прежде чем я вернулся
к регулярным упражнениям.

Итак, поток энергии, питавший мою практику, исчерпал-
ся, и мы с Аланом решили совершить паломничество по руи-
нам священных буддийских городов. Алан все больше и боль-
ше склонялся к мысли, что все-таки должен принять желтую
ризу монаха. Феномены, сопутствующие дхьяне и самадхи,
утратили для него первоначальное очарование и стали казаться
коварными препятствиями на пути истинного духовного раз-
вития: ведь они нарушали искомую сосредоточенность и ме-
шали достичь той высочайшей истины, к которой он так стре-
мился. Ему хватало силы характера даже на то, чтобы проти-
востоять соблазну столь возвышенных духовных наслаждений.
Подобно плотской любви, они манят свою жертву лживыми
посулами, обещая освобождение от всех страданий бытия.

Я же, со своей стороны, устал от буддийских практик.
Дхьяна основательно прочистила мне мозги, и я теперь смо-
трел на вещи совершенно по-новому. В путешествии, в ко-
торое мы отправились с Аланом, я искал лишь эстетических
впечатлений, новых открытий в области истории и этноло-
гии и занятных дорожных происшествий в новых местах. Мне
даже доставляло какое-то извращенное удовольствие отпустить
по поводу происходящего скептические и оскорбительные

1 Подразумевается Бхавани как гневная ипостась Парвати, милосердной супруги Шивы-Разрушителя.

2 «Ом, к тебе взываю, Бхавани, Ом» (санскр.).

замечания — просто для того, чтобы эпатировать Алана, — и, к его превеликому ужасу, время от времени делать вылазки на охоту за крупной дичью. Полагаю, мне стоит ненадолго вернуться назад и изложить свои впечатления от Цейлона с точки зрения обычного светского человека, каким я стал в тот период.

Голова моя была набита романтической чушью: я преклонялся перед мудростью Востока и перед чудесами и сокровищами Азии, как в свое время — перед якобитами. Но я уже научился смотреть своими глазами: предрассудки больше не казались мне такими уж убедительными, как раньше. Вероятно, большую роль в этом сыграл мой опыт пребывания в Ордене. Но при этом я не бросился в другую крайность и не воскликнул: «Блаженны не ждущие ничего, ибо их не постигнет разочарование!» Судить о принципах буддизма по поведению буддистов я не собирался. Я исследовал логические выводы из любой философской системы, не обращая внимания на то, как обошлась с этой системой живая история. В теории, цейлонский буддизм опирается на тексты буддийского канона. Но на практике местные жители попросту приспособили свои старые обычаи к новой религии, и они сохранились в неизменности под маской буддизма — во многом так же, как под маской христианства сохранилось почти во всем, за исключением терминологии, древнее язычество: осел Приапа превратился в осла рождественских яслей, Юпитер стал Иеговой, Исида — Марией, и так далее; корона Осириса обрела новую жизнь в обличье папской тиары, жертвоприношения зерном и вином возобновились в таинстве причастия, а всевозможные обряды поклонения фетишам и предкам не ушли в прошлое, а всего лишь получили новые имена. Точно так же и древняя демонология Цейлона приспособилась к буддийскому учению.

Первобытные инстинкты в людях неискоренимы; глубинные страсти и страхи всегда находят приблизительно одинаковые выражения, вопреки всем усилиям философов и религиозных реформаторов. Поэтому я не удивился и не возмутился (в отличие от более простодушного Алана), когда увидел, что демонические пляски и тому подобные суеверные обряды на Цейлоне связывают с буддийской духовностью, несмотря на весь ее чистейший рационализм и прямолинейность. Сами по себе эти обряды не могли не радовать своей простотой

и дикостью. Они были полны искреннего воодушевления и совершенно чужды какого бы то ни было лицемерия, притворства, ханжества, бахвальства добродетелями и веры в собственное превосходство.

Главное сокровище Канди — легендарный зуб Будды. Он хранился в семи ларцах, вложенных один в другой, и некоторые из этих ларцов сами по себе исключительно ценны и прекрасны. Этой реликвии нет цены. Незадолго до моего визита один из ларцов украли. Король Сиама распорядился изготовить новый, истратив на это невесть сколько лаков¹ рупий. Затем он со всей своей свитой отправился в Канди, чтобы с превеликой торжественностью вручить подарок самолично... и кто бы мог подумать? Жрецы так и не показали ему пресловутый зуб. Великолепная дерзость — и великолепный акт независимости! Моему Невзыскательному Преподобию посчастливилось больше: нас с Аланом допустили на ежегодную церемонию осмотра реликвии. Полагаю, когда-то этот зуб принадлежал собаке или крокодилу, но хотя с моего места все было отлично видно, я не настолько разбираюсь в анатомии, чтобы утверждать это с полной уверенностью. Наверняка могу сказать только одно: это не человеческий зуб.

Сама церемония, на которой ежегодно воздают почести этой реликвии, называется «перахера». Лично у меня она не вызвала чувства прикосновения к подлинной святыне, но какой же это был роскошный спектакль! Он впечатлял уже самим своим дикарством и полным пренебрежением к официозу. Праздничные шествия, к которым мы привыкли в Европе и Америке, не способны вызвать ничего, кроме раздражения и скуки. А перахера — это грандиозное увеселение: устроители собирают всех слонов, танцоров, монахов, чиновников, барабанщиков, трубачей и факельщиков — одним словом, всех, кто способен голосить, топать и шуметь, — и разом выпускают их всех на улицы. В результате город захлестывает волна непосредственной, чисто детской радости. Бедный глубокомысленный Алан, всей душой мечтавший лишь о том, чтобы смягчить страдания человечества и помочь ему перейти на высший план бытия, был очень опечален и разочарован.

¹ Лак — единица счисления, в южноазиатской системе равная ста тысячам.

Вспоминается один эпизод, скандальный, но презабавный. Алан изо всех сил старался проникнуться духом праздника и обратил мое внимание на «могучие раскаты дикой восточной музыки». Но меня не проведешь. Я читал стихи Геррика о художнике и льве¹ и помнил о леди Кларе Вер-де-Вер², явно имевшей кое-что общее со слоном. Бедный Алан не знал, куда девать глаза, когда понял свою ошибку.

В целом же зрелище было дикое и отчасти даже зловещее. Темнота, пальмы, силуэты гор на дальнем плане, безмолвное озеро и непроницаемо черный балдахин небосвода, усыпанный таинственными и многозначительными звездами, — поистине неповторимый фон для грохота и блеска подобной варварской церемонии. Чьи-то гигантские тени плясали в свете факелов, и самый воздух дрожал от неистовой радости этого буйного религиозного торжества. Все это заражало душу каким-то великолепным безумием. Смысл происходящего оставался совершенно непонятным, да и был ли он, этот смысл? Оковы знания не стесняли разум, и можно было беспрепятственно выпустить себя на волю. Отчаянно хотелось поддаться какой-то одержимости, что-нибудь учудить, но что именно — непонятно. Это была настоящая пытка: чувствовать нечто настолько сильное, желать так страстно, и не понимать, чего же ты хочешь. В этом упорительном возбуждении прошли часы. И стало совершенно ясно, почему в народе так любят подобные праздники: они высвобождают подсознательные желания первобытного зверя. Именно поэтому в восприятии цивилизованного человека такие переживания сопровождаются известным беспокойством и даже ужасом необъяснимого рода: ощущается близость неких могучих сил, которые пугают самой своей мощью и осознанием того, что они заключены в нас самих. Мы всю свою жизнь пытаемся забыть о них и даже благополучно убеждаем себя, что нам это удалось. Это зов древних страстей. Это рев толпы, каким тот слышится образованному человеку. Но никаких определенных религиозных идей

1 Имеется в виду эпиграмма английского поэта Роберта Геррика (1591—1674) из сборника «Геспериды», в которой художник, рисуя льва, пускает ветры так громко, что лев на картине от испуга встает на дыбы.

2 Леди Клара Вер-де-Вер — героиня одноименного стихотворения Альфреда Теннисона (1809—1892), холодная и неприступная знатная дама, на гербе которой также изображен вставший на дыбы лев.

перахера в себе не несет. С буддизмом у нее столько же общего, сколько у карнавала в Ницце — с христианством. Йота Омега Пи Альфа Нью!¹

Впрочем, не будем ставить на этом точку. Официальная наука, которой — рано или поздно — всегда удастся открыть то, что всем уже давно известно, не так давно объявила непреложным фактом, что некоторые состояния сознания позволяют совершать так называемые чудеса и что войти в такое состояние можно при помощи непрерывного повторения каких-либо выражений и прочих подобных действий. Все восточные обряды, от волнообразных движений танцовщиц до суровых практик аскезы, рассчитаны на то, чтобы вызывать из подсознания определенные силы, так или иначе управлять ими и возвращать обратно в подсознание.

Zodacare, eca, od zodameranu! Odo kikale, Qaa! Zodoreje, lap, Zodiredo Noco Mada, Hoathah, IAIDA!²

30

Был один случай, когда мы вплотную столкнулись с отношениями между цейлонским народом и правительством. Британский чиновник на Цейлоне не имеет ничего общего со своим индийским коллегой. Его не почитают как «небороденного», святого и непогрешимого. Он так и не сумел убедить себя в собственном превосходстве над простыми смертными, а потому власть ему не к лицу. Он чувствует себя выскочкой. На Цейлоне полным-полно полукровок, рожденных местными от голландцев, англичан и португальцев, и в обществе этих метисов белому человеку немного неловко. Они напоминают ему бедных родственников; должно быть, уроженцы Дэйтона (штат Теннесси) и некоторые другие испытывают подобные чувства в обезьяннике. Схожую ситуацию можно наблюдать в южных штатах Америки, где из-за численного превосходства негров над белыми тоже расплодилось огромное количество полукровок. Опять-таки, нечто подобное

1 Греческие буквы, составляющие экстатический возглас «Ию, Пан!»

2 «Выйдите же и явитесь! Откройте тайны сотворения вашего. Будьте друзьями мне, ибо я — Служитель вашего Бога, истинно верный Всевышнему» (енох.), заключительные фразы первого енохианского Ключа.

обнаруживается в Южной Африке; и в результате на всех этих территориях белый человек чувствует себя настолько неуверенно, что не решается относиться к туземцам так же терпимо, как в Индии, где правила отношений между местным населением и пришельцами-завоевателями понятны обеим сторонам. Короче говоря, сингальские чиновники в большинстве своем грубы и злобны.

Однажды вечером мы с Аланом, как обычно, медитировали. Слуги ушли по делам, и какой-то ворюга, воспользовавшись случаем, пробрался в дом и вынес мой сейф с наличностью. Стыдно признаться, но мне хватило глупости сообщить о происшедшем в полицию. Через день-другой к нам явился гость, представившийся инспектором, задал какие-то вопросы и ушел. С собой он прихватил мой карманный компас, приняв его за часы. На этот раз установить личность вора не составило труда: он орудовал по всему острову. Его поймали, посадили за решетку и судили, но оправдали из-за какой-то формальности. Мне этот случай врезался в память из-за разговора с судьей: тот заявил, что за такие преступления могут приговорить к порке. Упомянув об этом, судья поморщился: наблюдать за поркой было ужасно; но в голосе его явственно послышалось садистское удовольствие. Так я впервые увидел, какие животные инстинкты скрываются под личиной respectableного и цивилизованного англичанина. До сих пор я не верил Крафту-Эбингу, писавшему о подобных извращенных удовольствиях¹; я просто не понимал жестокости.

Не Горький ли писал о том, что русские любят причинять боль просто так, без каких-либо относительно понятных причин, вроде ненависти или гнева? Он описывает, как взрывают мужчин, набив им порохом рот, и как женщинам протыкают груди, протягивают сквозь них веревку и подвешивают к потолку². То же самое некоторые английские дети проделывают с животными. Горький пишет, что открытие этого инстинкта в людях отравило ему всю жизнь, сведя на нет все возможные оправдания вселенной. Но я не разделяю его мнения. Я

1 Рихард фон Крафт-Эбинг (1840—1902) — австрийско-немецкий психиатр, невропатолог и криминалист, один из основоположников сексологии; вероятно, подразумевается его труд «Половая психопатия» (1886).

2 См. статью Максима Горького «О русском крестьянстве» (1922).

могу понять, что, теоретически, во вселенной могут существовать любые возможные сочетания качеств, и я не имею права объявлять их не подлежащими оправданию только потому, что какие-то из них мне отвратительны.

Скорее уж я соглашусь с автором «Ледяных гренландских гор», хотя я бы на его месте не стал трогать Цейлон¹. Впрочем, не стану спорить, что вся природа здесь на редкость прекрасна, а всякий человек, насколько я могу судить, порочен. Похоже, в климате этого острова есть нечто такое, что умерщвляет лучшую часть души, если прожить здесь слишком долго. В этом отношении аромат цейлонского чая кажется мне символическим. Помню, как однажды я попросил местного лавочника раздобыть мне хоть немного китайского чаю. По стечению обстоятельств лавку как раз посетил владелец соседней чайной плантации. Услышав мою просьбу, он вмешался и надменно заявил, что, если уж мне так угодно, он может специально для меня добавить в чай китайского аромата. «Отлично! — воскликнул я. — А цейлонский аромат убрать можно?»

Расставаясь с Эккенштейном, я согласился подумать об экспедиции в Гималаи, на пик Чогори, который на индийских картах помечен как «К2», — вторую по высоте горную вершину во всем мире, поднимающуюся на 28250 футов² над уровнем моря. И вот я принял решение, что не буду в этом участвовать, а посвящу все свое время и силы духовному развитию. Так я и написал Эккенштейну; но когда я рассказал об этом Алану, тот, как ни удивительно, заявил, что мне следовало бы согласиться — хотя бы ради Эккенштейна. Возникла та же проблема, что с Абрамелином и Орденом³. И я разрешил ее так же, как и в прошлый раз. Я телеграфировал Эккенштейну, что передумал и принимаю его предложение.

Вследствие этого решения я начал отращивать бороду. Эккенштейн ознакомил меня со многими правилами поведения, которые надо соблюдать, когда путешествуешь среди магометан, и я исполнял их со всей ответственностью. Например,

¹ Имеется в виду гимн христианских миссионеров «От ледяных гренландских гор» (слова Реджинальда Гебера, 1819), где, среди прочих стран, подлежащих обращению в христианство, упоминается и Цейлон, где «вся природа прекрасна и только человек порочен».

² Около 8610 м.

³ См.: Алистер Кроули, *Исповедь*, т. 1. М.: Ганга, Телема, 2011, стр. 289.

я приучился никогда не касаться лица левой рукой. Вскоре я заметил, что благодаря этому запрету постоянно остаюсь настороже. Эту идею я впоследствии развил в «Liber Jugorum»¹ — одном из важнейших начальных руководств по подготовке соискателей А.:А.:. Но сингалы, не подозревавшие о наших истинных мотивах, принимали бородатых сахибов за пленных буров². Ту же нелепую ошибку допускали даже белые в Равалпинди, на месте сбора нашей экспедиционной группы, хотя мы спокойно общались с ними и половина группы свободно говорила по-английски³.

Все дело в том, что люди в большинстве своем совершенно невосприимчивы к фактам. Попросите среднестатистического человека выслушать простую фразу, содержащую одно-единственное слово, способное пробудить в нем предрасудки, страхи или страсти, — и он не поймет, что вы сказали: его ответ будет эмоциональной реакцией на ключевое слово. Но этот психологический факт я осознал гораздо позже. Меня и по сей день удивляет, что некоторые люди попросту не способны воспринимать впечатления спокойно и критично. Мне доводилось слушать многих великих ораторов. И почти всегда я только диву давался, как им хватает духу обращаться к людям с таким откровенным враньем.

Путешествие к руинам священных городов само по себе оказалось познавательным. Первое, что меня поразило, — это потрясающая черствость в обращении с упряжными лошадьми. За всю дорогу нам не попало ни единой лошади хотя бы в мало-мальски приличном состоянии. Только теперь до меня начал доходить истинный смысл первой заповеди Будды — «не убий». Я понял, какой я невежда.

Дамбулла⁴ — одно из самых выдающихся порождений человеческого искусства, энергии и энтузиазма во всем мире. Этот храм вырублен в скале и представляет собой огромную пещеру с очень узким входом. Как же внесли туда все многочисленные

1 См.: Кроули, *Магия в теории и на практике*, указ. соч., стр. 644—647.

2 Во время англо-бурской войны буров-военнопленных ссылали в колоннальные лагеря — первоначально на остров св. Елены, а затем на Цейлон.

3 Равалпинди — город в Пакистане, в описываемый период столица страны.

4 Дамбулла — пещерный буддийский храм I в. до н.э. в одноименном городе на о. Шри-Ланка.

статуи Будды, украшающие интерьер? Похоже на старую загадку про верблюда и игольное ушко. Но на самом деле эти статуи попросту вырублены из скальной породы внутри самого храма. Столь грандиозный замысел и столь восхитительное его исполнение заслуживают самой чистосердечной похвалы. Но все это самым наглядным образом демонстрирует вырождение: современные сингалыцы не только не способны творить красоту сами, но и не могут даже ценить по достоинству то, что создано до них. Они перемазали все статуи гуммигутом, да так щедро, что под толстым слоем этих благочестивых приношений стало невозможно разглядеть древнюю изысканную резьбу.

Скала Сигирия¹ поражает воображение. Она беззащитно возносится к небу из-под покрова джунглей и считается неприступной, однако на вершину ведет искусственная галерея, возведенная еще в древности, когда там, на вершине, располагался процветающий город. Несколько дней мы провели в окрестностях этой скалы: я хотел обойти ее кругом и отыскать другой путь наверх. Но из этого ничего не вышло. Даже если бы нам удалось пройти столько миль сквозь непролазные джунгли, пришлось бы превратиться в обезьян, чтобы рассмотреть хоть что-то выше собственной головы.

За это время произошел только один случай, заслуживающий упоминания: я впервые встретил буйвола. В один прекрасный день, слоняясь по джунглям, я вышел на прогалину, где оказалось неглубокое озерцо. Одновременно со мной с противоположной стороны из-за деревьев вышел бык с двумя коровами — очевидно, они искали воду. В те дни я носил с собой маузер калибра 0,303. Буйвол заметил меня, когда я был от него уже в сотне ярдов. Как только он поднял голову, я прицелился и выстрелил. Но патрон дал осечку, а перезарядить винтовку я уже не успел: бык с грохотом промчался мимо. Если бы он решил напасть — мне конец! Я хорошо усвоил урок и с тех пор всегда брал на охоту двустволку. С одностволкой тратится больше времени на перезарядку, и эта задержка может оказаться роковой; и, мало того, в любой момент патрон может заклинить, и тогда останешься вовсе безоружным.

¹ Сигирия (сингалск. «львиная скала») — скальное плато в центре о. Шри-Ланка, возвышающееся на 170 м над окружающей равниной. В конце V в. на вершине скалы была построена крепость с царским дворцом, садами и фонтанами.

Итак, мы с Аланом без особого воодушевления направились в Анурадхапуру¹. Экипаж был чрезвычайно неудобным, а монотонные виды за окном навевали тоску: бесконечная равнина, покрытая однообразными джунглями. Только ближе к закату в отдалении, наконец, показалась гряда холмов, и мы вздохнули с облегчением. Пологие склоны, поросшие редкими деревьями, несказанно радовали глаз, но наутро обнаружилось нечто удивительное: оказалось, это вовсе не холмы, а обветшавшие пагоды, на развалинах которых проросли молодые деревья!

Как памятники эти древние города мне кажутся несравненно более великими, нежели даже египетские. Они не настолько близки мне; им недостает геометрической строгости и эстетики, благодаря которым я воспринимаю страну Хем² как свою духовную родину. Но они по сей день хранят грандиозную роскошь древней сингальской цивилизации. Здесь колоссально всё — даже такие обыденные сооружения, как цистерны для воды. Там, где прочие вели счет на квадратные ярды, сингальцы мыслили акрами. Нижняя терраса одной из пагод (около мили в обхвате) окружена кольцом из каменных слонов почти что в натуральную величину. От древнего декора сохранилось не так уж много, но это и неважно. Даже руины самым наглядным образом передают дух того расточительного благочестия, которое побуждало людей воздвигать все эти бесполезные громады с одной-единственной целью — увековечить память Учителя.

Но, по правде говоря, я пресытился чудесами. Новые зрелища больше не волновали, а лишь навевали скуку. И когда я, наконец, добрался до Индии, это было настоящее счастье. Психологический контраст с Цейлоном — очень резкий, внезапный и потрясающий. Почему, интересно, острова всегда так отличаются от близлежащих материковых стран? Никакая общность происхождения, обычаев и культур не смягчает различий. Стоит лишь ступить на землю Индии, как тотчас ощущаешь постоянство и устойчивость тамошней цивилизации.

¹ Анурадхапура — город в Шри-Ланке, история которого восходит к X в. до н.э.; древняя столица первого сингальского королевства (с 377 г. до н.э.).

² Хем (Кем, Кеми; др.-егип. «черная земля») — название Древнего Египта, которым пользовались его обитатели.

Несколько недель я путешествовал по южным провинциям. Не могу не упомянуть об одном очаровательном происшествии. Я сел в поезд на какой-то станции. Из дальнего вагона вышел белый человек с длинной седой бородой и, заметив меня, прошел под палящим солнцем вдоль всего поезда, только чтобы спросить, не может ли он чем-нибудь мне помочь: ему бросилось в глаза, что я приезжий. (А схема железной дороги там и впрямь такая сложная, что запутаться немудрено.) Это оказался не кто иной, как полковник Олькотт¹. И должен сказать, что на моей памяти то был первый — и последний за много лет — случай, когда кто-то из теософов по доброй воле проявил заботу о ближнем.

Храмовый комплекс в Мадурас² — самый прекрасный не только в Индии, но и, быть может, во всем мире. Он необъятен: коридор за коридором тянутся его величественные изваяния, резные монолиты, возвышающие дух своей царственной суровостью. Особенно впечатляет то, что вера, побудившая людей воздвигнуть этот храм, живет и здравствует поныне — точно так же, как и в ту пору, когда Индия была в расцвете своего политического влияния. Мои познания в йоге сослужили мне здесь добрую службу. Я понимал, что обычного европейца не допустят в самые интересные части храма. «Как же мне пройти по стопам Бёртона?» — задумался я. И вот я сменил европейскую одежду на простую набедренную повязку и устроился с чашей для подаяния на дороге у близлежащей деревни. Разумеется, местные жители знали, что я — англичанин, и некоторое время с подозрением наблюдали за мной из-под покрова джунглей. Но как только они увидели, что я и впрямь сведущ в йоге, всю недоверчивость как рукой сняло. Один из них неплохо говорил по-английски и сам был опытным

1 Олькотт, Генри Стил (1832—1907) — один из основателей и первый президент Теософского общества; первый известный западный деятель, перешедший в буддизм. Способствовал возрождению буддизма на Шри-Ланке, в Индии и других странах Востока; за свои заслуги перед индуизмом был принят в касту брахманов.

2 Мадурай — город в Тамил-Наду (Индия); главная достопримечательность этого города — храм трехгрудой богини Минакши, одной из супруг Шивы.

3 Бёртон, Ричард Френсис — см.: *Исповедь*, т. I, примеч. 4 на стр. 12—13; в период пребывания в Индии Бёртон тесно общался с местным населением, что дало ему возможность глубже проникнуть в индийскую культуру.

йогом. Он дал мне почитать Сабхапати Свами¹, чьи наставления на редкость ясны и точны, а метод — чрезвычайно практичен. Затем мой новообретенный друг свел меня со жрецами храма в Мадуре, и те допустили меня в некоторые тайные святилища; в одном из них я принес козу в жертву Бхавани.

Не стану отрицать, что буддизм начал раздражать меня. Эгоцентрическая психология индуизма пришлась мне больше по вкусу — что и не удивительно, учитывая ее сродство с основами мироощущения среднестатистического европейца. Само строение наших языков практически понуждает нас воспринимать мир подобным образом. Индуизм был привлекательнее и с этической точки зрения: его предписания, казалось, вели к какой-то цели. Буддизм же теперь отталкивал меня своим неприятием всякого действия и своими заверениями, что страдание присуще всякой вещи от природы. Индуизм, по крайней мере, признает, что существует и радость; единственная проблема — в том, что эта радость непостоянна. С точки зрения практической, опять-таки, буддизм хорошо подходил Алану, для которого единственной радостью было облегчение от постоянно мучивших его болей; что же до меня, то весь мир лежал у моих ног, и мне хотелось делать что-то определенное и наслаждаться всем, чем только можно, — пусть даже и превратностями фортуны. Приключение в Мадуре доставило мне огромное удовольствие. Я страшно гордился собой, что смог проникнуть в эти зловещие потайные святилища.

Впрочем, молодого чародея, колесящего по миру, Индия тоже отчасти разочаровала, хотя он и привык глубоко чтить ее философию и религию. Так, например, я остро ощущал деградацию женщины, подметавшей мою темную хижину в Мадуре: в свои тридцать она уже была уродливой каргой. Ничего подобного в Мексике, да и где бы то ни было еще, я не встречал, пока не забрел однажды в городские трущобы в Соединенных Штатах. Между тем, эта подметальщица когда-то, несомненно, жила в достатке и роскоши. Через отверстие в мочке ее уха можно было просунуть руку: в прошлом она явно носила тяжеленные серьги.

¹ Сабхапати Свами (1840 — не позднее 1902) — индийский мистик, поэт и йог.

От ее повадок меня бросало в дрожь. Она мела пол короткой метелкой, но не горбилась, а словно переламывалась пополам в поясице. Поначалу она напоминала мне сломанную палку, но потом я вспомнил собаку царицы из «Задига»¹: я заметил, что в пыли на полу за нею остаются две тоненькие бороздки, прочерченные обвислыми грудями, выпавшими из-под ворота.

Итак, я жил как Скиталец-в-Глуши, но с самого начала я позаботился о том, чтобы не прерывать связей со своим семейством — великими людьми прошлого. Я взял с собой издания Чосера, Шекспира и Браунинга на индийской бумаге, а также лучшие из существующих (хотя и не на индийской бумаге) издания «Аталанты в Калидоне», Шелли, Китса и «Разоблаченной каббалы»². Еще дома я заказал для всех этих томов пергаментные переплеты на завязках. Эту разновидность переплета заново ввел в оборот Уильям Моррис, чтобы его издания приобрели сходство со средневековыми. Я же воспользовался пергаментом как лучшим средством для защиты от стихий. Я возил эти тома с собой повсюду, и даже когда мой, с позволения сказать, водонепроницаемый рюкзак промокал насквозь, они оставались как новенькие.

В Тутикорине³ я с головой ушел в поэмы Браунинга — «Канун Рождества» и «День Пасхи». Я подверг их критике в свете своего опыта дхьяны и в итоге решил ответить на браунинговскую апологию христианства пародией на его стиль и названия. Свои поэмы я назвал «День Вознесения» и «Пятидесятница».

«День Вознесения» я написал в Мадуре 16 ноября, а «Пятидесятницу» — на следующий день; но мой первоначальный замысел между тем расширился. Некоторое время я еще дорабатывал обе поэмы, затем добавил к ним эссе «Берешит»⁴

1 «Задиг, или Судьба» (1747) — философская повесть Вольтера; об упомянутой собаке рассказчик говорит: «По едва приметным длинным бороздкам на песке между следами лап я определил, что это сука, у которой соски свисают до земли, из чего следует, что она недавно ошенилась» (пер. Н. Дмитриева).

2 «Аталанта в Калидоне» (1865) — стихотворная трагедия Э.Ч. Суинберна; «Разоблаченная каббала» — собрание каббалистических трактатов в пер. С.Л. Мазерса (см.: *Исповедь*, указ. соч., т. 1, стр. 238).

3 Тутикорин — портовый город в Тамил-Наду (Индия).

4 Рус. пер. см. в издании: Алистер Кроули. 777. *Каббала Алистера Кроули*, указ. соч.

(о котором позже) и, наконец, «Науку и буддизм» — сравнительный анализ того, чему я научился у Алана Беннета, и того, о чем писал Томас Генри Гексли. Из этих четырех произведений составилась сборник, позднее опубликованный под названием «Меч песни»¹.

1 Сборник «Меч песни» с подзаголовком «Именуемый среди христиан Книгой Зверя», впервые был опубликован в 1904 г. «Обществом распространения религиозной истины» (Лондон). Книга вышла тиражом 100 экземпляров и распродавалась по 10 шиллингов за экземпляр. П. Р. Стивенсен описывает это издание так: «[Книга] была отпечатана всего в пятистах экземплярах, инкварто, в две краски (красную и черную). Темно-синий переплет был украшен с передней стороны золотым квадратом, составленным из трех чисел "666". На задней стороне помещалось имя «Алистер Кроули», записанное еврейскими буквами, которые также были расположены в форме квадрата и в сумме своих числовых соответствий давали число 666. Основной текст книги (не считая введения) занимал сто девяносто четыре страницы, и шестьдесят две из них были отведены под поэмы "День Вознесения" и "Пятидесятница" — с колонтитулами, примечаниями на полях и некоторыми строками, выделенными красным цветом. Остальную часть книги, сто тридцать две страницы, занимали примечания к поэмам и приложения, посвященные в основном критическому анализу философии буддизма».

В сентябре 1904 г. в «Дэйли ньюс» была опубликована критическая рецензия Г. К. Честертон на это издание: «Мистер Алистер Кроули, по моему мнению, всегда был хорошим поэтом; правда, его «Душа Осириса», написанная в египетском духе, с художественной точки зрения превосходит эту высокопарную, как поэмы Браунинга, рапсодию в духе буддизма; но и последняя, несмотря на свою чрезвычайную претенциозность, весьма интересна. Однако главным в ней остается тот факт, что перед нами — сочинение человека, совершенно искренне убежденного в том, что буддизм лучше христианства.

Как мне представляется, свою поэму мистер Кроули начинает с пылким стремлением разъяснить читателям красоту буддийской философии; он немало знает о ней; он в нее верит. Но по мере того, как развивается его поэтическое повествование, в душе автора крепнет и набирает силу другое чувство — жгучая ненависть к христианству. <...> В сердце мистера Кроули обитает не только прекрасная страсть человека, исповедующего буддизм, но и нечто более сильное — страсть человека, отвергающего христианство. Однако своей книгой он лишь добавляет еще одно показание к бесчисленному множеству голосов, свидетельствующих о непреходящем очаровании и живучести этой веры. <...> Простой плотник ходил по городам и весям, никому не делая зла; затем богачи и скептики, саддукеи и почтенные старейшины внезапно накинулись на него толпой и пригвоздили к кресту, как отребье общества; а затем люди увидели, что он — бог. Доказательством того, что он — не простой человек, стало то, что он принял смерть. А доказательством того, что его религия — не просто гипотеза, служит то, что ее ненавидят.

Интерпретацию буддизма, которую предлагает мистер Кроули, я намереваюсь рассмотреть подробнее на следующей неделе, так как в сегодняшней колонке мне на это уже не хватит места».

Кроули откликнулся на эту рецензию памфлетом «Сын Ефремов», в названии которого содержится аллюзия на Пс. 77:9 («Сыны Ефремовы, вооруженные, стреляющие из луков, обратились назад в день брани»): «Основной аргумент нашего Автора в защиту христианской религии — то, что ее ненавидят. Дабы выставить меня свидетелем в пользу этой колоссальной энтимемы, он с нечеловеческой храбростью заявляет, что мой "Меч песни" начинается с попытки изложить суть буддизма, но затем, мало-помалу поддаваясь ненависти к христианству, я забываю о своей первоначальной задаче и под конец

попросту вападу в буйный бред. Возможно, моя книга и впрямь во многих отношениях сложна, но только мистериу Честертону могло прийти в голову, что ее легче будет понять, если прочесть задом наперед.

Любой читатель может без труда удостовериться, что выступление против христианства — настолько резкое и яростное, насколько то оказалось мне под силу, — приходится на первые двадцать девять страниц этой книги; оставшиеся же страницы, числом сто шестьдесят одна, занимают а) критика материализма; б) эссе по метафизике, направленное против адвайтизма; и в) попытка продемонстрировать тесные параллели между каноническим буддизмом и учением современных агностиков. Ни в одной из этих работ я не касаюсь христианства — разве что случайно и вскользь, если придется к слову. Теперь я с нетерпением жду от мистера Честертона нового учебника по истории Англии, в котором бы объяснялось, как боевой дух, проснувшийся в англичанах благодаря тибетской кампании, повлек за собой злосчастную войну с бурами — злосчастную, ибо отложение Трансвааля слишком ослабило нас и сделало легкой добычей для Вильгельма Завоевателя <... >

Но вернемся к самой энтимеме. [См. примеч. 1 на стр. 107 — *Примеч. перев.*] Достаточно одного соображения, чтобы выявить всю ее несостоятельность. Люди ненавидели самые разные вещи и до рождения Христа (если допустить, что он вообще существовал), и впоследствии. Рабство тоже вызывало ненависть. Станет ли наш Логик на этом основании заявлять о непреходящем очаровании и живучести рабства? И если кобра живет, следует ли из этого, что она безобидна? <... >

Что же до предполагаемого убийства Иисуса из Назарета, то меня оно не волнует. Более того, я сомневаюсь, что в своем подходе к вопросу смерти наш Fid[e]i Def[ensor] соберет много единомышленников. Все мы умрем. Или двое разбойников, которых те же самые люди «пригвоздили к кресту, как отребье общества» по обе стороны от Христа, — тоже Боги? Основывать религию на факте смерти, пусть даже и насильственной, — чем это лучше африканского фетишизма? Разве смерть — более убедительное доказательство, нежели жизнь? С таким же успехом мистер Честертон мог бы заявить, что не найдет в жизни счастья, пока его не повесят. <... >

Впрочем, ему, как и мне, прекрасно известно, что в этой стране найдутся тысячи таких, кто с радостью взирал бы, как он корчится в вечных муках — в этом состоянии, невозможном даже физиологически, — за то что он позволил себе назвать кое-кого «простым плотником», пусть даже и со всем почтением. По моему мнению, вешать следует именно таких христиан, а не мистера Честертона. <... >

Постскриптум. После выхода его статьи «Мистер Кроули и символы веры» я дал ему знать о своем намерении ответить. После этого атака захлебнулась, и о дальнейшей судьбе, постигшей мистера Честертона, мне неизвестно.

С полусловом в устах и на полувкивке,
Не склонив до конца головы,
Он внезапно и плавно исчез вдалеке...

...Ибо я был Буджумом, увы!»

Нелестные рецензии критиков, оскорбленных насмешками над христианством, последовали также в «Сент-Джеймс газетт» («Окрошка из дешевых богоульств, ловко приправленная метром и ритмом. Христианство-то выживет, а вот за репутацию автора мы не ручаемся») и в «Йоркшир пост»: «Так называемая поэзия мистера Кроули в любом случае несерьезна. По форме она разговорна, как «Легенды Инголдсби», а по содержанию или, точнее, по способу его выражения, определенно, хоть и безо всякой нужды, рассчитана на то, чтобы вызвать раздражение не только у христиан, к которым она обращена непосредственно, но и у любого глубоко мыслящего человека вообще, какую бы веру тот ни исповедовал <... > Впрочем, книга мистера Кроули свидетельствует

Одно из самых потрясающих зрелищ в Южной Индии — великий храм Шива-лингама¹. Я провел немало времени в его стенах, размышляя о тайне фаллического культа. Апологеты последнего обычно выстраивают свою линию защиты на отрицании самого факта поклонения лингаму. Они заявляют, и вполне корректно, что лингам — это всего лишь символ творящей духовной силы Всевышнего. Но, тем не менее, чистая правда и то, что бесплодные женщины ходят вокруг лингама кругами в надежде обрести плодовитость. В то время я охотно соглашался с упомянутой сублимирующей трактовкой, ибо еще не исцелился от раны Амфортаса — не избавился от стыда перед сексом. Инстинкт подсказывал мне, что Блейк был прав: «Похоть козла — слава Господня»². Но мне не хватало храбрости это признать. Все мое воспитание подчиняло мой разум той чудовищной, омерзительной идее, что приносит западному человеку столько бед и превращает жизнь в бесконечную распрю. Европейцы не способны взглянуть в лицо реальности:

о большой начитанности. И если тон и форма его сочинений не позволяют относиться к ним серьезно, то за это мистеру Кроули следует сказать спасибо только самому себе».

Тем не менее, рецензент из «Литерари гайд» отозвался об этом издании весьма благосклонно: «Меч песни» — шедевр ученой сатиры. В изысканной стихотворной форме здесь обсуждаются — и отменяются одна за другой — все философские системы. Вторая часть книги, написанная прозой, посвящена методологии исследования, которая позволяет перейти из неудовлетворительного состояния общего скептицизма к истинному знанию о духовных фактах вселенной, опирающемуся на серьезный научный метод.

Рецензировать книги мистера Кроули нелегко. Это один из самых блестящих современных авторов <...> О том, что он с успехом разрабатывает прекрасную и подлинную поэтическую жилу, подчас едва различимую среди грубой породы, нагляднее всего свидетельствуют его короткие стихотворения. Обладая верным поэтическим чутьем в сочетании с выдающейся эрудицией <...> мистер Кроули способен творить на века <...> Удачные тому примеры можно найти и в «Мече песни», однако у среднего читателя (на которого, мистер Кроули, впрочем, и не рассчитывает) этот сборник едва ли вызовет какое-то чувство, кроме полного недоумения. Здесь попадаются и оазисы исключительной красоты, напоминающие о том, как мастерски этот поэт умеет очаровать читателя, и забавные проблески самолюбования, окрашенные самоиронией; замысловатая неоднозначность комментариев подчас заставляет удивленно приподнять бровь <...> Что касается прозаической части книги, то в эссе «Наука и буддизм» встречаются весьма пронизательные наблюдения, но рассуждения из «Очерка об онтологии», надо признаться, ускользают от нашего понимания. Поэтический эпилог прекрасен и не вызывает ни малейших нареканий».

1 Имеется в виду храм Шивалая в составе комплекса Девипурам (Андхра-Прадеш, Индия).

2 Неточная цитата из «Пословиц ада» У. Блейка («Похоть козла — щедрость Господня»).

они не могут избавиться от своих животных страстей, но даже в те минуты, когда утоляют их, продолжают терзаться стыдом и страхом. Как показал Фрейд, этот губительный комплекс не только порождает большую часть общественных и семейных несчастий в Европе и Америке, но и вызывает у человека невроз. Муки уязвленной совести разрушают всю нашу жизнь, и это не преувеличение. Мы подавляли свои инстинкты так долго, что они переродились в гнойный нарыв.

Спору нет, индус — тоже раб своих суеверных понятий о грехе, причем даже в большей степени, чем многие из тех, кто считает себя христианами. И причина тому проста: он совершенно искренне и серьезно заботится о благе своей души. Однажды мне встретилась община, в которой не употребляли табак. Я предложил им — они отказались. Я подумал, что курить табак им запрещает религия, но, как выяснилось, ничего подобного. Однако религия и не предписывала им этого делать, а потому они попросту не видели смысла в курении. Тем не менее, отношение индусов ко греху, при всей своей абсурдности, выигрывает в сравнении с нашим: они хоть и боятся греха, но не испытывают перед ним того панического ужаса, который превращает нас в жертвы самых фантастических суеверий и извращений истины. Я убедился, что англосаксов, принадлежащих к среднему классу, практически невозможно убедить в том, что, с точки зрения любого нормального человека, известно каждому. Они спасаются яростным отрицанием. Им кажется, что как только они признают некоторые простейшие и очевидные факты, то сей же миг падут в бездонную яму скотства... хотя на самом деле они из нее и не вылезали.

Со временем я добрался до Мадраса — сонного, вязкого и провинциального. По дороге на борту парохода я познакомился с замечательным человеком по имени Гарри Лэм, который пригласил меня погостить у него в Калькутте. Это идеально вписалось в мои планы, и я взял билет на пароход «Дюпле». Разумнее было бы поехать поездом, но часть моего плана странствий по свету заключалась в том, чтобы намеренно ставить себя в неудобные — но всякий раз непременно

новые — обстоятельства. И этот французский пароходик не обманул моих ожиданий: приключение состоялось.

Из-за непогоды «Дюпле» опоздал на несколько дней, а когда, наконец, добрался до Мадраса, разыгралась такая буря, что он не смог войти в гавань. Пришлось взять лодку и добираться до парохода на веслах. Я был единственным пассажиром (своего слугу я рассчитал перед отъездом) и воспринял это как знак окончательного расставания с прошлым; через несколько абзацев читатель убедится, что я был прав.

Плавание оказалось прескверным: пароход провонял насквозь. И из машинного отделения, и с камбуза, и от команды воняло одинаково гадко. Буря не унималась. В устье Хугли¹ над морем стоял такой густой туман, что мы едва не натолкнулись на плавучий маяк (а надо заметить, что работники на этом маяке нередко бывают отрезаны от всего мира недель на пять, а то и больше). Но у нас был лоцман, а как только пароход начал подниматься по реке, погода исправилась.

Хугли славится как самая трудная и опасная на свете река для навигации, так что лоцманы на ней гребут деньги лопатой. Наш проводник пустил меня постоять с ним на мостике, и я лично убедился, что они не зря едят свой хлеб. Отмели на этой реке постоянно смещаются, и даже очертания русла меняются день ото дня: вода то размывает выступы, то наносит песок вдоль берегов. Поэтому приходится содержать большой штат работников, постоянно выверяющих судоходный маршрут и выставляющих по берегам новые указатели. Поправки в карту реки вносят ежедневно. Но при всем при этом русло остается узким и извилистым, так что путь нашего пароходика изрядно смахивал на след, который оставляют за собой на льду особо изощренные фигуристы.

Лэм встретил меня на пристани и отвез к себе. Он жил в большом доме с садом, окруженным стеной. Помимо меня, у него гостило еще трое приятелей, с одним из которых, Эдвардом Торнтоном, я быстро сошелся на почве общего интереса к философским спекуляциям.

Не успел я прожить у Лэма и трех дней, как произошел очередной занятный случай. Я от природы рассеян: в мозгу

¹ Хугли — река в Индии, один из притоков Ганга, впадающий в Бенгальский залив. Калькутта расположена на восточном берегу Хугли.

у меня постоянно крутятся какие-то мысли, не имеющие отношения к тому, чем я в данный момент занимаюсь. И большую часть времени я осознаю не столько то, что говорю или делаю, сколько то, о чем размышляю. И вот однажды за ужином я, как обычно, думал о чем-то своем, а остальные увлеченно беседовали о том, как нелепо мыслят туземцы и какие дурацкие идеи они могут вбить себе в голову. «Очнулся» я от того, что один из собеседников привел пример этому тезису: оказывается, мое прибытие сильно взволновало слуг, потому что я, дескать, сумел попасть в святилище в Мадуреае и принес там в жертву козу. До этого момента я не рассказывал своим новым друзьям о том, что интересуюсь магией и религией, и они были потрясены до глубины души, когда я заверил их, что это чистая правда. Непонятно, однако, каким образом слухи о моих мадурайских приключениях дошли до Калькутты: ведь с последним своим спутником, который мог поведать здешним слугам эту историю, я расстался еще в Мадрасе.

Тут разговор свернул на загадку «туземного телеграфа». Общеизвестно, что свежайшие — и самые точные — новости можно услышать на базаре куда раньше, чем о них сообщат в газетах. И объяснить это обычной передачей слухов из уст в уста невозможно. Например, о гибели одного офицера в пограничной стычке в какой-то дикой местности, отделенной от Индии широкой полосой необитаемых земель, в Бомбее узнали еще раньше, чем известие о том донес полевой телеграф.

Но я был уже достаточно сведущ в практической магии, чтобы представить себе, как это происходит. Однажды я готовился к ритуалу, в котором нужно было использовать определенные слова; я этих слов не знал, но отправился в астральном теле к одному Брату Ордена, обладавшему нужными сведениями и жившему за восемь тысяч миль, — и получил необходимую информацию тотчас же.

В Калькутте я первым делом принялся учить хиндустани и балти, чтобы справиться с задачами переводчика в будущей экспедиции на Чогори. Балти мне не давался, так что пришлось ограничиться основами грамматики. К счастью, мы обошлись без него; но найти мунши¹, согласившегося обучать

¹ Мунши (араб.) — писец, секретарь; в Британской Индии — учитель языков (преимущественно восточных).

меня хиндустанци, оказалось несложно, и большую часть времени я посвящал освоению этого языка.

Вскоре «туземный телеграф» снова дал о себе знать. Каким-то образом мой мунши забрал себе в голову, что я — чародей. Это было очень странно: с того дня, как я высадился на Цейлоне, я практически не занимался магией и ни с кем о ней не говорил. О том, насколько основательно я забросил магию, свидетельствует «Меч песни». Я не утратил веры в ее эффективность, но относился к ней примерно так же, как к скалолазанию. У меня не было ни малейших сомнений в том, что я — лучший альпинист своего поколения; но надеяться на то, что мои таланты в этой области помогут покорить Чогори, было бы так же нелепо, как полагать, что мастерство игры на бильярде поможет мне понять Достоевского. И точно так же (говорил я себе) все мои магические достижения не имеют никакого отношения к успеху в духовных поисках. Разумеется, я ошибался. Я попросту еще не понимал всех возможностей магии. Я не отдавал себе отчета, что магия — это практическая сторона духовного развития. И, в конечном счете, магия принесла мне куда больше пользы, чем мистицизм; но об этом позже.

Итак, мой мунши знал обо мне больше, чем было возможно, и я предположил, что у него имеется какой-то секретный источник сведений. В его отношении ко мне чувствовалось не просто раболепие, свойственное сынам побежденного народа, а какая-то детская робость дикаря перед лицом непостижимого всемогущества. Пустив в ход все искусства придворного, чтобы снискать мое расположение, он, в конце концов, набрался храбрости и попросил меня убить его тетку. К стыду своему, я не сдержался и покатился со смеху. Не помню, каким чудом мне удалось не потерять лицо; но, так или иначе, я мягко объяснил, что убиваю незнакомцев только при особых обстоятельствах, понять которые непосвященному не дано. Мне до сих пор смешно вспоминать, с какой стыдливой застенчивостью мой мунши изложил свою просьбу и с каким мучительным смирением принял отказ. Между тем, ему хватило смелости (через неделю или чуть позже) попросить меня смягчить сердца экзаменаторов, перед которыми должен был предстать его брат, чаявший степени бакалавра искусств. Я снова ответил

отказом, и тогда он попросил предсказать результат. Я сказал, что его брат провалит экзамен; так оно и вышло. На ясновидение я не претендую: я исходил из тех соображений, что мой мунши и сам не верил в интеллектуальные способности своего брата, раз уж попросил меня о магической помощи.

В перерывах между занятиями я ходил на скачки. В Англии я ни разу не бывал на лошадиных бегах: я не могу заставить себя симулировать интерес к игре, правил которой я не знаю. А скачки — это, в сущности, игра без правил, как и все развлечения, превращенные в источник прибыли. Но в Калькутте проще было ходить вместе со всеми, чем держаться в стороне. Воспользовавшись случаем, я решил проверить свои теории. В один прекрасный день в Калькутту привезли знаменитую лошадь. Все принялись ставить на нее, а она проигрывала забег за забегом. Я дождался, пока все в ней разочаруются, поставил на нее в одном важном забеге — и выиграл. Просто нужно понимать психологию мошенников: они нарочно придерживали фаворита, пока не увидели, что выгоднее будет дать ему победить.

Не сказать, чтобы звон рупий в кармане доставил мне большое удовольствие. Циничное отвращение, которое пробудилось во мне от этого очередного доказательства человеческой порочности, изрядно меня опечалило, и то, что я сумел перехитрить этих жуликов, ничуть не спасало дела. Я любил род людской; я мечтал о том, чтобы каждый человек воодушевленно стремился к идеалу. И все разочарования лишь укрепляли во мне уверенность, что единственное стоящее дело в этом мире — спасти человечество из бездны его невежественной бездушности. Но я все еще оставался наивным до идиотизма. Я не осознавал истинных мотивов человеческого поведения; я не имел понятия о первопричинах людских поступков. Их слепое скотство было для меня загадкой, и настолько отвратительной, что мне не хватало духу хотя бы начать анализировать ее всерьез.

Между тем Алан Беннет решился, наконец, облачиться в желтые одежды — не на Цейлоне, где сангха выродилась настолько, что при всяком столкновении с нею искренность его намерений давала течь, а в Бирме, где бхикку, по крайней мере, хранили верность заветам Будды и вели добродетельную

жизнь, свидетельствовавшую о твердости в вере. Алан отправился в Акьяб, что на западном побережье Бирмы, и поселился в монастыре под названием «Ламма Сайядав Кёунг». Я подумал, что смогу заглянуть к нему ненадолго и совместить этот братский визит с приключением, а именно, с переходом через Араканские горы, которые образуют водораздел между долиной Иравади и морем. Формально это путешествие очень короткое, но считается таким опасным, что до меня его удалось совершить лишь нескольким храбрецам. При этом почти всех своих спутников они оставляли гнить в горах, да и сами отправлялись на тот свет через день-другой после перехода. Подобные опасности всегда влекли меня. Вероятно, причиной тому — врожденный мазохизм, принявший такую форму под влиянием Пейли Гарднера с его «Рассказами путешественников»¹.

В этом походе ко мне решил присоединиться Эдвард Торнтон. Двадцать первого января мы отплыли в Рангун. С самого дня прибытия в Калькутту меня время от времени мучили приступы малярии. Я прочитал дойссеновское изложение веданты² и нашел его совершенно неудовлетворительным. Между тем веданта — это изысканный цветок индуистской религии и единственное решение проблем, порожденных Ведами с их примитивным анимизмом. «И это — лучшее, что может предложить индуизм?» — озадачился я. Сам того не осознавая, я уже тянулся обратно к буддизму, и за моим желанием опять увидеться с Аланом, несомненно, стояла именно эта дилемма, а не какие-то дружеские чувства. О моем душевном состоянии — смутном, но неистовом — свидетельствуют записи в дневнике:

13 января. Рано утром — прогулка, глубокая медитация. Развилась какая-то извращенная манихейская идея: Природа как злобная и роковая сила, формирующая

1 Имеется в виду книга Роберта Хэя Коутса (1873—1956) «Рассказы путешественников о Шотландии», опубликованная издательством «Пейсли», которое принадлежало Александру Гарднеру. Кроули неточно воспроизводит название издательства и путает его с именем владельца; кроме того, эта книга была опубликована значительно позже описываемых событий — в 1913 году.

2 Пауль Дойссен (1845—1919) — немецкий ученый-ориенталист; имеется в виду его труд «Система веданты» (1883).

в самой себе (бессознательно) самоубийственную волю, которую мы называем Буддой или Христом.

15 января. Это ошибка — полагать, что Абсолют непременно должен быть Всеблагим. Не существует никакого Разума, направляющего закон; есть только путь наименьшего сопротивления, по которому и движется все сущее. Он настолько эгоистичен, что ему не хватает ума даже предотвратить появление Будды; и, таким образом, он гибнет от собственного эгоизма. Нельзя назвать Природу злой; точным словом для нее будет «роковая», поскольку Неизбежность предполагает тупость, и эта самая тупость и есть основное свойство Природы.

Река Рангун¹ произвела на меня огромное впечатление, одно из самых глубоких за всю мою жизнь. Она мне напомнила Неву, хотя город на ее берегу не идет ни в какое сравнение с Петроградом. Но и здесь точно так же поражает воображение широта потока, гораздо более бурного и стремительного, чем можно ожидать от реки, бегущей по бескрайним равнинам; всё это наводит на мысли о некой бесплодной и бездушной страсти, расцветшей в дикой глуши, и почему-то кажется непристойно противоестественным. Неистовая мощь инстинктивно ассоциируется со стремлением к какой-то определенной цели, а когда видишь, что такая грандиозная сила тратится впустую, невольно вспоминаешь самую суть человеческой трагедии — равнодушие природы ко всем нашим попыткам собрать плоды своих трудов. Нужно быть философом, чтобы выдержать мысль о бесполезной растрате сил; и недостаточно быть всего лишь философом, чтобы искренне восхищаться всей этой расточительной роскошью вселенной.

Главное сокровище Рангуна — это, разумеется, пагода Шведагон, исполинская, покрытая позолотой и, как ни странно, вызывающая раздражение (по той же самой причине, что и река). Но она помогает понять душу Азии. Ступу окружает огромный кольцевой помост, а вокруг него теснятся бесчисленные лавчонки, извлекающие прибыль из благочестия

¹ Рангун — старое название реки Янгон, на берегу которой стоит одноименный город.

и битком набитые паломниками, попрошайками и уродцами. Сюда стекаются нищие, больные и калеки со всей страны: считается, что подавание им приумножает «духовные заслуги», которые защищают от перерождения в неблагоприятных условиях. Вообще говоря, среди буддистов добрые дела всегда совершаются с какой-то подобной целью. Например, бесплодная богачка может позолотить старую пагоду или построить новую в надежде, что это поможет ей зачать дитя.

Механизмы, посредством которых могла бы действовать магия такого рода, не вполне ясны. В каноническом буддизме нет и речи о том, чтобы смягчать подношениями какое-нибудь оскорбленное божество, так что вполне вероятно, что этот обычай сохранился со времен добуддийского фетишизма. В повседневной жизни можно обнаружить бесчисленные пережитки древней демонологии. В своих попытках искоренить распространенные суеверия буддизм преуспел ничуть не более, чем христианство или ислам. Факт остается фактом: инстинкты невежественного народа неизменно находят выражение в той или иной разновидности колдовства. И что бы ни старались внушить нам метафизики или моралисты, животное в нас все так же цепко держится за свои подсознательные убеждения.

В тени пагоды я заметил мальчика лет четырнадцати, лежавшего на носилках. Он страдал гидроцефалией: огромная голова с чудовищно пустыми глазами венчала тощее, иссохшее тельце, слишком слабое, чтобы удержать такую тяжесть. В этом мальчике я усмотрел живой символ вселенной в понимании Будды. Бессмысленное страдание наглядно свидетельствовало, что у природы нет ни цели, ни жалости. И один-единственный тому пример уже был достаточным доказательством. Глядя на этого ребенка, я начал понимать, что все силлогизмы с оптимистическими выводами суть энтимемы¹. Любая телеология опирается на какое-нибудь ошибочное обобщение, сделанное на основе лишь нескольких избранных явлений. Этот мальчик поразил меня больше, чем пагода. Первый был жертвой злощастной судьбы, вторая считалась кульминацией колоссальных человеческих усилий. Но и тот, и другая — не более чем преходящие и самые обычные игрушки времени. Я вернулся

¹ Энтимема — здесь: «риторический» силлогизм, служащий лишь для убеждения, но не для строгого доказательства.

в Рангун, основательно проникшись тем же прозрением, которое помогло Будде постичь значение вселенной.

С тех пор, как я покинул Цейлон, меня почти безостановочно трепала малярия. В Рангуне лихорадка приняла перемежающуюся форму, так что я жил на одном хинине и шампанском со льдом. Я пришел в такое состояние, в котором уже и не пытался выздороветь по-настоящему: только влачил растительное существование, не желая даже умереть. Я начал понимать психологию Алана. При этом разум мой обрел неестественную ясность, очистившись от скверны желаний. Ничто на свете не стоило того, чтобы этого хотеть; я даже не жаловался на страдания. Это состояние ума оказалось полезным опытом. Нечто подобное можно вызвать искусственно, держа пост.

Выздоровел я совершенно неожиданно; осталось только общее истощение. Я чувствовал себя вполне нормально, не считая необыкновенной слабости. Малярия тем и любопытна, что как будто выпивает из человека всю жизненную силу, но зато придает удивительную выносливость в исполнении повседневных дел. Стоит только решить про себя, что хуже уже быть не может, как мышцы освобождаются от запрета на переутомление, словно при кокаиновой анестезии. Однажды я прошел тридцать пять миль по нестерпимой жаре, через непролазные джунгли, таща на себе тяжеленную винтовку, — и это при том, что у меня не было сил даже проглотить завтрак. Приучаешься жить на уровне инвалидности. У большинства европейцев, привыкших к джунглям, развивается такой же подход: они безучастно тянут лямку день за днем, год за годом. У них не остается ни разочарований, ни амбиций.

Припоминаю, как на Цейлоне мы гостили у одного лесничего. На обед — вечная и неизменная курятина с консервированными гарнирами; как ни приготовь — на вкус все одно и то же. Говорить с хозяином дома было решительно не о чем; чтобы развлечь нас, он заводил видавший виды граммофон, потому что именно так привык скрашивать собственные одинокие вечера еще со времен изобретения этого инструмента. Он был уже в летах и мог бы выйти на пенсию еще двумя годами раньше, но не сделал этого, потому что потерял всякий интерес к жизни. Что толку возвращаться в Англию? Его там никто не ждал; у него не было ни друзей, ни семьи, ни будущего.

Он стал частью джунглей. И в подобных обстоятельствах такая участь постигает всех, кроме самых умных и энергичных представителей рода человеческого. Почти все по-детски цепляются за юбки цивилизации, каждый день продолжая переодеваться к постылому обеду, как им от этого ни тошно; но все эти церемонии превращаются в пустую, бессмысленную формальность. Не в силах добиться ответа от сфинкса окружающей природы, они и сами обращаются в камень пред его каменным безмолвием, но не могут приобщиться к его величию, ибо камень, которым они стали, не имеет ни формы, ни души.

Для перехода через Араканские горы в Акьяб мы запаслись рекомендательными письмами от местных властей. Одно из них, адресованное главному лесничему области, содержало просьбу о том, чтобы он снабдил нас слонами. Мы наняли слугу, парня из Мадраса; звали его Питером. В Индии слугу при найме первым делом спрашивают о вероисповедании. Питер позабавил нас, заявив, что он — «свободный человек и католик». Кроме подписчиков, получающих журналы миссионерских обществ, все прекрасно знают, что такое «туземный христианин». Местные жители очень терпимы к жуликам, но если кому-то удастся переполнить чашу их терпения и восстановить против себя всех родных, друзей и соседей, то у такого законченного негодяя есть один выход: он может порвать все связи с близкими и «обрести Иисуса». Таким образом, принадлежность туземца к христианской вере — это клеймо несправимого подлеца. Мы нипочем бы не наняли христианина, если бы только нашелся кто-то другой, кто говорил бы и по-английски, и на хиндустани. Немыслимое крохоборство, которое Питер выказывал в своих бесконечных кражах, открыло для меня новые горизонты человеческого падения. И этой мелочности сопутствовала такая трусость, что я, наконец, понял, почему на смертном одре каждый «туземный христианин» призывает служителя своей первоначальной религии.

25 января мы выехали из Рангуна в Пром, а там сразу же сели на паром «Амхерст». Через пять часов, в самый разгар дня, он доставил нас в Таемьо; благодаря великолепным видам

на окрестности и, пожалуй, в еще большей степени — искусству капитана путешествие прошло весьма приятно. В Таемью мы наняли три повозки с волами и на следующее утро отправились в путь; проехав со всеми удобствами десять миль, мы перекусили в Натхе, а после ланча двинулись дальше, в направлении на Кьяукпью.

На следующий день путешествие продолжилось; я почти все время шел пешком и подстрелил по дороге нескольких куропаток и голубей, которыми мы пообедали в Ле-Жунге (это бунгало, а не деревня). После обеда мы добрались до Йегьянзина, где встретили Карра — главного лесничего области — и его помощника, Хопвуда. К сожалению, лишних слонов для нас не нашлось, но Карр заверил меня, что мы без труда раздобудем и проводников, и пони, если те нам потребуются. Объединенными усилиями мы устроили замечательный ужин. Только тогда и понимаешь, насколько на самом деле милы англичане, когда встречаешь их в каком-нибудь захолустье. Наутро мы снова пустились в путь и в половину третьего пополудни прибыли в Миндон. Дорога совершенно испортилась, и езда в повозках без рессор превратилась в пытку. После двух-трех ухабов мы даже договорились по очереди поглядывать на дорогу и предупреждать, если впереди покажется особенно неприятная рытвина, но, несмотря на все предосторожности, в одну из своих смен я сплеховал. Заметив, что дорога немного выровнялась и на протяжении ближайших двухсот ярдов нам ничего не грозит, я отвлекся раскурить трубку. И в этот самый момент, без единого предупреждения, возчик внезапно свернул на рисовое поле, над которым дорога возвышалась по меньшей мере на три фута, и нас встряхнуло так, как еще никогда в жизни. Но самые большие неприятности нам доставили последние семь миль, на протяжении которых не было ни тени, ни укрытия, и чтобы облегчиться, нужно было пройти немалое расстояние.

По прибытии в Миндон мы вызвали старосту и велели ему набрать людей для путешествия в Кьяукпью. По всей видимости, он полагал, что это будет нелегко, и выказал неудовольствие нашими приказами, но все же отправился их исполнять, а между тем послал шикари¹ обойти деревню и раздобыть для

¹ Шикари (хинди) — «охотник».

нас на завтра буйвола. Соответственно, мы выступили в путь на следующий день в шесть сорок пять утра.

Вскоре начало припекать, а двустволка калибра 0,577 — не из тех игрушек, которые приятно тащить на своем горбу пятнадцать миль кряду. Но на деле я, должно быть, прошел не пятнадцать, а все двадцать миль, так как шагал восемь часов подряд почти без отдыха. Дорога то поднималась в гору, то шла под уклон; буйвол оказался диковат и все время артачился, и, вдобавок, за целый день по дороге не попалось никакой приличной дичи, не считая нескольких мелких птиц, которых я подстрелил на ужин. После полудня мы все вместе решили искупаться в восхитительном озере прямо под холмом, на вершине которого стояло бунгало. Я прихватил с собой винтовку, уже примериваясь к большой водяной птице, которую мы заметили еще издали. Такие птицы ценятся за красивый хохолок. Я выстрелил, но не попал, и птица улетела. Тогда я передал винтовку сопровождавшему нас бирманскому мальчишке и пошел купаться. Как только я вылез из воды, бесстыжее пернатое вернулось. Я торопливо показал мальчишке знаками, чтобы он вернул мне винтовку, и в одном только пробковом шлеме и полотенце на бедрах начал подкрадываться к добыче по мелководью. Полагаю, это было препотешное зрелище. Торнтон потом сказал, что не смеялся так уже много лет, и даже эта чертова птица, похоже, покатила со смеху, но я смеялся последним: через десять минут невероятных мучений я, наконец, подобрался к ней на расстояние выстрела и положил конец ее земному пути. Вечером мы попробовали жареных попугаев, но лучше бы мы этого не делали. Правда, мне говорили, что пирог с попугаятиной недурен на вкус, но поскольку теперь я точно знаю, что терпеть не могу попугаев, тем лучше для остальных — им достанется больше.

На следующий день я, естественно, проснулся разбитым, но ко второй половине дня достаточно окреп, чтобы немного пройтись. Потом мне приспичило показать Торнтону прекрасный вид на холм и реку, который я обнаружил на обратном пути к повозкам. Торнтон, как обычно, прихватил с собой блокнот для набросков и кукри¹; я недоумевал, зачем он постоянно таскает с собой нож, но знай я в тот день, какое

1 Кукри — изогнутый нож, национальное оружие непальских гуркхов.

приключение нас ожидает, я бы и спрашивать не стал. У вершины холма на меня опять навалилась слабость; я присел отдохнуть и показал Торнтону едва заметную тропку, сбегавшую к подножию. Вскоре он скрылся из виду и не возвращался так долго, что я уже собрался было на поиски, но тут как раз услышал его оклик, а через пару минут уже и увидел его самого. Он держал кукри в руке, и я с удивлением заметил, что клинок покрыт кровью. «Так я и знал, что в один прекрасный день ты упадешь на этот ножик, — сказал я. — Ну, и как же ты умудрился порезаться?» Торнтон объяснил, что кровь принадлежит не ему, а животному, с которым они столкнулись на тропе; он ударил зверя в голову, и тот скатился по крутому склону к реке. Из его рассказа я не понял, какого рода это было животное, но, изучив следы, пришел к выводу, что они принадлежали почти взрослому леопарду. За тушей мы не пошли, хотя зверь наверняка был смертельно ранен, — иначе Торнтон бы так легко не отделался.

Миндонский староста не дал нам кули для перехода через Араканские горы, заявив, что там никто никогда не бывал, что это очень опасно, что все, кому хватало глупости туда сунуться, погибали страшной смертью, и так далее. Однако он предложил выделить нам провожатых на двадцать миль, добавив, что по дороге мы, без сомнения, найдем других кули. Я, со своей стороны, в этом усомнился; и, взвесив все за и против, мы решили, что лучше отказаться от первоначального замысла и вернуться к Иравади по Миндон-Чонг. Соответственно, мы наняли лодку-долбленку длиной футов в тридцать пять и шириной на двоих, с обычным навесом в центре. На следующее утро мы пустились вниз по притоку, наслаждаясь восхитительными пейзажами и радушием туземцев. Все поселения в этой части страны укреплены изгородями из заостренных бамбуковых палок. Путешествие вниз по реке оказалось исключительно приятным, и дичи здесь было хоть отбавляй — все что душе угодно, от бекасов до цапель. Можно был день-деньской сидеть на корме и знай себе постреливать. Наши бирманские мальчишки состязались с коршунами, кто быстрее принесет добычу. А коршуны, похоже, догадывались, что по ним стрелять никто не собирается. Ближе к вечеру у меня случился очередной приступ малярии, но тут рассказывать не о чем. На ночь мы

причалили в Сакаде. Гостиниц поблизости не было, а ночевать в бирманской деревне без крайней необходимости не стоит. Но, тем не менее, —

*Под пальмою, под пагодой волшебной, в ясном свете
Звезд, что сияли ярче солнц, поэтами воспетых,
Лежал я на груди лесов, вздымавшейся печально,
Под колдовскою пагодой, под пальмой.*

*Заклятия шепча, лучи души направив к цели,
Жезлом, мерцавшим белизной, чертя узоры,
Я духов той земли призвал из древней колыбели.*

*Жена, чья плоть — багрец, волосы — резное древо!
Отрада духа в недрах тьмы, услада взора!
Мгновение — и вновь земли сомкнулось чрево,
И только лес шумит, и снова я лежу, объят тоской
Под пагодой, под пальмой колдовской!*

Это стихотворение вдохновлено реальным опытом. Из-за постоянных приступов лихорадки у меня обострилась духовная восприимчивость. Джунгли говорили со мной о мире, лежащем за пределами материального. Я чувствовал, что все явления, от ряби на воде до благоухания цветов, суть слова языка, на котором духи природы обращаются к нашим чувствам. Той ночью мы расположились на отдых под тиковым деревом. Лежа без сна, я восторженно созерцал его изящество и мощь, и вдруг очутился в объятиях ната² — стихийного духа этого дерева. То была женщина, могучая и пылкая, исполненная такой чудесной страсти и чистоты, что и до сих пор, после стольких лет, я вспоминаю ее куда отчетливее, чем иных своих смертных возлюбленных. Бессонная ночь прошла в непрерывном экстазе любви.

Зимой в ранние утренние часы в этой местности очень холодно, а над рекой сгущается — и держится еще долго после

¹ Стихотворение из сборника Кроули «Ахав и другие стихотворения», впервые опубликованного в 1903 году.

² Наты — в бирманском фольклоре природные духи, связанные с деревьями, источниками и т.д.

восхода солнца — слой густого белого тумана высотой в несколько футов.

На следующий день я старался двигаться как можно меньше: от этих назойливых приступов лихорадки у меня расстроился желудок. В сумерках к реке подошли напиться двое оленей. Для стрельбы уже было темновато; олени почти сливались с окружающей листвой. Но мои спутники очень аккуратно и тихо придержали лодку, и я все-таки выстрелил. Результат превзошел ожидания: я угодил точно в цель, и один из оленей упал как подкошенный. Нет нужды пояснять, что поужинали мы превосходно. Ночь провели в Сингоне. Весь этот и следующий день среди джунглей то там, то сям полыхали очаги пожаров. На рассвете мы продолжили путь, и я опять начал стрелять по птицам. В первый день плавания я несколько раз промахнулся по утке-пеганке, и теперь мне не терпелось восстановить свою охотничью репутацию. И вот, еще ранним утром, я заприметил добычу и выстрелил, но птица лишь презрительно взмахнула крыльями и перелетела ярдов на сто ниже по течению. Мы подплыли ближе, я выстрелил снова, но злобредная утка снова перелетела на другое место. Тогда я сошел на берег, подкрался к ней сзади по большой дуге и выстрелил ярдов с десяти. Птица возмущенно оглянулась, снялась с места и медленно полетела вниз по реке. Я был возмущен не меньше; но, стоило мне вернуться в лодку, как моя мишень перехитрила сама себя: описав широкий круг, она вернулась, и я, наконец, снял ее на лету прямо у нас над головами. Тушка шлепнулась в воду. Оперение у этих птиц такое плотное, что не имеет смысла стрелять, пока они не раскроют грудь, — разве что по чистой случайности пуля угодит в голову. Но я заметил, что, если спугнуть их, они всегда перелетают вниз по течению, и с тех пор, когда по пути нам попадались пеганки, я просто заходил по берегу вперед, а двое наших мальчишек гнали их на меня. Этот способ не давал сбоев, и я с лихвой отыгрался за свои предыдущие поражения. Заночевали мы в Тун-Мьёнге.

Прекрасно проведя ночь, наутро мы снова пустились в путь и вскоре добрались до Камы на берегу Иравади. Оттуда паром доставил нас обратно в Пром, где мы переночевали, а на следующий день отправились осмотреть пагоду. Торнтон сделал несколько зарисовок, а я сочинил парочку буддийских стихов.

Вечером мы выехали в Рангун, затем целый день просто гуляли по городу, а в понедельник, наконец, рассчитали Питера. Всю дорогу я выдавал ему деньги на покупки крупными суммами, как он и просил, а теперь потребовал предоставить полный отчет о расходах. Питер насчитал, что мы задолжали ему тридцать семь рупий. Я просмотрел отчет и внес кое-какие незначительные поправки, в результате чего — с учетом заработной платы — мы оказались должны ему две рупии и четыре анны. Питер вознегодовал и стал грозиться, что нажалуется на нас всем, кому только можно, — от губернатора провинции до хозяина гостиницы. Полагаю, я потряс его до глубины души, заявив, что во всех остальных отношениях он выказал себя отличным слугой и что я собирался дать ему сверх заработанного бутылку шампанского и три банки консервов — и непременно дал бы, если бы он их сам уже не украл. По-видимому, его поразило, что я заметил кражу. Следует пояснить, как это вышло. Накануне отъезда из Рангуна я вручил Питеру список всех припасов и велел всякий раз, как он будет что-то брать оттуда, приносить список мне и я буду вычеркивать соответствующие пункты. На второй день путешествия список потерялся; разумеется, Питер заявил, что это я его не вернул. Но у меня был дубликат, о существовании которого он не подозревал.

Вечером на меня снова напала лихорадка, и я обнаружил, что не могу проглотить ни кусочка. Я послал за местным лекарем, тот дал мне шампанского со льдом, и на следующий день я уже чувствовал себя вполне прилично. Торнтон между тем отправился в Мадалай. Я очень огорчился, что не смог составить ему компанию, но время поджимало: Эккенштейн со дня на день мог вызвать меня в Кашмир.

12 февраля я сел на пароход «Комилла» и направился в Акьяб, где теперь жил Алан. Морской воздух пошел мне на пользу: всю слабость как рукой сняло. 13-го мы покинули Сандавей, который показался мне неинтересным, а на следующий день дошли до Кьяукпью, куда я тщетно пытался добраться посуху. Тамошний залив и пляж просто восхитительны, а местность в целом напоминает острова Южных морей, но это — настоящий рассадник малярии. Сойти на берег мы не успели: капитан хотел еще дотемна попасть в Акьяб. Мы пронеслись через

проливы полным ходом и бросили якорь в пункте назначения около восьми часов вечера.

Я сошел на берег со вторым помощником капитана и со своим обычным легкомыслием отправился на поиски Алана, не дожидаясь утра. Задача решилась куда проще, чем я думал. Первый же человек, к которому я обратился, приветствовал меня как давно не виданного брата и на собственной повозке довез до монастыря (который назывался «Ламма Сайядав Кёунг»), где я и нашел Алана. Я впервые увидел его в монашеском облачении, из-за которого он теперь казался настоящим великаном по сравнению с миниатюрными бирманцами, но в остальном почти не изменился. Былая кротость и доброта его не покинули.

Рассказывая о Цейлоне, я забыл упомянуть замечательную историю о встрече Алана с крайтом¹. Однажды он отправился на прогулку, вооруженный одним только зонтиком, и наткнулся на крайта, который грелся на солнышке посреди дороги. Любой другой на его месте либо убил бы змею зонтиком, либо поскорее обошел бы ее по обочине. Но Алан поступил иначе: он подошел к этой смертельно опасной маленькой рептилии и обрушил на нее целый град упреков. Он объяснил крайту, как эгоистично с его стороны было разлечься прямо на дороге, где кто-нибудь может на него случайно наступить. «А ведь я уверен, — добавил Алан, — что ты не так уж хорошо владеешь собой, и если тебя кто-нибудь потревожит, ты наверняка бросишься на обидчика раньше, чем успеешь одуматься. Не веришь — давай проверим!» — и с этими словами он наклонился и легонько ткнул в змею зонтиком. Крайт взвился в яростном броске, но, по счастью, пострадал только зонтик. Тем не менее, Алан был уязвлен до глубины души этой демонстрацией гнева и страсти и, обливаясь слезами (по крайней мере, внутренне), принялся увещевать змею, наказывая ей избегать гнева как самого пагубного недуга. Он разъяснил ей четыре благородные истины, рассказал о трех характеристиках, пяти заповедях и десяти оковах души, а напоследок потолковал о карме и о буддийской символике. Эта проповедь заняла минут десять, не меньше. Придя к выводу, что произвел на змею

¹ Крайт — ядовитая змея из семейства аспидовых.

должное впечатление, Алан любезно кивнул ей и со словами: «Доброго дня тебе, братец крайт!» — двинулся дальше.

Некоторые примут это происшествие за свидетельство бесстрашия, но в действительности его истоки следует искать в страдании. Свою проповедь змее Алан читал на полном серьезе, хотя, пожалуй, был куда лучшим ученым, нежели многие из тех чванливых молодых идиотов, что притязают в наши дни на это звание. Я только что противопоставил бесстрашие страданию, но в своей наивысшей форме два эти качества суть одно; это понимал даже Лжехристос, утверждавший, что «совершенная любовь изгоняет страх»¹.

Мне устроили постель на полу, и я прекрасно выспался. На следующее утро я вернулся на пароход позавтракать и попрощаться с капитаном, который был со мной чрезвычайно любезен. Затем я взял свой багаж и отправился к доктору Муну Тя Ну — местному врачу, который радушно принял меня и предложил разделить с ним кров на время моего пребывания в Акьябе.

Доктор Мун был главным лечащим врачом Алана и заботился о нем мудро и участливо. Вместе с Аланом мы вернулись в храм и начали обсуждать всякого рода вопросы, но поддерживать беседу без перерывов оказалось невозможно: мешала бесконечная череда посетителей, желавших засвидетельствовать свое почтение европейскому бхикку. Они падали к его стопам и приникали к ним с любовью и благоговением. Они приносили всевозможные подарки. Фактически, Алан оказался в роли паши Бейли Бена²:

Они несли ему пучки укропа,
Говяжьё колбасу и телескопы.

¹ I Ин. 4:18; Кроули ошибочно приписывает это изречение апостола Иоанна евангельскому Христу, которого считал не исторической личностью, а собирательным персонажем; ср. его утверждение из эссе «Евангелие от святого Бернарда Шоу»: «Большинство из тех, кто дал себе труд углубиться в основную проблему Библии, пришли к выводу, что Иисус Христос — это просто-напросто удобное титулование, своего рода вешалка, на которую можно пристраивать изречения и поступки самых разных людей. Он играет ту же самую роль, которую Зороастру отвели по отношению к «Халдейским оракулам», Давиду — по отношению к тому собранию древнееврейских песнопений, которые мы называем псалмами, а также, возможно, Гомеру — по отношению к «Илиаде» и «Одиссее»».

² Паша Бейли Бен — герой одноименной комической баллады У.Ш. Гилберта (1836—1911), цитата из которой приводится ниже.

Так или иначе, дары были столь же разнообразны и почти столь же бесполезны. Во второй половине дня заглянул доктор и увел меня ужинать. Алан снова мучился от астмы, потому что у буддистов в обычае (*non sine causa*¹) ежедневно вставать и выходить из дому в шесть утра, а по утрам здесь очень холодно. Какая досада, что святость так трудно совместить со здоровым смыслом и гигиеной!

На следующий день Алан после завтрака пришел к доктору, чтобы хоть на время укрыться от почитателей, но некоторые все-таки проникали даже сюда и извлекали из складок своих просторных облачений яичницу, газеты, мармелад, бразильские орехи, бикарбонат калия и буддийские трактаты. Впрочем, большую часть дня мы относительно спокойно побеседовали о буддизме и о наших планах по его распространению в Европе. Следующие четыре дня прошли по такому же расписанию.

В Акьябе я написал «Ахава»², который вместе с несколькими другими стихотворениями был опубликован как своего рода

1 «Не без причины» (лат.).

2 «Ахав» — поэма Кроули, впервые опубликованная в 1903 году в Лондоне, в составе сборника «Ахав и другие стихотворения» (в который также вошли стихотворения «Рондель», «Бальзак», «Мелюзина» и «Сон»). Книга была отпечатана частным образом, тиражом 162 экземпляра, под псевдонимом «граф Владимир Сварев». В 1906 году сборник был переиздан «Обществом распространения религиозной истины».

Рецензент из «Манчестер гардиан» отмечал: «Мистер Кроули развил библейский сюжет, придав дикарскому образу Ахава некоторое благородство разума, бунтующего против тирании судьбы. В этом трагическом и мрачном монологе отразились, как в зеркале, особенности современного самосознания». Оформление книги вызвало у того же рецензента недовольство, поскольку Кроули выбрал для печати старинный шрифт, которым пользовался английский первопечатник Уильям Кэстон (1415/1422 — 1492): «Предыдущая работа мистера Алистера Кроули [«Тангейзер»] была весьма эксцентрична; в лучшем случае можно сказать, что он постарался не столько вселить в читателя уверенное понимание, сколько возбудить любопытство. Но, по-видимому, он счел это недостаточным и на сей раз возвел перед ценителями своей поэзии дополнительное препятствие, отпечатав книгу таким шрифтом, который неизбежно составит серьезную проблему для многих читателей».

Этот же недостаток отметил и критик из «Глазго геральд»: «Не удовлетвовавшись обычной для второстепенных поэтов опасностью остаться незамеченным, мистер Алистер Кроули выбрал для своих стихов самый причудливый шрифт (кажется, немецкий готический), который искушает даже добросовестнейшего из рецензентов при первом же взгляде на его книгу сделать вид, что она уже прочитана».

продолжение «Иезавели»¹. Кроме того я продолжал от случая к случаю работать над «Орфеем» и «Аргонавтами». Последние в действительности представляют собой не одну пьесу, а пять отдельных драм по греческому образцу. В них наглядно дают о себе знать плоды моих путешествий. Так, например, я пренебрег общеизвестной астрономической символикой Золотого руна² и ввел в сюжет многие индуистские представления о магии и философии. Описывая плавание аргонавтов, я изложил в стихах свои подлинные впечатления от Веракруса, пляжей Вайкики, Гонконга и других мест, взволновавших мое воображение.

Самое лучшее, что есть в третьей книге «Орфея», над которой я трудился в тот период, — это, пожалуй, «Призывание Гекаты»³, которое я продекламировал в Акьябе со всей силой магического намерения. Богиня явилась мне в облике Бхавани. Это укрепило во мне убежденность в сущностном тождестве всех религий. Синай и Олимп, гора Кайлас и гора Меру отличаются друг от друга не более, чем Дан-Бланш, Монте-Сильвио и Штейнбокхорн. Последние три суть одна и та же гора, наблюдаемая с разных сторон и получившая разные имена у разных народов. Под влиянием этого опыта я вернулся к изучению каббалы, которая стремится свести все возможные идеи к сочетаниям немногочисленных первоидей, то есть, фактически, первых десяти чисел; а эти десять чисел, разумеется, тоже тесно взаимосвязаны.

В «Вестминстер ревью» в августе 1903 года появился следующий отзыв: «Ахав и другие стихотворения» мистера Алистера Кроули — роскошное издание, милое глазу того, кто привык к средневековым шрифтам, но остальных повергающее в недоумение. Лучшее стихотворение в этой книге — «Сон» <... > В «Мелюзине» мистер Кроули воспроизводит трюк с повтором метафоры, знакомый всем читателям мистера Суинберна, например:

«И, как дьявол морской, холодна,
И, как дьявол морской, бессердечна,
И, как дьявол морской, жестока».

<... > Поэма, давшая название сборнику и занимающая две трети книги, совершенно неудовлетворительна по содержанию, но с технической точки зрения превосходит остальные работы».

1 «Иезавель и другие трагические стихотворения» (1899) — ранний поэтический сборник Кроули; см.: *Исповедь*, указ. соч., т. 1, стр. 305.

2 Золотое руно из мифа об аргонавтах традиционно связывается с зодиакальным созвездием и знаком Овна.

3 Известно также под названием «Ода Гекате»; рус. пер. см. в издании: Алистер Кроули, *Видение и Голос*, указ. соч., стр. 70—71.

С самого начала я хотел использовать свой поэтический дар для сочинения магических инвокаций. Среди моих произведений можно найти немало гимнов различным богам и богиням, но в третьей книге «Орфея» я призываю Персефону непосредственно, вспоминая ее приключения. В четвертой книге «Орфея» эта идея получила развитие. Меня навел на нее Еврипид, «Вакханок» которого я купил в букинистической лавке в Сан-Франциско и перечитал на досуге. Первый раз я читал его в научных целях и попросту не понял, что вся эта пьеса — не что иное, как инвокация Диониса. Теперь же я начал понимать, что пересказ истории божества помогает отождествиться с ним и, следовательно, оказывается более возвышенным, мощным и целостным призыванием, чем любое прямое обращение. Я бы даже сказал, что сама форма обращения подразумевает осознание двойственности, а, значит, препятствует отождествлению.

Мои предпочтения объясняются тем, что я, главным образом, поэт лирический. Глубочайшая склонность моей натуры — стремление возвыситься при помощи, так сказать, непосредственного опьянения души. Поэтому Шелли и Суинберна я воспринимаю легче, чем Эсхила и Шекспира, которые опьяняют душу читателя, перенося его в страну чудес.

В воскресенье 23 февраля я взшел на борт парохода «С.С. Капуртхала», идущего в Калькутту. На следующий день мы бросили якорь у Читтагонга — места совершенно неинтересного. Сходить на берег я поленился. Спустя еще два дня мы прибыли в Калькутту. Получив там свою почту, я занялся подготовкой к большому походу. Уже было окончательно решено, что участники экспедиции соберутся в Равалпинди. Чтобы развеяться перед дальней дорогой, я съездил на один день в Содпур, поохотиться на бекасов, вместе с другом Торнтон, у которого я на сей раз остановился (Лэм уехал в Австралию).

Подробности, в которых я описал всю свою недолгую поездку из Индии в Бирму и обратно, взяты по большей части из рассказа, написанного тогда, когда эти события были еще свежи в моей памяти. Надеюсь, что они помогут читателю составить представление о повседневной рутине подобных путешествий и облечь плотью скелет повествования о моих последующих странствиях.

7 марта я направился в Бенарес, где повидал общеизвестные достопримечательности: храмы, йогов и танцовщиц. Ко всем этим вещам, которые всего несколько месяцев назад пробудили бы во мне восторг изумления, я теперь относился очень цинично и воротил от них нос. Казалось, у всего появился какой-то кислый привкус. После беседы с Аланом о буддизме и моих собственных медитаций я перестал поддаваться чарам. Всякое явление автоматически зачислялось в разряд иллюзий, которые тотчас превратятся в оковы души, если только дать им себя одурачить.

12 марта я добрался до Агры. В дневниках того периода обнаружилась интересная запись о Тадж-Махале:

Я повидал Тадж [-махал]. Дивный, прекрасный сон, населенный омерзительно злобными тварями. Пришлось даже использовать формулу Г. П. К. [Гарпократа]. Само здание быстро надоедает; аура слишком яркая, и отвращение берет верх над восхищением. Но в центральном зале аура очищена, как в магическом круге после изгнания.

Эстетическая оценка требует пересмотра. Я больше не считаю эту постройку красивой: замысел слишком изыскан для такого масштаба. Он подошел бы для гравюры двадцать на тридцать футов, но не для подобного колоссального сооружения.

Это напоминает мне загадку, с которой я столкнулся много лет спустя, в Вашингтоне. Я никак не мог понять, почему Обелиск¹ так чудовищно уродлив. «Как же этим американцам удалось испоганить такую идеально простую форму?» — спрашивал я себя. Наконец, я обратился с тем же вопросом к скульптору Полу Бартлетту², который разрешил мои затруднения просто и кратко: «Обелиск — это монолит»³.

1 Имеется в виду Монумент Вашингтона — гранитный обелиск высотой 169 м, памятник первому президенту США Джорджу Вашингтону.

2 Пол Вейланд Бартлетт (1865—1925) — американский скульптор, создатель многочисленных памятников деятелям истории и культуры и аллегорических статуй, автор скульптурной группы «Апофеоз Демократии», украшающий фронтон вашингтонского Капитолия.

3 Древнейшие египетские обелиски высечены из цельных каменных глыб, тогда как Монумент Вашингтона представляет собой полуколонну, увенчанную полой четырехгранной пирамидой.

Одно из главных качеств специалиста, изучившего свой предмет в совершенстве, — способность развеять самые сложные иллюзии, обратившись к основополагающим фактам. Припоминаю, как Фрэнк Харрис¹ однажды просветил меня насчет искусственного жемчуга. Производители последнего рекламируют свой товар так хитроумно, что обману поддаются даже лучшие знатоки. Но Фрэнк Харрис заявил: «Жемчужина — это камень». И все фантастические хитросплетения лжи рассыпались прахом!

Не могу не упомянуть об одном отвратительном бесчинстве, с которым я столкнулся в Агре. Какой-то одержимый похотью английский куратор потешил свои низменные инстинкты: он приказал замазать побелкой одну великолепную фреску во дворце, объявив ее «непристойной». Иными словами, этого несчастного снедало такое неутолимое вожделение, что любая картина, хоть отдаленно напоминавшая об акте размножения, сжимала его душу неистовым спазмом похоти. Но ученный им вандализм обернулся против него же. Прекрасная стена, которая по прихоти этого развратника стала пустой, как его собственная голова, теперь еще откровеннее напоминала о том, что скрывается под побелкой. И ему ничего не оставалось, как выбелить и остальные стены, чтобы сохранить художественное единообразие!

Пожалуй, это и впрямь был самый лучший выход: если вымарать из Шекспира все непристойности и очистить Библию от всех упоминаний о каких бы то ни было грехах, то останется так мало, что хранить это будет уже бессмысленно. Рассуждая логически, есть только два пути: либо ты принимаешь вселенную как есть, встречая каждый факт лицом к лицу, честно и бесстрашно, и делаешь свою душу неуязвимой для любых влияний, либо отворачиваешься от всего разом и держишь душу на снотворном. В сущности, добродетели, особо чтимые среди выродившихся европейцев, лишь доказывают существование тех самых явлений, которые они так рьяно пытаются отрицать. Если ханжески делать вид, что зла не существует, оно от этого лишь становится неопределенным, вездесущим

¹ Фрэнк Харрис (1856—1931) — журналист, редактор и издатель, автор скандальных многотомных мемуаров «Моя жизнь и любовные приключения» (1926).

и страшным. Оно превращается в некое бесформенное и грозное присутствие, ужас перед которым быстро перерастает в одержимость. Чтобы победить врага, необходимо дать ему четкое определение, проанализировать его и измерить. И как только мы поймем, что он собой представляет, он перестанет терзать наш ум страхом неизвестности.

16 марта я отправился в Дели. Лучшее, что там есть, — это турецкая баня, в которой процедуры очищения проходят в обществе очаровательных дам. 18 марта я записал в дневнике по поводу «Орфея»: «Проклятая книга III полностью закончена. О, книга IV! 19-го я пошел осмотреть форт с «майором Грэмом, королем дураков из Южной Африки»». Эта запись требует пояснений. Мой спутник не был майором, и звали его не Грэмом, да и в Южной Африке он не бывал сроду. И был он далеко не дурак. Он просто выдавал себя за офицера, посланного в Дели надзирать за военнопленными бурами, благодаря чему пользовался кредитом в местных лавках, а подчас и получал наличные.

20 и 21 марта ознаменовались важным событием. Я написал эссе, которое вначале озаглавил «Рождество Кроули», затем опубликовал в Париже отдельной брошюрой под названием «Берешит», а позднее включил в сборник «Меч песни»¹. Общая идея его заключалась в том, чтобы исключить из наших представлений о вселенной само понятие бесконечности. Кроме того, в нем демонстрируется сущностное тождество манихейства (христианства), ведантизма и буддизма. Вместо того, чтобы толковать вселенную как вариации на тему некоего единства, которое само по себе нуждается в пояснениях, я представил ее как НИЧТО, которое мы воспринимаем как пары противоположностей (разумеется, иллюзорные). Того, что мы называем мыслью, на самом деле не существует: в действительности это лишь половина ничто. Я знаю, что принятию этого тезиса мешают некоторые практические затруднения, хотя он, со своей стороны, успешно избавляет нас от априорных препятствий к постижению мира. Но, так или иначе, в своем эссе я сформулировал еще много других идей, и почти все они оказались чрезвычайно плодотворными. Вдобавок, оно дает

¹ См. примеч. 1 на стр. 97-99.

хорошее представление о моем критическом подходе к различным идеям, которые я накопил в путешествиях по Азии.

На протяжении всего этого времени я чрезвычайно тщательно изучал канонические писания индуизма и буддизма. Кроме того, я обсуждал всевозможные вопросы религии и философии с мыслителями самого разного рода, от таких гигантов духа и учености, как Алан Беннет, преподобный П. Рамантхан, принц Джинавараванса¹, Парамагуру Свами² и Шри Свами Сваям Пракашананд Майтхала, до таких ничтожных проповедников заблуждений, как теософы, христианские миссионеры и даже члены Армии Спасения. Собрав все эти лоскуты воедино, я получил некий узор, который решил называть буддизмом. В пользу буддизма меня расположили такие его достоинства, как научный агностицизм, рациональная психология и свобода от суеверий и эмоциональных оценок. Но, разумеется, моя теория зияла двумя обширными пробелами. Я почти не знал и еще того меньше понимал китайскую философию и был почти столь же несведущ в исламе со всей его суфийской надстройкой.

С точки зрения драматической композиции весьма уместно, что упомянутое эссе я написал именно за эти два дня, потому что 21 марта пришла телеграмма от Эккенштейна. Перед отъездом в Равалпинди у меня оставался еще один свободный день, который я посвятил охоте на магера³. Вот как это было.

Мэйден, хозяин гостиницы, отправился со мной и обеспечил нам превосходный обед. Я одолжил ему свой маузер, а сам положился на винтовку калибра 0,577. Получив разрешение у инженера, ведавшего работами на канале, мы сели в лодку и пошли на веслах вверх по течению. Очень скоро мы заметили на берегу отличного большого крокодила и решили попытаться подстрелить его издали, потому что эти твари подозрительны и плюхаются в воду при малейшей угрозе. Я прополз к носу лодки, велел туземцам, чтобы они держали ее крепче, и выстрелил ярдов со ста тридцати. То ли я очень

¹ Принц Джинавараванса — член сиамской королевской семьи, ставший буддийским монахом. Кроули познакомился с ним в буддийском монастыре в Галле (Шри-Ланка).

² Парамагуру Свами — цейлонский шиваит, йог и аскет; славился как провидец и чудотворец.

³ Магер — болотный крокодил.

хорошо прицелился, то ли мне просто крупно повезло, но, так или иначе, животное было смертельно ранено. Мы поспешно подгрести к берегу; крокодил бился в паре футов от воды и истекал кровью. Я почти наверняка прострелил ему сердце. Но, к сожалению, с рептилиями от этого толку мало. Мы добрались настолько близко, насколько удалось уговорить туземцев. Разумеется, некоторый риск имелся, но надо было подойти на такое расстояние, чтобы бросить багор между нашей добычей и глубокой водой. Но убедить их не представлялось возможным, а времени на споры не было. Мэйден, сидевший в середине лодки, приподнялся и начал стрелять в крокодила из маузера; он выпустил не меньше пятнадцати пуль, но проку от этого было мало. Тогда он подбил меня еще пару раз выстрелить из винтовки, что я и сделал, направив ствол прямо в горло животному. Второй выстрел чуть не привел к катастрофе, потому что лодка держалась неустойчиво, а отдача оказалась такой сильной, что меня чуть не снесло за борт. К счастью, все обошлось. Теперь мне вдвойне не терпелось насадить крокодила на багор, тем более что он явно слабел и бился уже не так отчаянно; но ничего поделать уже было нельзя: малопомалу он соскользнул с мелководья на глубину и ушел под воду. Потратив в общей сложности минут двадцать, мы сдались и поплыли дальше.

Медленно выгребая вверх по течению, мы вскоре заметили еще одного неплохого магера, хотя и не такого крупного, как тот, которого упустили. Я прицелился необыкновенно тщательно, и удача улыбнулась мне: пуля раздробила крокодилу спинной мозг. Все подумали, что я промазал, но я настаивал, что выстрел был точен. И действительно, когда мы приблизились, стало очевидно, что добыча не шевелится. Я отправил туземцев на берег и, разыграв настоящий спектакль, те, наконец, отважились ухватить рептилию за хвост; разумеется, крокодил был мертв. Мы втащили тушу на борт, развернули лодку и отправились обедать.

В воскресенье 23 марта я сел на почтовый поезд до Пинди. По удачному стечению обстоятельств на том же поезде везли автомобиль, предназначенный для нашей экспедиции. Я присоединился к компании и был представлен четверем моим новым товарищам.

Договор между Оскаром Эккеништейном и Алистером Кроули

1. В письме от 20 сентября и телеграмме от 3 октября О.Э. принял предложение А.К., выраженное в телеграмме и письме от 23 августа, о совместном восхождении на гору, превосходящую высотой все вершины, какие когда-либо покорял человек; оба согласились приложить для достижения этой цели все возможные усилия.

(С этой целью 23 августа А.К. предоставил в распоряжение О.Э. пятьсот фунтов стерлингов, а 10 октября добавил еще пятьсот фунтов на экстренный случай. О.Э. уполномочен использовать часть этой последней суммы или, в случае крайней необходимости, договориться с доктором Карлом Блодигом о предоставлении дополнительной страховки. Однако следует понимать, что доктор Блодиг участвует в экспедиции в статусе спортсмена-любителя, и отнестись к этому с должным уважением.)

2. Причиной для отмены настоящей договоренности может послужить только смерть или тяжелая болезнь одной из сторон либо жизненно важные обстоятельства, не позволяющие принять участие в экспедиции.

3. О.Э. берет на себя всю ответственность за приготовления к экспедиции в Англии. О.Э. имеет право принять в отряд еще одного или двух участников при условии, что таковые полностью оплатят свою долю расходов. О.Э. отвечает за благополучную доставку отряда и багажа на место, избранное им за отправную точку экспедиции, в установленные им же сроки.

4. По исполнении пункта 3 все руководство и всю ответственность за экспедицию вплоть до возвращения отряда в цивилизованные края принимает на себя «начальник». Обязанности «начальника» примет на себя либо О.Э., либо А.К., согласно последующей

договоренности; никакое иное лицо не может быть назначено на должность «начальника».

По требованию других членов отряда (а также во всех ситуациях, предполагающих разделение отряда) «начальник» должен отдавать свои распоряжения в письменном виде. «Начальник» имеет право обратиться за советом к любому члену отряда. Участник экспедиции, к которому «начальник» обратился за советом, должен беспристрастно рассмотреть поставленный вопрос и дать на него серьезный ответ (если потребуется, то и в письменном виде). В случае возникновения каких-либо разногласий может быть созван совет, действующий по правилам, принятым в парламенте; в такой ситуации обязанности председателя совета исполняет «начальник», если только под вопрос не поставлено его собственное поведение. В последнем случае председатель должен быть избран простым большинством голосов. В случае равного распределения голосов право решающего голоса принадлежит «начальнику». Во всех остальных случаях приказы «начальника» должны исполняться без возражений, с надлежащей бодростью духа и в меру всех наличествующих возможностей, за тем лишь исключением, что ни один из членов отряда не обязан рисковать своей жизнью и имеет право самостоятельно судить о том, сопряжен ли данный приказ с опасностью, исходящей от людей, животных, недостатка пищи или иных причин.

5. Все члены отряда обязуются на протяжении всей экспедиции не иметь никаких дел с женщинами и по мере возможности избегать с ними всякого общения, а также не вмешиваться никоим образом в дела, связанные с предрассудками и верованиями туземцев.

Этот пункт договора вступает в силу после исполнения пункта 3.

6. Любые разногласия, имеющие отношение к настоящему договору, подлежат рассмотрению в третьей инстанции и не могут служить основанием для судебных исков.

7. В случае, если к отряду присоединятся третьи, четвертые или пятые лица, каждый новый участник

*должен подписать настоящий договор перед тем, как
будет принят в состав экспедиции.*

*Засвидетельствовано собственноручными подписями
в Канди 12 октября 1901 года.*

В итоге численность отряда составила шесть человек. Ни одного англичанина, обладающего достаточным опытом и способностями, так и не нашлось — спасибо Альпийскому клубу! Однако сыскался выпускник Тринити-колледжа, пожелавший принять участие в экспедиции, — некто Ноулз¹, юноша двадцати двух лет от роду, то есть слишком молодой для предприятия такого рода, требующего выдержки и стойкости. Он практически ничего не знал о горах, но ему хватало здравого смысла выполнять распоряжения Эккенштейна, благодаря чему он оказал нам бесценную помощь в Шринагаре и даже в ходе самой экспедиции. Он, вопреки ожиданиям, стал отнюдь не слабым звеном, а источником силы. К отряду присоединились австрийский судья по фамилии Пфанль, пользовавшийся славой лучшего скалолаза у себя на родине, и Вессели², его постоянный партнер по восхождениям. Никакого опыта, кроме альпийского, у них не было, и сделать поправку на разницу в масштабах они так и не смогли. Вдобавок, Пфанль забрал себе в голову, что должен во что бы то ни стало прийти в спортивную форму, и приступил к тренировкам сразу же, как только взошел на борт парохода в Триесте. Предвидя неприятности, некоторые записи в дневнике я стал делать магическим шифром. В записи от 31 марта 1902 года говорилось:

Злоключения Пфанля.

*На Финстерархорне, после перехода Шрекхорна
по траверсу³, Пфанля пришлось нести вниз из хижины*

1 Гай Джон Фентон Ноулз (1879—1959) — английский инженер, коллекционер предметов искусства и альпинист.

2 Генрих Пфанль (1870—1929) — австрийский судья, доктор юриспруденции; альпинист, поставивший ряд рекордов по восхождению на альпийские вершины и впоследствии ставший президентом австрийского Альпийского клуба. Виктор Вессели (р. ок. 1870) — австрийский адвокат и альпинист.

3 Финстерархорн — самая высокая гора в Бернских Альпах (4274 м над уровнем моря). Вершина Шрекхорн (4078 м) примыкает к ней с севера.

«Конкордия» на руках. Затем, на Жеане¹, его подкосило пищевое отравление. В целом, мораль такова: «Если Пфанль упадет, он уже не встанет. Он слишком много тренируется».

Очень скоро выяснилось, что наши австрияки совершенно не способны уразуметь, как работает голова у туземцев. Взяв с собой этих двоих, мы совершили большую ошибку. Шестым членом отряда был швейцарец Гийярмо, бывший военный врач, внешностью и поведением — вылитый Тартарен из Тараскона². Гийярмо доставил нам немало неприятностей, поскольку ни в горах, ни в медицине ничего не смыслил; однако своей восхитительной жизнерадостностью он поддерживал настроение в отряде и помогал найти общий язык с туземцами. Он смешил нас и тем самым помогал сбрасывать напряжение и справляться с трудностями. Впрочем, несмотря на все это, я полагаю, что ни одного из наших иностранцев брать не следовало³. Из-за них отряд стал слишком большим и неповоротливым; и, кроме того, межнациональное соперничество стало одной из косвенных причин нашего поражения, о чем я расскажу позже.

29 марта мы выступили из Пинди в Трет. Пришлось перепаковать багаж, весивший более трех тонн: иначе его неудобно

1 Имеется в виду Дан-дю-Жеан (фр. «Зуб великана») — горный пик в массиве Монблана высотой 4013 м. В 1900 году Пфанль совершил первое свободное восхождение на эту вершину.

2 Жюль Жако-Гийярмо (1868—1925) — швейцарский врач, доктор медицины, альпинист и фотограф.

Тартарен из Тараскона — герой юмористических романов Альфонса Доде («Необычайные приключения Тартарена из Тараскона», 1872; «Тартарен из Тараскона в Альпах», 1885; «Порт-Тараскон», 1890), хвастун и враль, не преранно похваляющийся своими вымышленными приключениями; в первом из романов цикла его внешность описывается так: «...человек лет сорока — сорока пяти, низенький, толстый, коренастый, краснолицый, в жилетке и фланелевых кальсонах, с густой, коротко подстриженной бородкой и горящими глазами; в одной руке он держал книгу, а другой размахивал громадной трубкой с железной крышкой и, читая какой-нибудь сногшибательный рассказ об охотниках за скальпами, оттопыривал нижнюю губу и строил ужасную гримасу, что придавало симпатичному лицу скромного тарасконского рантье выражение той же добродушной свирепости, какую дышал весь дом. Это и был Тартарен, Тартарен из Тараскона, бесстрашный, великий, несравненный Тартарен из Тараскона» (пер. Н. Любимова).

3 Кроме того, при этом был грубо нарушен пункт 3. Все расходы, понесенные этими лишними чужаками, возместили мы с Ноулзом. — *Примеч. А. Кроули.*

было бы везти на эках. Эка — это такой двухколесный экипаж без задней стенки и с местом для возницы прямо на полу; может показаться, что ее изобрел тот же враг рода человеческого, который придумал кораклы¹. Европейцу даже в одиночку невозможно устроиться в этой скорлупке удобно или хотя бы вытянуть ноги, а уж вдвоем и вовсе невообразимо тесно. Туземцы же, напротив, без труда размещаются в ней по восемь, а то и по десять человек.

Приключения начались внезапно. Проснувшись наутро в гостевом доме в Трете, я обнаружил, что у моей кровати сидит какой-то достойный молодой джентльмен. Я подумал, уж не заболел ли я, сам того не зная, ибо лицо его выражало сочувствие и заботу, точь-в-точь как у врача с картины Люка Филдса². Оказалось, ничего подобного: это был полицейский инспектор, прибывший в тонге — очередной крысоловке вроде эки, только двуконной; ею пользуются в тех случаях, когда, в понимании местных, «надо спешить». Он заявил, что выступать в намеченный поход нам не следует, — и это всё, что ему известно, а уж почему, это, мол, не его ума дело. Я сказал, что ему лучше поговорить с начальником экспедиции, мистером Эккенштейном. Инспектор возмущенно уставился на меня, как будто я сказал что-то неприличное. Мы с Ноулзом, ночевавшим в той же комнате, оделись с изысканной неспешностью и направились к Эккенштейну, чтобы разделить с ним свое удивление.

Именно в этот момент пришла телеграмма, из которой следовало, что своими действиями мы каким-то образом ставим под угрозу безопасность Индийской империи. В десять утра прибыл, ни много ни мало, сам заместитель комиссара Равалпинди, один из тех молчаливых сильных мужчин, с которыми нас познакомил мистер Генри Сетон Мерримен³. Он призвал меня пред свои августейшие очи. Я (разумеется) перенаправил и его к Эккенштейну, но заместитель заартачился:

1 Коракл — в Ирландии и Уэльсе одноместная рыбацья лодка, сплетенная из ивняка и обтянутая кожей.

2 Люк Филдс (1844—1927) — английский художник; подразумевается его картина «Врач» (1891), на которой изображен доктор, сидящий у постели больного ребенка в доме бедняков.

3 Генри Сетон Мерримен (наст. имя Хью Стоуэлл Скотт, 1862—1903) — английский писатель и путешественник.

согласно распоряжениям, которые он получил, все мы могли поступать, как нам угодно, и только одному Эккенштейну въезд в Кашмир запрещался. Мы спросили, почему. «Книга Закона» тогда еще не была дарована человечеству, и заместитель не мог провозгласить: «Хватит уже “Потому что!” Пусть катится к псам!»¹ — но, насколько мы поняли, примерно так он и ответил в своей молчаливой и сильной манере. В конце концов, мы уговорили его встретиться с Эккенштейном, и тот со своим обычным апломбом поставил беднягу перед дилеммой: «Так я арестован или нет?» «Боже упаси! — воскликнул заместитель. — Как вы могли такое подумать?» «Вот и славно, — произнес Эккенштейн. — Тогда мы идем дальше». «Нет-нет, я получил самый строгий приказ...» Казалось, этому словесному фехтованию не будет конца, но все-таки мы пришли к соглашению: я принимаю на себя руководство экспедицией, и мы продолжаем путь, а Эккенштейн возвращается в Пинди с заместителем комиссара, чтобы обратиться к вышестоящему лицу и разрешить этот казус.

Коротко говоря, Эккенштейну пришлось разыскивать виновников запрета по всей Северной Индии, пока, наконец, он не загнал Джорджа Натаниэля Керзона² в угол в психологически точный момент — как раз когда наши жалобные телеграммы в министерство по делам Индии лорду Джорджу Гамильтону³ обрушили всю мощь старушки-Британии на головы заносчивых набобов. «Вышестоящее лицо» милостиво дозволило Эккенштейну вновь присоединиться к экспедиции, заручившись гарантиями его хорошего поведения, подписать которые пришлось мне и Ноулзу!

*Dessous des cartes*⁴ всего этого происшествия так и осталась загадкой. Эккенштейн неизменно уверял, что не имеет ни малейшего представления о причине, побудившей местные власти к таким бесцеремонным и бессмысленным действиям. Разумеется, мы решили, что за всем этим стоит Конвей,

1 «Книга Закона», II:33.

2 Джордж Натаниэл Керзон (1859—1925) — английский государственный деятель, публицист и путешественник, с 1899 по 1906 гг. — вице-король Индии.

3 Джордж Гамильтон (1845—1927) — английский государственный деятель, с 1895 по 1903 гг. — статс-секретарь Индии.

4 Здесь: «вся подноготная» (фр.).

с которым Эккенштейн поссорился в 1892 году¹. Мы допросили с пристрастием кашмирских тузов и просеяли базарные сплетни, но выяснили только, что Эккенштейн — прусский шпион и хладнокровный убийца; никаких других полезных сведений добыть не удалось. Так или иначе, Эккенштейн был самым благородным человеком из всех, кого я знал. Честность его была безупречна, а сочувственное понимание, с которым он относился к туземцам, — выше всяких похвал. Я твердо убежден, что этот инцидент объясняется недостойной ревностью и мелочным интриганством тех жалких насекомых, которые ему завидовали, — или, точнее, ревностью и интриганством, помноженными на обычную чиновничью неразбериху.

Временно лишившись начальника отряда, мы уныло поплелись в Шринагар, столицу Кашмира, и добрались туда 14 апреля. Несколько происшествий, случившихся по дороге, показали, какое исключительное значение местные власти придавали Эккенштейну. Несмотря на все договоренности, в приграничной зоне творилось черт знает что; вокруг так и кишели телеграммы и шпионы. Вся эта чиновничья суета напоминала расстроенный муравейник.

На пятый день мы в первый и последний раз ввязались в неприятности с туземцами. Индийцам свойственно подвергать каждого нового англичанина своего рода испытанию на силу характера. Ключ к власти надо всеми обитателями Индостана — справедливость. И, следует признать, это и впрямь единственное средство, позволяющее хоть как-то управиться с царящим на полуострове бесконечным разнообразием. Горе путешественнику, несправедливо наказывающему своих слуг! Подобным безрассудством он показывает туземцам свое слабое место, которым они не замедлят воспользоваться, чтобы отомстить ему тысячей разных способов. Но, с другой стороны, еще большее презрение падет на голову того, кто не покарает преднамеренный проступок по всей строгости закона.

Я чувствовал себя неважно. То и дело давали о себе знать различные симптомы малярии; вдобавок, меня мучил отрубевидный лишай, который здесь называют чесоткой дхоби

¹ Конвей, Уильям Мартин (1856—1937) — английский критик искусства, политик, картограф и альпинист. С 1877 года член Альпийского клуба, в 1902—1904 гг. — президент. О его ссоре с Эккенштейном в связи с неудачной экспедицией на Балторо см.: *Исповедь*, т. 1, указ. соч., стр. 193—194.

(дхоби — это прачки)¹. На вид одежда кажется безупречно чистой, но в ткани таятся споры грибка, который затем разрастается в паху и подмышках. Со временем становится все хуже и хуже. Мне хватило глупости довериться врачу: я суеверно полагал, будто медицинская степень что-то да значит. Раздражение донимало меня постоянно, и особенно — при ходьбе и езде верхом; и только убравшись подальше от доктора, уже на леднике, я догадался намазать зудящие места йодом — хитроумнейшим средством, о котором это светило медицины и не подозревало, — и за сутки все прошло без следа.

Итак, на четвертый день пути наши возчики сговорились задержать нас, а на пятый день их избранный представитель начал приводить этот адский замысел в исполнение. (Следует добавить, что мы с Ноулзом ехали последними, чтобы процессия не слишком растягивалась.) Он то и дело останавливался для ремонта упряжи, которая на самом деле была целехонькой, и, в конце концов, умудрился сцепиться колесами с другой эчкой, схавшей нам навстречу. За весь день я не упрекнул его ни словом, и он тихо радовался, думая, что все сойдет ему с рук. В результате и его эчка, и мы с Ноулзом добрались до стоянки на час позже остальных. Но в тот самый момент, когда мы оказались в пределах видимости из лагеря, я соскочил с повозки, ухватил этого саботажника за бороду левой рукой (что уже само по себе страшное оскорбление), выволок его из эчки и отделал ремнем на глазах у всех — казалось бы, безо всякого повода.

Последовавшая на это реакция весьма поучительна. Я знал, что возчик нарочно старался задержать нас; устроив ему показательную порку, я тем самым задал нравственный стандарт для всей экспедиции. Возвышенные умы его собратьев распознали в моем поступке пресловутую справедливость и восхитились моей проницательностью и решительностью. Так я раз и навсегда избавил себя от всяких затруднений с туземцами и получил возможность проявлять снисхождение в ситуациях, когда какая-нибудь неприятность случалась не по их вине. Я заставил их уважать нас, а в отношениях с любым индийцем это первый шаг к тому, чтобы завоевать его любовь. И вскоре эти

¹ Дхоби — индийская каста неприкасаемых, специализирующаяся на стирке белья.

люди уже готовы были рисковать ради нас своей жизнью, в невежестве своем полагая, будто мы от них этого хотим. В экспедиции Янгхазбенда в Яркенд¹ погибло семнадцать кули, и наши возчики были уверены, что мы пытаемся отыскать новый проход к этому городу. Переубедить их было невозможно. «Мы знаем, что погибнем в этом путешествии, но мы готовы», — заявили они. И когда я отослал их по домам из лагеря №10, они были почти что разочарованы.

Но если бы я не понял, как устроена голова у того возчика, они бы замучили нас до смерти бесконечными проволочками. Позже, уже на обратном пути, пересекая плато Деосай², мы встретили английского лейтенанта, который разболелся от огорчения после неудачной охоты на горного козла. Пока он лежал больным, туземные слуги пытались уморить его, как бы невзначай путаясь в исполнении всех его приказов: они нашли его слабость и пользовались ею без пощады. Итак, первая задача всякого путешественника в этой части света — утвердить свое моральное превосходство. Надо оставаться неизменно спокойным, бодрым, справедливым, проницательным, снисходительным и непреклонным. Нельзя потворствовать обману, даже если вас пытаются надуть на какую-то жалкую долю фартинга. Стоит уступить один-единственный раз — и вам конец.

Припоминаю, как позже, в путешествии по Китаю, я отказался купить несколько яиц, хотя они были очень нам нужны: продавец, на мой взгляд, запросил слишком много. На самом деле спорная сумма не составляла и полупенса, а эти яйца были для меня чуть ли не вопросом жизни и смерти; но если бы я уступил, то до конца путешествия я не смог бы спокойно купить больше ни одного яйца. Путешественник не должен забывать, что даже о его привычной манере зажигать спички сразу же становится известно на сотни миль вокруг. Англия завоевала Индию только потому, что постигла склад ума ее обитателей, установила собственные стандарты поведения безо

1 Янгхазбенд, Фрэнсис Эдуард (1863—1942) — английский военный, путешественник и религиозный писатель. В 1886—1887 гг. совершил путешествие через Центральную Азию из Пекина в Яркенд — город в оазисе на западе Китая, расположенный на высоте чуть менее 2000 м над уровнем моря.

2 Деосай — плато в Пакистане на высоте более 4000 м над уровнем моря, на стыке горной системы Каракорум и западной цепи Гималаев.

всяких объяснений и со снисходительным презрением разрешила туземцам действовать по-своему, когда это не вступает в противоречие с интересами завоевателей. Но теперь Англия теряет Индию, потому что идет на уступки: соглашается признать существование побежденных народов, разрешает вступать с собой в споры и пытается найти общий знаменатель для несоизмеримых величин. В действительности индийская цивилизация далеко превосходит нашу; вступая с ней в открытое состязание, мы обрекаем себя на провал. В свое время мы победили ее лишь потому, что противопоставили этой апатичной культуре свою иррациональную, фанатичную, животную мужественность.

И не сказать даже, чтобы нас об этом не предупреждали. Гений Редьярда Киплинга, при всей своей эстетической непривлекательности, ясно и точно проник в тайны уготованной нам судьбы. Его рассказы и вся его проповедь строятся на одном аргументе — глупейшем, но неопровержимом, — в основе которого лежит интуитивное понимание некоторых решающих фактов. История показывает, что Индию может подчинить себе любая чужеземная автократия, которой достанет твердости отвергнуть утонченность индусов как варварскую и идти своим путем, невзирая на все доводы разума. Но всех своих завоевателей Индия рано или поздно покоряла сама — приобщая их к своей культуре. Пока сахиб по скудоумию своему убежден, что он — всемогущий Господь, он и впрямь обладает всей неизъяснимой мощью Иеговы. Мы утратили власть над Индией лишь потому, что позволили себе усомниться в своем божественном праве. Как говорится, против дурака бессильны даже боги¹: во времена Николсона² сахиб был таким дураком, и Индия не устояла. Но затем мы сделали ошибку: мы допустили ученого бенгальца в Англию, разрешили ему гулять по Эрлз-Корт и заигрывать с нашими горничными. И в Калькутту он вернулся изгоем из своего родного общества, но знатоком английских обычаев и покорителем английских женщин. Мы позволили ему соперничать с нами на равных

1 Имеется в виду высказывание Фридриха Шиллера: «Против глупости сами боги борются бессильны».

2 Николсон, Джон (1822—1857) — британский генерал, служивший в Индии. Участвовал в первой англо-сикхской войне (1845—1846), и в подавлении восстания сипаев.

и тем самым утратили престиж — точь-в-точь, как это произошло с христианской церковью, когда Лютер заявил о праве на частное мнение.

Не я в ответе¹ за то, что вселенная устроена вопреки всякому здравому смыслу. Я прекрасно понимаю, что примитивная европейская культура с интеллектуальной точки зрения ничтожна; но если мы хотим поддерживать какие бы то ни было отношения с Востоком, выбор у нас небогат: или мы будем робеть, как малые дети перед мудрым старцем, или помыкать туземцами, как грубые хозяева. У воинов, которые убили Архимеда, тоже была только одна альтернатива: сесть у его ног и учиться геометрии, да еще и благодарить его за подзатыльники. Иными словами, либо мы окружаем четырнадцать тысяч сипаев и хладнокровно разносим их картечью на куски, как Хэвлок², либо валяемся у них в ногах и целуем им туфли, как европейцы, надеющиеся обучиться йоге. Все наши попытки найти компромисс между двумя несовместимыми цивилизациями ведут лишь к признанию того, что наша собственная цивилизация бессильна.

Даже в пределах самой Англии мы могли наблюдать, как отказ от нормандского высокомерия повлек за собой падение всех стандартов превосходства; в результате всякий, кто желает управлять Англией в наши дни, вынужден сообразоваться с бесчестными ухищрениями и раболепными уловками демократии. Истинное руководство требует добродетели, что этимологически означает мужественность³. Но современная Англия отравила храбрость, честность и решительность на свалку. Чтобы вести за собой народ, правителям приходится морочить людям головы. Заявив, что «мы должны просвещать наших хозяев», Биконсфилд (или кто там?)⁴ сформулировал кредо коммунизма, потому что на самом деле просветить

1 P.S. Впрочем, не могу утверждать это наверняка. — *Примеч. А. Кроули.*

2 Хэвлок, Генри (1795—1857) — британский генерал-майор, сыгравший важную роль в подавлении сипайского восстания.

3 Англ. *virtue*, «добродетель», восходит к лат. *vir* — «мужчина».

4 Биконсфилд, граф — Бенджамин Дизраэли (1804—1881), английский государственный деятель, в 1868 и 1874—1880 премьер-министр Великобритании. Приведенное изречение в действительности принадлежало другому английскому политику, Роберту Лоуву (1811—1892), который произнес эту фразу в связи с парламентской реформой 1867 года, предоставившей избирательное право мелкой буржуазии, ремесленникам и рабочим.

народ невозможно. Даже я — человек, отучившийся в частной школе и университете и посвятивший целую жизнь путешествиям и изучению социологии, политики, экономики и истории, — прекрасно осознаю свою некомпетентность: я не смог бы найти лекарство даже от самой безобидной из всевозможных болезней общества. Я знаю только одно: правителю следует забыть о своем теоретическом образовании и принимать решения эмпирическим путем. Лучший хозяин — это великодушный и не стесняющий себя правилами джентльмен, разрешающий любые проблемы с помощью простого здравого смысла. Современные претензии на строго научное управление, основанное на теории и статистике, подвержены тем же неизлечимым недугам, что и всякое близорукое педанство. В своих странствиях я убедился, что самая полная свобода личного счастья и благоденствия расцвела в Мексике при автократии Диаса¹, в России — при царском самодержавии, в Индии и Египте — под англичанами и в Китае — под абсолютной и неоспоримой властью Сына Неба.

Но в последние лет двадцать пять подобные формы правления сошли на нет. Мир кипит недовольством, произрастающим из неуверенности. Люди прекрасно приспособляются к любым условиям, но если они чувствуют, что в любую минуту любой основополагающий принцип общественного устройства может быть принесен в жертву прогрессу, они перестают понимать, кто они и где находятся. Они уподобляются человеку без рода и племени, который живет одним днем, тащит все, что плохо лежит, и вечно бежит от кредиторов и полицейских. Цивилизация превратилась во всеобщую истерическую драку за сиюминутные материальные выгоды. Что толку в богатстве, когда капитал обложен непомерными налогами? Что толку в капиталовложениях, когда любые ценные бумаги могут в любую секунду обесцениться безо всяких предсказуемых причин? Представим себе двух братьев, унаследовавших по десять тысяч фунтов в 1900 году; один хранит свое золото в кубышке и тратит по четыреста фунтов в год; другой покупает

¹ Диас, Порфирио (1830—1915) — мексиканский государственный деятель, в 1877—1880 и 1884—1911 президент Мексики.

консоли¹ и живет на две сотни фунтов дохода, не трогая капитал. На сегодняшний день² транжира окажется богаче своего благоразумного брата! Институт брака отвратителен, но развод еще хуже: законы, принятые якобы для того, чтобы обеспечить женщину при разводе, на деле выбивают экономическую почву у нее из-под ног.

Я не высокого мнения о Редьярде Киплинге, особенно о позднем, когда старческий маразм и пристрастие к гидроксиды второго радикала парафина³ вернули его во дни мальчишества. Но его общий подход к индийскому вопросу мне по душе. Мы завоевали Индостан на чистом моральном превосходстве. Наша цельность, наше самоуважение, наша отвага, честность и чувство справедливости изумили, восхитили и принудили к повиновению и тех, кто всем этим не обладал или обладал лишь отчасти, и тех, кому этих достоинств хватало, чтобы возвести их в критерий достойного и умелого правления. Но, как уже отмечалось, признав безупречно рациональный тезис о том, что цвет кожи не мешает человеку проявлять компетентность в какой бы то ни было области, мы собственноручно подорвали самые основы здания нашей власти.

Впрочем, еще более роковую роль сыграла наша дурацкая слабость: мы позволили Индии осознать, что мы не абсолютно божественны. Когда Жанну д'Арк ранили и французы увидели, что из раны течет кровь, легенда о неуязвимости и сверхъестественной защите, внушавшая всем почтение, рассеялась и гибель Орлеанской девы стала неизбежной. Ахиллесовой пятой сахиба стала мем-сахиб. Когда мы разрешили индийцам приезжать в Англию, учиться, свободно общаться с нашими женщинами, жениться на них и соблазнять их, это само по себе было ужасно. Но этот скандал мы еще как-то смогли бы пережить. Индийские студенты, вернувшиеся на родину, становились изгоями из своей касты и лишались доверия. Мы могли бы распусть слухи, что все их рассказы об Англии — пустая

1 Консоль — бессрочная облигация с периодическими фиксированными платежами.

2 Эти рассуждения взяты из статьи, которую я написал в 1917 году в Нью-Йорке. К счастью, моя собственная газета отказалась ее опубликовать! — *Примеч. А. Кроули.*

3 C_2H_5OH , т.е. этиловый спирт.

похвальба; и, кроме того, численность этих студентов была ничтожна, а их авторитет среди местных — невысок.

Но вместо этого мы допустили непоправимое. Во имя религии и морали (впрочем, как обычно!) мы совершили грубейшую политическую ошибку и преступление против общества: мы разрешили нашим женщинам приезжать в Индию и даже поощряли их к этому.

Начать с того, что они не могут выдерживать индийский климат и из-за этого начинают вести такой образ жизни, который неизбежно склоняет к распущенности нравов. Так, например, даже высокородные мем-сахиб иногда принимают ванну с помощью индийских слуг. Извиняет их только то, что предаваться любовным утехам с подобными низменными животными немислимо. Но — «при всем при том мужчина есть мужчина»¹. Кроме того, это только у мужчин от жары половое желание угасает: женщина, наоборот, становится более сладострастной. Из-за этого белая женщина в Индии пребывает в постоянном нервном раздражении, даже если совсем не склонна к таковому от природы. Вдобавок даже самые здоровые из английских женщин непрерывно страдают здесь разнообразными недугами, пусть даже и не слишком серьезными. По этой и прочим причинам они обычно становятся вспыльчивы, а малейший недостаток самообладания не проходит незамеченным среди туземцев и самым неблагоприятным образом сказывается на их отношении.

Помимо всего вышесказанного, индийцу кажется невероятным бесстыдством уже одно то, что наши женщины вообще показываются на людях, а то, что они ходят по улицам без сопровождения и с открытым лицом, — это и вовсе верх нескромности. Некоторым англичанкам хватает глупости полагать, что они сумели-таки удовлетворительно объяснить индийцам (мнение которых по этим вопросам совершенно единообразно повсюду от Тутикорина до Пешавара и от Читтагонга до Карачи и, независимо от верований и социальных условий, определяется климатической необходимостью), что наши обычаи соответствуют принятым нормам поведения и даже обычным правилам приличия. Так обманываться могут лишь те, кто ничего не смыслит в психологии. Индию можно было

¹ Цитата из стихотворения Р. Бернса «Честная бедность».

бы удержать в узде — во имя ее же блага и к нашей великой чести и выгоде, — если бы мы очистили ее от европейских женщин и торговцев, продажных чиновников и тупых офицеров и вверили управление страной корпусу «самураев», присягающих, как иезуиты, хранить целомудрие и послушание и жить либо в бедности, либо в роскоши такого рода, которая не тешит личной гордыни и не потакает жажде удобства, а лишь подчеркивает престиж. Опять-таки, подобно иезуитам, эти люди должны бы приносить клятву не возвращаться в Англию до конца своих дней. Хорошие правители получились бы из таких людей уже в силу того, что они принимали бы вышеописанные условия добровольно. Они бы пользовались всеобщим почетом и абсолютным доверием. Им не приходилось бы опираться на силу оружия. Все лучшие люди Индии, не стовариваясь, объединились бы в поддержку такого правительства. И последнее условие: потребовалась бы гарантия от вмешательства со стороны невежественной и равнодушной Палаты общин. Душевная черствость Министерства по делам Индии не менее опасна, чем дурацкая сентиментальность сочувствующих со всеми их «национальными устремлениями», «общечеловеческим братством» и тому подобными трескучими фразами.

В Индии кастовые законы обеспечивали более-менее сносное пропитание даже беднейшему из крестьян, если только не наступали голод и мор, а в будущем своих детей он был уверен так же твердо, как и в том, что завтра снова взойдет солнце. В англосаксонской цивилизации, напротив, ни у кого нет гарантий от экономических катаклизмов, и будущее любой семьи — вопрос чистой удачи. Такова цена, которую мы платим за то, что называем прогрессом. При этом мы даже не можем толком объяснить, что означает это слово, потому что никто на самом деле не понимает, куда мы движемся. Самая нелепая и тираническая система государственного устройства, какую только можно вообразить, — и та лучше будет нашего нынешнего положения, если окажется стабильной. Наша жизнь — сплошной кошмар, в котором невозможно предсказать результаты ни единого действия.

В поэзии и романах восемнадцатого и начала девятнадцатого веков модно было воспевать долину «Кашмера» (как они его

называли), «которую не видим, но любим»¹. Описывалась она при этом в самых пышных, но в совершенно неопределенных выражениях. В действительности же Кашмиру присущи вполне конкретные и определенные особенности, на которые мы не найдем ни намека в учтивых дифирамбах его чужеземных поклонников. С формальной точки зрения, Кашмир — это долина реки Джелам, но на самом деле он совершенно не похож на долину: это хорошо орошаемое плато, окруженное горами с узким проходом, через который вытекает река. Весной и летом климат здесь похож на смесь мексиканского со швейцарским. Воздух чистый и пьянящий, но безмятежность, царящая здесь, склоняет путешественника к усладам праздной любви. А зимой выпадает снег, преображая всю «долину» в чарующую страну сказок, похожую на Северную Европу, но более солнечную.

Шринагар — древний и восхитительный город. В нем сохранилось много деревянных домов. Любопытно еще, что все тамошние мосты — консольные; большинство людей полагают, что такая конструкция — чудо современной науки, но на самом деле мосты, подобные Форт-Бриджу², придумали еще до Александра Македонского.

Цветы и деревья в Кашмире необыкновенно разнообразны и поражают своим пышным великолепием. Здесь немало озер с плавучими садами и плавучих домов на реке, в которых многие европейцы проводят лето. Это настоящее *dolce far niente*³, которому на Темзе возможно лишь жалкое подражание и на которое сама Венеция служит лишь суматошной пародией.

Кроме того, в долине полным-полно дичи — от медведей, оленей, диких баранов и диких коз до голубей. Время от времени я ходил на крупную дичь, хотя предпочитаю охотиться в низинах. Я терпеть не могу лазать по горам, если они не составляют по-настоящему сложной задачи, и вообще ненавижу все, что не требует серьезных усилий. Стрелять по голубям

1 Цитата из христианского гимна «О, Спаситель», написанного английским поэтом Уильямом Каупером (1731—1800).

2 Форт-Бридж — железнодорожный мост через залив Ферт-оф-Форт у восточного побережья Шотландии, один из первых консольных мостов в мире, построенный в 1882—1890 гг.

3 «Сладостное безделье» (ит.).

тоже не особенно интересно. Этим здесь занимаются не столько для забавы, сколько ради прибыли: голуби приятно разнообразят меню, и местные жители ценят их чуть ли не выше мускулистой баранины и курятины.

С 5 по 22 апреля мы с Ноулзом трудились не покладая рук. Надо было перепаковать весь багаж в «килты» — корзины, похожие на широкогорлые вазы с крышками из сыромятной кожи, защищавшими груз от дурного обращения и непогоды. На одного мула можно было навьючить не более пятидесяти трех фунтов. Как вьючное животное мул уступает мужчине, а мужчина — женщине. Но в Кашмире не встретишь женщину-кули. Здешний народ — магометане, но правит им высшая каста индусов. Это создает разнообразные затруднения; например, река так и кишит махсирами¹, но ловить их запрещено, потому что один из них проглотил душу махараджи, когда тот был еще совсем молод! Неудобно и то, что здесь невозможно добыть говядину, потому что Кашмир, по крайней мере, в теории, — независимое государство. Мусульмане, разумеется, не имеют ничего против говядины, но индусы ее запрещают.

В связи с этим не могу не вспомнить казус, приключившийся с одним туземцем. У него было небольшое хозяйство на берегу Инда. Зимой с гор сошло два оползня, наглухо отрезавших его дом от всей округи. Привести в порядок горную тропу можно было только весной. Чтобы не умереть с голоду, этот человек убил и съел свою корову — и только чудом избежал смертной казни за это преступление².

Мы пополняли запасы, закупая в большом количестве продукты, везти которые из Англии было бы накладнее. Но с некоторыми продуктами вышла промашка. Кашмирские спички не выдерживали сравнения даже с худшими из французских.

1 Золотой махсир, или усач-гор, — крупная хищная рыба из рода усачей семейства карповых.

2 Гораздо позже, в 1923 году, бедный сэр Хари Сингх дорого заплатил за говяжью вырезку на обед! Чуть ли не дороже, чем Ионафан — за медовый сот. — *Примеч. А. Кроули.*

Хари Сингх (1895—1961) — последний правитель княжества Джамму и Кашмир. Об Ионафане см. I Цар. 14:24—45.

Считалось за большую удачу, если в коробке попадалось хоть полдюжины спичек, заживавшихся с первого раза. Когда мы поднялись на ледник, в солнечные дни большую часть времени приходилось тратить на попытки высушить эти спички на камнях.

Вообще говоря, подход к организации нашего похода заслуживал серьезной критики. Одним из немногих недостатков Эккенштейна была вера в профессиональную науку. Памятуя о немецком солдате, безо всяких жалоб живущем на гороховом супе, и о британском, бодро уплетающем «свиной паек Бовриля», он решил, что и мы способны на такой подвиг, и в результате львиная доля провизии оказалась несъедобной. Мы предполагали упаковать в каждую килту дневную норму провианта на двенадцать человек. Всего получилось тридцать шесть корзин. В другие килты мы складывали дополнительные припасы, которые закупали в деревнях по мере продвижения. Кое в чем Эккенштейн проявил необъяснимое упрямство. Я был уверен, что сахара нам не хватит, но он ожесточенно сопротивлялся всем моим попыткам пополнить запас. Я все-таки настоял и купил восемь фунтов. Но слуги-пуштуны разворовали почти все и распродали местным жителям. В результате на последнем этапе экспедиции мы страдали от сахарного голодания, и эта была одна из самых ужасных пыток, какие мне довелось претерпеть за всю жизнь.

Эккенштейн воссоединился с нами 22 апреля, и шесть дней спустя мы выступили в поход. Все, с кем мы имели дело в долине, относились к нам с исключительной добротой, а местное правительство оказало неоценимую помощь. За все время не случилось ни единого неприятного происшествия, а о гостеприимстве кашмирских англичан я всегда буду вспоминать с самой теплой благодарностью и любовью.

Мы набрали небольшой отряд помощников, главным образом из пуштунов, — очень красивых и свирепых. На пуштунах мы остановили выбор для того, чтобы воспользоваться их авторитетом среди кашмирцев, которые с исключительной отвагой встречают опасности, исходящие не от человека, но безнадежно робеют перед воинственными народами. На деле от этих помощников толку было мало, и, в конце концов,

пришлось уволить их и отослать восвояси: они не только воровали, но и слишком нагло вели себя с местными жителями.

Далее, с нами шли наши личные слуги во главе с Саламой Тантрой, который оказался таким замечательным во всех отношениях слугой, что в 1905 году я забрал его из Кашмира и взял с собой в путешествие по Китаю. Все его подчиненные тоже были по-своему достойными людьми и никаких неприятностей нам не доставляли.

Вплоть до Аскола, последней деревни на нашем маршруте, мы пользовались услугами местных кули в количестве полутора человека или нанимали полсотни вьючных пони. Иногда один и тот же отряд носильщиков или пони оставался с нами на два или три перехода, но, как правило, мы набирали новую партию каждый день. Все шло довольно гладко, не считая пары недоразумений, возникших из-за невежества и дурных манер наших австрийков.

Наивность туземцев подчас доходила до смешного. Обычно носильщик получал четыре пенса в день, и слухи о такой королевской плате манили обитателей дальних деревень, лежавших в стороне от нашего маршрута. Они готовы были прошагать шесть дней кряду, только бы нагнать нас и смешаться с толпой наших кули, когда настало время выплат. И когда выяснялось, что деньги дают только тем, кто предоставит записку со своим именем и номером и продемонстрирует благополучно доставленную килту под тем же номером, они так удивлялись и огорчались, что жалко было смотреть. Но больше всего впечатлял сам факт, что они пускались в такое долгое путешествие в надежде получить четыре пенса задаром.

Еще одно происшествие интересно тем, что оно проливает некоторый свет на легенды о чудесных исцелениях. Почти на каждом привале наш доктор устраивал временную клинику — вырывал больные зубы, лечил отеки и тому подобные простые болячки. Мне запомнился один человек, у которого клык пророс через щеку и торчал наружу из зияющей язвы. Разумеется, никаких других средств, кроме простого оперативного вмешательства, доктор предложить не мог. И во всех подобных случаях лечение осуществлялось при помощи инструментов, которые были разложены на одеяле, у всех на виду. Тем не менее, когда мы возвращались обратно и нам навстречу

вышла целая толпа больных из дальних деревень, первый же пациент запротестовал, как только доктор взялся за свои щипцы. «Нет-нет! — сказал он. — Вылечите меня так же, как остальных! Просто положите мне руку на голову и сделайте так, чтобы я выздоровел!»

Путешествие к подножию Чогори естественным образом разделяется на три этапа: шесть переходов — до Зоджи-Ла, перевала между Кашмиром и Балтистаном¹; двадцать один переход — до подножия ледника Балторо; и далее — по самому леднику. В пределах Кашмира идти довольно легко: переходы здесь разумно короткие, места для привалов удобные, пейзажи потрясающе красивые, и климат идеальный. В целом, пожалуй, можно описать это как концентрированную совокупность всего самого лучшего и прекрасного, что есть в Альпах, дополненную очарованием азиатской атмосферы.

Направляясь по этому маршруту в Чогори, приходится сообразоваться с сезонами, потому что до определенной даты, слегка колеблющейся от года к году, Зоджи-Ла остается неприступным для носильщиков. Мы одолели перевал в начале мая, 4-го числа, и это нам еще повезло. Осенью опять-таки, маршрут довольно рано закрывается: кто не успел перебраться в Кашмир до первого снегопада, будет вынужден зимовать в Балтистане.

Относительно трудностей и опасностей самого перевала ходило немало пугающих слухов, но в действительности это оказалась всего лишь долгая и утомительная прогулка по снегу. Пфанль и Вессели, вечно выпрыгивавшие из шкуры в попытках доказать свою доблесть, отправились на разведку до самой вершины. По возвращении они доложили, что а) не смогли разглядеть ничего; б) по другую сторону перевала спуск очень крутой, и в) снега с другой стороны нет. На следующий день выяснилось, что из трех этих утверждений верным было лишь первое, а остальные два значительно расширили мои представления о том, до каких пределов может простирается неточность.

Путь через Зоджи-Ла одинаково легок с обеих сторон, а пресловутая опасность схода лавин существует лишь для тех,

¹ Балтистан — область в Северном Пакистане; во времена британского правления — часть княжества Джамму и Кашмир.

кто ничего не смыслит в снеге. Однако доктор дал нам понять, чего можно от него ожидать. По сей день не могу взять в толк, почему я тогда не насторожился. Когда до вершины оставалось уже совсем чуть-чуть, он решил срезать дорогу через замерзшее озеро: «Я был уверен, что лед совершенно твердый, и рискнул пройти по нему, — но почему-то провалился, хотя в такой ранний час это совершенно невозможно»!

На мне лежала обязанность проследить, чтобы носильщики благополучно преодолели тот относительно короткий участок перевала, которого все боялись. Соответственно, все утро я носился туда-сюда как угорелый, подбадривая одних, увещевая других и подсобляя третьим. Мне и в голову не могло прийти, что наши горе-разведчики все перепутали. К тому времени, как последний носильщик миновал опасное место, я уже изрядно устал; и каково же мне было обнаружить, что спуск с перевала не крутой, а, наоборот, совершенно пологий и, вопреки уверениям австрийков, покрыт глубоким снегом! Солнце уже стояло высоко, и с каждым шагом под ногами становилось все более рыхло и скользко. Даже по следам носильщиков идти было нелегко. До лагеря я доташился к пяти часам вечера, измотанный до предела: за последние тринадцать часов я ни разу даже не присел.

Вдобавок, у меня воспалились глаза. В Альпах я спокойно ходил целыми днями без темных очков, и, несмотря на яркое солнце, ничего мне от этого не было. В Мексике через час-другой становилось неудобно и приходилось надевать очки. Но в Гималаях даже на относительно небольшой высоте (Зоджи-Ла поднимается над уровнем моря примерно на пять тысяч метров) снежная слепота превращается в серьезную угрозу. Когда мы поднялись на верхнюю часть ледника, без очков даже в пасмурный день невозможно было продержаться и десяти минут.

Я так устал, что не смог даже поесть, только выпил полбутылки шампанского, уснул, как бревно, и проспал до восьми утра. Переход, как и накануне, составил пятнадцать миль, но их мы одолели всего за шесть часов, а могли бы и быстрее, если бы не рыхлый снег на первом участке пути. Успокаивать носильщиков больше не приходилось, и я смог вдоволь налюбоваться удивительной переменной пейзажа по другую сторону

Зоджи. Нигде в целом мире я не встречал такого внезапного и разительного контраста. С кашмирской стороны до самого Балтала¹ все было в деревьях и цветах, а по другую сторону перевала царила удивительная мерзость запустения. На всем пути до Скарду² нам не попало буквально ни кустика зелени, и даже простая трава встречалась редко, за исключением устьй горных рек, впадающих в Инд. В этих местах туземцы устроили сложные системы ирригации. Почву располагают уступами, вода к которым поступает по каналам; и на этих искусственных полях выращивают все что угодно, вплоть до абрикосов. Кое-где снимают до пяти урожаев в год. Издали эти оазисы выглядят потрясающе. Первым делом бросается в глаза крест, образованный террасами и линией деревьев. Жители таких деревенок лучатся неизъяснимой радостью. Но болотистые участки пути довольно трудны, хотя и занимают на карте не так уж много места. Эккенштейн со смехом заметил, что, не считая местных неровностей ландшафта, всю дорогу от перевала до Скарду мы будем идти под гору. Соль шутки в том, что разница высот между вершиной Зоджи-Ла и Скарду — менее десяти тысяч футов, а средний перепад для «местных неровностей» — в два раза больше. Однажды, под конец (как мне казалось) долгого перехода, я завидел цель всего в полумиле от нас, у самой реки, до которой уже почти добрался. Но скальный выступ, по которому мы шли, почему-то обрывался в реку, и пришлось сделать крюк, сначала поднявшись, а затем спустившись на три тысячи футов.

Помимо обычной усталости от переходов, я страдал от бесконечного однообразия и уродства пейзажей. Горы здесь похожи на гигантские отвратительные кучи бесформенного мусора. Не сыщется ни одного благородного контура; глазу не на чем отдохнуть; ничто не пробуждает ни энтузиазма, ни интереса, и все чувства сводятся к одному мучительному желанию поскорее завершить очередной унылый переход. Хватает и чисто физических неудобств: солнце постоянно слепит глаза и напекает голову; к середине дня голые камни раскаляются, как на огне. В то же время, часто дует ледяной режущий ветер, пробирающий до самых костей. Совершенно непонятно, как

1 Балтал — деревня в Кашмире, последняя на пути к Зоджи-Ла.

2 Скарду — город в Северном Пакистане, бывшая столица Балтистана.

одеваться: с одного боку тебя поджаривает, с другого — леденит. Нетрудно представить, как подпрыгивает от радости сердце, когда где-нибудь поодаль замечаешь зеленую изгородь рощицы, и как жадно высматриваешь геологические признаки, обещающие встречу с растительностью. И, в довершение всего, расстояние, пройденное по карте, ничего не сообщает о том, сколько еще осталось пройти, — по причинам, изложенным выше.

На один из переходов удалось раздобыть ездовых пони, хотя австрияки окатили нас презрением за подобную изнеженность. Индийский горный пони далеко уступает мексиканскому: он не так проворен, не так силен и ступает не так уверенно. Кроме того, среди здешних пони попадает много хромых и больных. Даже самые лучшие и то спотыкаются чуть ли не на каждом шагу, хотя, по слухам, никогда не падают. Я так и не научился ездить на них спокойно. Мы двигались по так называемой главной дороге на Скарду и Ярканд; на деле это просто горная тропа, узкая и неровная, лишь немногим лучше самых неудобных троп между хижинами Альпийского клуба. На некоторых участках проехать на пони попросту невозможно: где-то дорога переходит в веревочный мост через ущелье, а где-то становится слишком крутой для животных. Пешеход пройдет по этой тропе без особых затруднений, но для всадника она представляет немало опасностей: многие камни по краю дороги расшатаны, и сорваться в пропасть очень легко.

В Хардасе нас развлек величественный, но грязный раджа, принявший меня за туземца. Мы так загорели, что стали куда темнее многих людей, которых в Европе причислили бы к неграм.

В Толти нам встретился еще один раджа, столь же учтивый. Чтобы хоть немного начать понимать Библию, надо попутешествовать по Востоку. Эквивалент слова «царь» здесь используется очень широко: так могут называть и абсолютного монарха, правящего сотнями тысяч подданных, и сельского землевладельца, и даже вождя какого-нибудь крошечного кочевого племени.

14 мая мы добрались до Скарду и сделали перерыв на четыре дня, чтобы подготовиться к следующей стадии путешествия. Рассчитывать на то, что мы и впредь сможем перед каждым

переходом нанимать новых носильщиков, больше не приходилось: после Шринагара все деревни малонаселенные.

К великой нашей чести — и к еще большей чести местных чиновников, работавших без лишних проволочек, — весь путь от Шринагара до Скарду мы проделали без единого дня перерыва, хотя оказались самым большим отрядом европейцев из всех, что когда-либо ходили по этому маршруту.

Между прочим, Центральная Азия — родина поло, в которое здесь и по сей день играют с огромным энтузиазмом и, разумеется, безо всех чванливых потуг на закрытый клуб. Правда, по каким правилам ведется игра, я так и не понял. Все попросту съезжаются верхом в одну толпу, вооружившись любой удобной палкой, какая подвернется под руку, и лупят по мячу как можно сильнее, но безо всякой определенной цели. Если кому-то кажется, что силы распределены неравно, он попросту переходит на другую сторону. Местный раджа играет бок о бок с беднейшим крестьянином, и на время матча воцаряется дух благородного равенства, или «рыцарства» в истинном смысле этого слова — боевого товарищества всадников.

Такая игра захватывает неимоверно. Она совершенно свободна от вожделения к результату, испортившего практически все командные игры, известные в Европе. Как ни странно, сейчас, на склоне лет, я внезапно примирился с нелепостью, которая бесила меня в школьные годы, — с требованием Чемпни, чтобы мы играли в крикет, не ведя счета¹. Все-таки этот сумасшедший был прав. В спортивные игры и впрямь гораздо лучше играть просто так, для удовольствия. А когда ведут счет, начинаются раздоры и посмертные разбирательства, что противно самому духу спорта. Альпийскому клубу удалось испортить даже скалолазание, поощряя борьбу за рекорды и заявляя, что здесь важно не удовольствие, а достижение. Результатом стали злые, бесчестные, завистливые интриги против тех альпинистов, которые совершали восхождения без проводников. Только американцам пристало подсчитывать и сравнивать, вместо того чтобы искать в спорте духовного удовлетворения. Именно об этом сказано в Писании: «Корень всех зол есть сребролюбие»².

1 См.: *Исповедь*, т. I, указ. соч., стр. 68.

2 I Тим. 6:10.

Из этого корня растут все современные попытки стандартизировать достижения, которые, в свою очередь, напрямую ведут ко всевозможным грязным приемам, фальсификациям, махинациям и разногласиям. Что может быть нагляднее в этом смысле, чем американский футбол и бейсбол, где команду натаскивают выполнять команды, которые тренер во время матча подает условными знаками? Или бесконечные попытки переманить к себе лучших игроков — не говоря уже о сделках с синдикатами букмекеров? Даже такие игры, как лан-теннис, изначально воплощавший в себе самый дух светской любезности, постепенно превращаются в бои гладиаторов. И так — во всех видах спорта; взять хотя бы бокс, в котором за полчаса на ринге человек зарабатывает больше, чем дюжина профессоров — за всю свою жизнь, посвященную усердному труду на благо человечества! Первопричина же всех этих несчастий — в том, что люди стали относиться к жизни слишком серьезно. От человека, которому удалось пробежать от Филадельфии до Нью-Йорка за один день, чуть ли не всерьез ожидают, что теперь он сможет написать энциклопедический труд по истории квакерства.

Трудно предсказать, во что все это выльется, но очевидно одно: рыцарство на спортивной площадке уже становится таким же достоянием прошлого, как рыцарство на поле боя.

Город Скарду, расположенный на высоте 2228 метров над уровнем моря, — это столица Балтистана. В нем проживает около двадцати тысяч человек. Горы здесь внезапно переходят в обширное плато, а Инд разливается почти до размеров озера. Сам Скарду, большой, но с редкой застройкой, больше похож на скопление деревень, чем на настоящий город. После долгого и многотрудного пути мы смогли в полной мере насладиться покоем и красотой этого приветливого убежища.

Мы остановились в гостевом доме, за которым всего в каких-то тридцати ярдах протекал восхитительно чистый ручей. Однажды вечером, уже после заката, какой-то местный молодой человек принес к нашему доктору своего брата, рабочего из каменоломни. На беднягу упал камень и рассек ему ногу до самой кости, от колена до щиколотки. Для операции требовалось много проточной воды. Мы отнесли пациента к ручью и светили доктору альпийскими фонарями. Рана была ужасная; мы предложили использовать хлороформ, но доктор сказал: «Не надо! Через несколько секунд парень и так потеряет сознание от боли», — и продолжил вымывать грязь и обрывать куски кожи. В конце концов, он зашил всю рану — длиной в четырнадцать дюймов, — но парень так и не потерял сознания. Более того, за все время он не издал ни единого стона и не произнес ни слова, и только где-то посередине операции совершенно спокойным тоном попросил попить.

Можно было бы восхититься выдержкой этого юноши, и дело с концом. Но я заподозрил, что на самом деле у монголов (а Балтистан населен монголоидами) нервная система совсем не такая, как у нас. Я осознал, что на этом и тому подобных фактах основаны китайские представления об эффективной пытке, и начал соотносить эти физиологические особенности с психологией и философией монголоидной расы. И это помогло мне понять: то, что мы называем абсолютной истиной, — на самом деле лишь утверждение о внутренних связях в наблюдаемой вселенной. В сущности, даже одноклеточный организм имеет полное право объяснить вселенную с точки зрения своего личного опыта, потому что ничего другого ему не остается, и любая осмысленная критика, которой можно подвергнуть его космологию, будет основываться

на таких фактах, которых он не знает и знать не может. Этот аргумент несложно перенести на наши собственные представления: любая религия по необходимости опирается на откровение и не может быть доказана ни логическим, ни опытным путем. Поэтому беззастенчивое утверждение веры — неизбежность для всякого верующего. Религия всегда противоречит разуму, и последователи любого вероисповедания должны быть готовы к тому, что их станут называть шарлатанами.

Однако из этой дилеммы вытекает одно интересное следствие. Религию можно основать не на теории и результатах, а на практике и методах. Честный и многообещающий путь — это постепенное совершенствование каждой индивидуальной души на основе проверенных принципов и, следовательно, продвижение к абсолюту посредством сознательного и целенаправленного развития способности к восприятию. По существу, эта идея лежит в основе посвящения. И она неопровержимо доказывает ценность Пути Мудреца, указанного адептами как магических, так и мистических школ. Ибо йога дает человечеству некий орган мышления, превосходящего рассудок, но согласованного с ним, а магия пробуждает духовные энергии, которые служат опорой для энергий разума и ведут их к полному расцвету и торжеству.

Однажды разразилась буря: ветер поднял песок с берегов Инда на высоту три тысячи футов, так что горы совершенно скрылись из виду. (Нечто подобное мне доводилось наблюдать в Камберленде. Как-то ночью с западного побережья пришел ураган, такой свирепый, что на железной дороге снесло с рельсов и покорежило несколько вагонов лондонского поезда. В сорока ярдах от моего отеля росло дерево; ветку с него — толщиной с мое бедро — ветер забросил через окно ко мне на кровать, но я не проснулся и обнаружил это только утром. К утру дождь прекратился, но ураган продолжал набирать силу. В округе повалило все каменные ограды. Водопады в холмах сносило в сторону, так что озерца под ними, куда обычно стекала вода, успели пересохнуть. А вода из большого озера поднялась и повисла в воздухе пеленой, заслонив Скафелл¹.)

Пока шла подготовка к следующему этапу экспедиции, мы отдыхали, рыбачили и взбирались для развлечения

¹ Скафелл — самая высокая гора в Англии (978 м).

на окрестные скалы. 19 мая мы переправились через Инд на пароме и двинулись к Шигару¹ по замечательно ровной дороге, идущей через лес. Долина Шигара, как ни странно, совсем непохожа на долину Инда, а сама река противоречит всему, что мы привыкли думать о горных реках: она не мчится бурным потоком, а плавно петляет по широкому каменистому нагорью.

Деревня Шигар напоминает оазисы в пустыне Сахара, как я обнаружил несколькими годами позже. Есть какое-то неопишуемое очарование в этих гроздьях уютных домиков, окруженных зелеными рощицами; но во всяком Эдеме таится свой змей, и в Шигаре эту роль выполнял местный миссионер. Мы пригласили этого дурака на обед. Он прожил в Балтистане уже семь лет, как и его предшественник, но ни тому, ни другому не удалось обратить ни единого туземца. Христиане вообще не производят впечатления на магометан. Антропоморфные и антропотейстические идеи, связанные с Воплощением, неприятно поражают людей, чьи представления о Боге, при всей своей иррациональности, хотя бы возвышенны: «Аллах, вечный; не родил и не был рожден, и не был Ему равным ни один!»² Столь же отвратительна для мусульманина и этика, основанная на идее Искупления. Как сказал Ибсен, «ваш Бог — это просто старик, которого вы водите за нос». Магометанство учит человека самоуважению; мусульманин общается со своим гипотетическим создателем напрямую; он не может избежать наказания за свои грехи, заплатив священнику или убедив себя, что за него уже понес наказание кто-то другой, ничуть этого не заслуживший. Буддизм по-своему не менее порядочен и честен, хотя и опирается на совершенно другие предпосылки, и только индусы низшей касты верят, что для спасения достаточно жертвоприношений и раболепного служения. Везде, где ислам и христианство встречаются в открытом соревновании, как в некоторых областях Африки, христианство выбирают лишь самые неразвитые негры, из тех, что договариваются с совестью, развешивая на ветках тряпки. Любой, у кого имеются хотя бы зачатки самоуважения, презирает фантастические суеверия, под которыми мы заставляем подписываться

1 Шигар — река в Балтистане, приток Инда.

2 Коран, сура 112 («Очищение [веры]»), пер. И. Ю. Крачковского.

архиепископа Кентерберийского, но может охотно принять простоту ислама как религии, поднявшейся над фетишизмом.

Дорога из Шигара в Аскол пролегает по очень разнообразной и красивой местности. На протяжении трех переходов мы шагали в гору под небольшим уклоном. Река обмелела так, что можно было пересечь ее вброд. В августе 1892-го Эккенштейн даже при помощи веревки не смог переправиться через один из притоков (которых у Шигара больше сотни). Но все дело (разумеется) в том, что сейчас еще не начали таять снега.

В один из дней пришлось прошагать несколько миль по круглым гладким камням речного ложа. Лошади бы здесь уже не прошли. Мы перебрались через «пари» (укрепление, вдающееся в реку) высотой более двенадцати сотен футов и на следующий день достигли Гомборо. Характер местности снова изменился: мы словно вернулись в верхнее течение Инда. Гомборо — это прелестная деревушка в окружении абрикосовых садов. Внизу, под террасами, бушует Бралду-Нала — свирепый горный поток, зажаты в узкой теснине. Самым ярким моим впечатлением от всего путешествия стало разнообразие географических условий. Как будто природа решила продемонстрировать на одном небольшом участке всё, на что она способна. Нигде больше я не наблюдал таких резких контрастов, такого изобилия неожиданных явлений, соперничающих друг с другом за изумленное восхищение зрителя.

Гостиниц в этом захолустье нет, так что заночевали мы в своих палатках. Затем пообедали на свежем воздухе под абрикосами, пока один из местных старейшин неподалеку от нас извергал содержимое своего желудка. Его принесли на нижний уступ, и по всему было видно, что он на последней стадии водянки; но, пополнив воды Бралду литров на пять, он встал и бодро направился домой на собственных ногах, которыми до того не пользовался несколько месяцев.

В этой долине многие страдают зобом, и я надеялся выяснить, почему. Как и в случае с раком, многие уже пытались сделать какой-то общий вывод на основе чересчур скудных фактов. Одна из самых известных дискуссий о зобе связана со швейцарской долиной Лётшенталь: люди, живущие в глубине долины, нередко сочетаются браками с обитателями прирейнских деревень; те, что расселились ближе к вершине, ищут

себе невест по ту сторону Петерсграта, в Лаутербруннене; а те, что обитают посередине, более склонны к близкородственным бракам. Было замечено, что зоб особенно распространен среди последней группы. Но Бралду-Нала полностью опровергает эту теорию: долина здесь такая же узкая и изолированная, вода тоже известковая, и прочие условия сходны с лётшентальскими, но в распределении заболеваемости между деревнями невозможно найти абсолютно никаких закономерностей.

По всей долине постоянно наблюдаются интереснейшие и престранные явления. Примерно в полутора часах пути от Гомборо протекает приток Бралду — узенький ручеек, время от времени скрывающийся под наносами грязи. Но пересечь его оказалось не так-то просто. Пришлось поставить человека, который следил бы за течением и подал бы знак, если внезапно хлынет вода. Затем я спустился по очень крутому и скользкому обрыву и высек в склоне ступеньки для носильщиков. Если бы кто-то поскользнулся, мы бы его уже не спасли. На переправу всего каравана ушло часа полтора. А еще через полчаса мы столкнулись с другой водной преградой, совершенно иного характера. По берегам этого притока разлилось целое озеро грязи. В целом течение было слабым и довольно равномерным, но на центральном участке шириной ярдов в сорок-пятьдесят неожиданно набирало силу. Когда-то техсилдар¹ из Скарду послал сюда людей, чтобы они навалили в реку больших камней. Пласты грязи смещались очень медленно, и за несколько дней удалось соорудить временный мост, а чтобы он не превратился в запруду, через центральную часть русла перекинули доски между камнями. Мы, разумеется, тоже внесли посильный вклад: каждый из нашего отряда взял самый большой камень, какой только смог поднять, и уложил на самое подходящее, с его точки зрения, место. Когда мы переправлялись через первый приток, я помогал всем перейти и в результате оказался в конце каравана; когда же я, наконец, добрался до этой второй, более грозной преграды, почти все носильщики уже благополучно пересекли ее по камням. Я последовал за ними, и это оказалось так же легко и просто, как перебежать по камешкам через какую-нибудь английскую речушку, торопясь на свидание.

¹ Техсилдар — в Индии и Пакистане: сборщик налогов.

Следующим развлечением у нас на пути стал веревочный мост. Основных «веревочек», сплетенных из веток, было три: по одной полагалось идти, за другие две — держаться; эти длинные веревки соединялись между собой сеткой из более коротких. Признаться честно, на первый взгляд конструкция выглядела несколько устрашающей; но я не мог отделаться от мысли о том, как сэр Мартин Конвей решил пощадить нервы своих спутников и встал в связку между Цурбриггенем и Брюсом, после чего перепорхнул через мост играючи¹.

На следующий день еще один веревочный мост привел нас обратно на правый берег Бралду, где природа припасла для путников еще одно неповторимо прекрасное зрелище. Узкое ущелье, по которому Бралду мчитя на протяжении многих миль, внезапно расширилось, и мы очутились посреди ласковой долины, окаймленной горами — гигантскими, но по структуре довольно посредственными, что выдавало их некоторую второсортность. За исключением рукотворных полей и садов, долина была начисто лишена растительности, как, впрочем, и весь Балтистан. Первое, что бросилось нам в глаза, вполне могло бы оказаться вывешенным на просушку кружевным платочком какой-нибудь Глюмдальклич, если бы мы высадились в Бробдингнеге². Склон холма покрывала какая-то изумительная завеса, ярко блиставшая на солнце, и по ближайшему рассмотрению чары не рассеялись: наоборот, мы воскликнули от восторга перед этим чудом природы.

«Завеса» состояла из кристаллических отложений на берегах горячих источников (38,3°C). Весь склон как будто покрывала инкрустация, ослепляющая белизной и поражающая изощренной сложностью своей геометрии. Весь груз цинизма, накопленный за двадцать шесть лет жизни, разом свалился с моих плеч. Я шагал по сияющему склону, и кристаллы поскрипывали у меня под ногами, как иногда скрипит снежный покров. На удивление приятный звук: как будто тишайшие аплодисменты некоей утонченной публики, инстинктивно проникшейся восторженным почтением к человеку, который осознает,

1 Конвей — см. примеч. 1 на стр. 132; о балтистанской экспедиции Конвея в 1892 году см.: *Исповедь*, т. I, указ. соч., стр. 193—194.

2 В тетралогии Дж. Свифта «Путешествия Гулливера» Глюмдальклич — великанша, персонаж романа о приключениях Гулливера в стране великанов (Бробдингнеге).

что не достоин войти в этот рай. У верхней кромки «завесы» располагается главный из нескольких источников, благодаря которым она возникла, — почти идеально круглый, около тридцати одного фута в диаметре и глубиной чуть более двух футов в центральной части. Купель самой Венеры!

Чтобы отважиться войти в этот чудесный источник, мне пришлось призвать на помощь осознание своей божественности. Вода в нем струится плавно и слегка отдает серой, но запах такой тонкий, что тоже доставляет изысканное наслаждение. Мы с Ноулзом и доктором больше полутора часов нежились в бархатистом тепле этой воды, вдыхая сухой и пьянящий горный воздух и наслаждаясь лаской солнечных лучей. Я испытал экстаз паломника, достигшего цели своих многотрудных странствий. С меня как будто смыло всю усталость долгого пути. Я чувствовал себя превосходно — и, кстати говоря, успел прийти в идеальную физическую форму. Я с самого начала понял, что подготовка к путешествию такого рода заключается в том, чтобы как можно лучше отъестся перед началом и постараться как можно дольше не растерять запасы жира. В итоге теперь я пришел в такую же кондицию, в какой Пфанль был в Шринагаре. Я мог бы преспокойно прошагать сорок восемь часов подряд, и ничего бы мне от этого не было.

Что до Пфанля, то он пока еще тоже сохранял отличную форму, но успел растратить почти весь свой запас сил, хотя и не подавал виду. В свои тридцать один он был куда выносливее меня. Между прочим, люди судят об особенностях возраста совершенно превратно. В двадцать с небольшим хорошо заниматься скалолазанием и писать лирические стихи, но экспедиция в Гималаи или сочинение пьес — это занятия для тридцати- или сорокалетнего. Эккенштейну было сорок три, но только глупец счел бы его слишком старым для такого похода, а вот Ноулз, моложе его на двадцать лет, был как раз чересчур молод. Легче всего путешествие давалось тридцатитрехлетнему Гийярмо и тридцатиоднолетнему Вессели.

В случае с Вессели это объясняется, по большей части, тем, что у него просто не хватало воображения расхвораться. Такого отменного поросенка никто из нас еще сроду не встречал. Он был очень жадным и очень близоруким. Чтобы поесть, он наклонялся над самой тарелкой и, работая ножом и вилкой, как

лопастями гребного колеса, закидывал еду себе в рот со скоростью автомобильного мотора. Что-то ему при этом удавалось поймать губами, но что-то непременно вываливалось обратно. Под конец он укладывал на идеально чистую тарелку столовые приборы, тоже облизанные дочиста, и требовал добавки. Ничего более отвратительного я не видал за всю свою жизнь. Хороший исследователь по натуре своей не брезглив, но когда Вессели приступал к приему пищи, нам приходилось отворачиваться. Однако я признаю и презираю свою человеческую слабость. Все разновидности таланта следует ценить и изучать, а Вессели был в своей области чемпионом мира.

Впервые я встретил настоящего обжору еще в Тонбридже¹. Одним из моих лучших друзей был самый толстый в школе мальчишка (племянник Адамса, открывшего Нептун²). Однажды ему прислали из дому два фунта стерлингов, и он отправился в кондитерскую, где за шесть пенсов можно было купить здоровенную порцию мороженого. Мы с ребятами надеялись, что достанется и на нашу долю, но Адамс с истинно римской твердостью сказал «нет» и слопал все восемьдесят порций без посторонней помощи³.

Один из моих ближайших друзей из Кембриджа, Парес Эммануэль, проявил себя как непревзойденный едок. Однажды я порвал шину своего гоночного родстера и сильно задержался в Хитчине⁴. Когда я добрался до Кембриджа, заказывать обед на кухне было уже поздно, и оставалось только отправиться к Паресу в надежде, что он меня накормит. Заглянув к нему, я решил, что мне повезло: Парес курил и читал книжку, устроившись за столом, накрытым на шесть персон в духе подлинно раблезианского гостеприимства. Не дожидаясь приглашения, я уселся напротив, но, к моему удивлению, Парес запротестовал, заявив, что угощения и так едва-едва хватит на приглашенных. «Черт побери! — воскликнул я. — Подожди, не гони меня; может, кто-нибудь из них еще не придет». И Парес сжалился надо

1 Тонбридж — город в графстве Кент (Англия), где находилась частная школа, в которой учился Кроули.

2 Адамс, Джон Коуч (1819—1892) — английский математик и астроном, один из двух (наряду с французским математиком Урбеном Леверье) первооткрывателей планеты Нептун (в 1845 году).

3 До 1971 года в одном фунте стерлингов было 240 пенсов.

4 Хитчин — город в Англии неподалеку от Кембриджа и Лондона.

мною, проворчав, что эти незаконнорожденные нарушители закона о поправках к уголовному кодексу¹ и так уже подзадержались. После двух партий в шахматы он, наконец, вспомнил, что забыл разослать приглашения! Мы разделались с обедом сами, и, Богом клянусь, что на мою долю досталось не более полутора или полутора с четвертью блюд.

Позже я пригласил Пареса на ужин в Лондоне. Он начал с двух жареных камбал, продолжил стейком-портерхаусом, а что было дальше, я не помню. Но по сравнению с Вессели он был настоящий Суччи²! На обратном пути, когда мы добрались до Рдокасса, слуги попросили разрешения отпраздновать это событие, забив двух овец из стада, которое мы гнали с собой; разумеется, они пообещали приготовить лучшие кусочки для сахибов. Пфанль вообще не мог ничего есть, да и Гийярмо едва жевал, но слуги все-таки упросили нас. В результате Вессели сожрал обеих овец практически целиком. Конечно, горная овца не чета саутдауну³: весу в ней не больше, чем в четырехмесячном ягненке из Сассекса. Но все же подвига Вессели это не умаляет.

К тому же, сам я по прибытии в Рдокасс повел себя немногим лучше. Почти два месяца я питался одними консервами, и эта свежая, полупропеченная баранина чуть не свела меня с ума. Я мучился от нехватки сахара и от приступов малярии, вызывавших постоянную рвоту и понос. Но никогда за всю свою жизнь я не пробовал ничего вкуснее этой баранины. Я обожрался под завязку, перетерпел чудовищный припадок рвоты и попросил вторую порцию.

Я не датчанин — римлянин скорей.

Барашек здесь остался...⁴

Можно упомянуть, кстати, что этот опыт убедил меня в справедливости индуистских представлений о пране.

1 Имеется в виду закон 1885 года, ужесточивший наказания за преступления сексуального характера.

2 Суччи — итальянский авантюрист, путешественник по Африке и «артист голодания», с 1886 по 1904 годы проводивший под наблюдением врачей 10 экспериментов по голоданию (от 20 до 45 дней каждое).

3 Саутдаун — английская мясошерстная порода овец.

4 Переделанная цитата из «Гамлета» У. Шекспира (акт V, сцена 2, в рус. пер. Б. Пастернака: «Я не датчанин — римлянин скорей. / Здесь яд остался...»)

С пищей в наш организм поступают не только различные химические вещества, вызывающие те или иные физиологические реакции: мы еще и поглощаем непосредственно то, что, за неимением других терминов, я вынужден называть жизненным началом пищи. Еще при восхождении на Истаксиуатль мы обнаружили, что консервы десятилетней давности куда менее питательны, чем свежезакатанные. И из мяса свежеебитого барана, которое успели приготовить до того, как началось трупное окоченение, мы получаем куда больше энергии, чем из обычного мяса, купленного в лавке. Позже я обнаружил, что могу основательно опьянеть от полудюжины устриц, если буду пережевывать их долго и вдумчиво, как делают йоги.

В одном из направлений хатха-йоги учат направлять перистальтику пищевода в обратную сторону, чтобы можно было извергать пищу тихо и без судорог. Чтобы разработать соответствующие мышцы, йог заглатывает несколько ярдов полотна, а затем извлекает их обратно. После этого он переходит к аналогичным упражнениям с едой: съев обычную порцию риса, он некоторое время удерживает ее в желудке, а затем тихо извергает. По виду этот рис остается неизменным, но питательных веществ в нем уже нет: если покормить им собаку, она останется голодной. Йогу все это нужно для того, чтобы избавить тело от необходимости перерабатывать бесполезные элементы пищи. Приходится предположить, что существует некая тонкая энергия, связанная с органическими веществами, и что после смерти она постепенно рассеивается — поначалу очень быстро, а затем все медленнее и медленнее, так что в целом процесс может растягиваться на несколько лет. Нечто подобное происходит при очищении спирта: при первой дистилляции удаляется основная масса примесей, но для избавления от остальных требуется многократное фракционирование.

От горячего источника пологий склон ведет в долину Аскола. Переход здесь недолгий, легкий и чрезвычайно приятный. У нас он занял всего пять часов, три из которых мы потратили на переправу по веревочному мосту и, собственно, на купание.

До сих пор нам исключительно везло. Погода почти все время стояла прекрасная, носильщики вели себя превосходно; никаких несчастных случаев и никаких болезней, не считая мучившего меня раздражения кожи. Но в Асколе несколько наших слуг ненадолго вышли из строя.

В этой деревне мы провели десять дней. Это было последнее поселение, в котором еще можно докупить припасы. Поэтому мы решили создать склад провизии дальше по маршруту. Проблема путешествия по ненаселенной местности — в том, что человек, съедающий (допустим) два фунта в день и способный нести на себе шестьдесят фунтов, не может взять с собой в тридцатидневный поход ничего, кроме собственного запаса пропитания. Таким образом, нам нужно было разместить около ста десяти корзин на расстоянии не менее двадцати дневных переходов (туда и обратно). Мы скупили все съестное в долине до последнего фунта и наняли всех, кого только можно было нанять. На одну корзину для склада требовалось три человека: один нес саму эту корзину, а остальные двое — провизию для всех трех. Ресурсы долины оказались буквально на пределе.

В Асколе у нас с Эккенштейном возникли разногласия — впрочем, не слишком серьезные. Заранее было решено, что по леднику каждый из нас будет нести на себе не более сорока фунтов, но на деле оказалось, что многие корзины весят за пятьдесят. Я со своими личными вещами не укладывался в этот лимит. Эккенштейн потребовал, чтобы я оставил в деревне свою библиотеку. Согласно его теории, человек, путешествующий по дикой местности, должен временно и сам превратиться в совершенного дикаря; однако я уже знал по опыту, что не хлебом единым жив человек, но всяким словом, исходящим из уст Господних¹. Мне представлялось, что духовная и моральная неустойчивость, от которой страдают почти все европейские исследователи в неизведанных странах, вызвана не столько трудностями и неудобствами физического свойства, сколько недостатком возможностей для интеллектуального отдыха. Яркие примеры таких психологических процессов представлены у Конрада в «Аванпосте прогресса»²

1 Аллюзия на Мф. 4:4.

2 «Аванпост прогресса» (1897) — рассказ Джозефа Конрада (1857—1924) о моральной деградации двух европейцев, проживших долгое время

и в рассказе Киплинга о сошедшем с ума зрителе маяка¹. Лучшие друзья могут вцепиться друг другу в глотку за кусок сахара. Не стану утверждать, что без Мильтона и прочих я бы не вынес пребывания на леднике Балторо; но, так или иначе, Пфанль действительно сошел с ума, Вессели начал воровать еду, а Эккенштейн и Ноулз² чуть не рехнулись от страха перед холерой. Не считая меня, совершенное душевное равновесие сохранил только доктор, который постоянно старался чем-то занять голову: вел наблюдения за природой, фотографировал, писал статьи для швейцарских газет и вел подробный дневник, чтобы затем написать книгу о нашей экспедиции, а в немногое оставшееся свободное время играл со мной в шахматы.

В споре Эккенштейн повел себя не слишком красиво, что было абсолютно не в его духе и свидетельствовало о том, каким тяжким испытанием для его характера стало постоянное общение с глупыми и тщеславными австрияками. Я не стал тратить слов понапрасну, а просто пожал плечами и заявил: либо я беру с собой свои книги, либо покидаю отряд. Разумеется, я настоял на своем. Некоторые скажут, что я принял это слишком близко к сердцу, но к подобным вопросам я всегда отношусь очень серьезно. Мне проще голодать физически, чем умственно. И одно из самых ужасных последствий старения — в том, что среди современников находится все меньше и меньше людей, способных поддержать беседу. Волей-неволей остается все усерднее искать себе собеседников среди великих мастеров прошлого и бестелесных духов.

Пфанль и Вессели стали несносны. Они жаловались на дисциплину, к которой принуждал всех Эккенштейн, и докучали всем остальным, так что мы были только рады, когда они уходили на весь день, чтобы героически покорять окрестные скалы. Но когда они заявили, что возьмут с собой провизии на три дня и одолеют К2 без нашей помощи, Эккенштейн призвал их к порядку. Удивительно, что за столько дней пути они не научились оценивать масштабы этих гор. Мерить расстояния

на уединенной фактории в африканских джунглях.

1 Имеется в виду рассказ Редьярда Киплинга (1865—1936) «Нарушитель судебного движения» (1891), также известный в русском переводе под названием «Пират с маяка».

2 Последний попросту поддался влиянию начальника — сам по себе он бы и бровью не повел. — Примеч. А. Кроули.

футами и милями здесь невозможно. Я и сам толком не понимаю, почему, — но это, без сомнения, так. В Гималаях нечего и надеяться, что тебе удастся взобраться на гору высотой, допустим, в пять тысяч футов так же быстро, как в Альпах. Во-первых, даже если вы находитесь в идеальной форме, многодневный поход все-таки сказывается: делать лишние усилия становится физически невозможно. Разница не меньше, чем между сотней ярдов и тремя милями при прогулке по Квинсу. К тому же, мне кажется, есть какой-то трудноуловимый фактор, ограничивающий возможное количество усилий в день. И я это прекрасно понимал, даже если не мог объяснить толком.

Еще одно затруднение, с которым мы вскоре столкнулись, ясно показало, что иностранцы в нашей экспедиции — по-просту мертвый груз. И даже от Ноулза при всей его кротости, бодрости и хладнокровии проку было немного. Отряду предстояло разделиться, чтобы осуществить наш план с продовольственным складом. На хиндустани говорили только мы с Эккенштейном; только Эккенштейну или мне можно было доверить руководство. Австрияки то и дело пытались геройствовать, а Гийярмо в конце концов продемонстрировал свою никчемность, отбившись от группы и застряв в расселине на совершенно ровном месте. Его злоключения непременно уронили бы наш престиж в глазах туземцев, если бы те уже не относились к нему как к Тартарену. Таким образом, в вопросе о руководстве мы решили действовать по обстоятельствам. Эккенштейн не знал себе равных как организатор, так что выбора не было: ему предстояло остаться в Пайю, чтобы руководить поставками провизии. В результате мне пришлось возглавить поход и, вдобавок, выступить без спутников, потому что австрияки были неразлучны, а Ноулзу и доктору лучше было держаться как можно ближе к Эккенштейну. Соответственно, мы разделились на четыре партии: я с избранной группой носильщиков вышел первым, австрияки — днем позже, Ноулз и доктор — еще через двадцать четыре часа, а Эккенштейн — как только я выполнил свою задачу, то есть провел разведку и заложил главную стоянку у подножия горы. Я не мог избавиться от чувства, что Эккенштейн сплеховал, набрав такой трудноуправляемый отряд. И по сей день я уверен, что если бы мы с ним взяли с собой только Ноулза, то избежали

бы доброй половины неприятностей и, возможно, даже успели бы дойти до вершины, пока погода не испортилась.

Благодаря быстрому переходу от Шринагара мы опережали график на пару недель. Мы опасались, что приступим к восхождению не по сезону рано, но теперь я понимаю, что гораздо лучше было бы поторопиться, пока из Индии не пришли муссоны.

Включение иностранцев в отряд повредило нам еще в одном отношении, а именно: Экенштейн каким-то образом забыл о самоотверженной сосредоточенности, необходимой для Великой Работы любого рода, и испугался, что между нами возникнет соперничество на национальной почве. Поэтому он запретил мне пересекать бергшрунд¹, пока весь отряд не доберется до главной стоянки, которую мне и предстояло устроить у подножья горы. Очень жаль, что я не вспомнил вовремя о том, что сказал Нельсон по поводу своего слепого глаза². Когда я добрался до 10-й стоянки на плоской части ледника, располагавшейся выше ледопада, я увидел, что безо всякого труда мог бы подняться по юго-восточному склону Чогори и дальше, на уступ под последней пирамидой; и если бы я так и сделал, то мы безо всякого сомнения совершили бы стремительный рывок до самой вершины.

5 июня я выступил в Корофон, стараясь продвигаться как можно медленнее. Переход занял сорок восемь часов. По дороге я пересек глетчер Биафо и здесь впервые ощутил, что такое настоящие Гималаи. Перепад между дневными и ночными температурами здесь чудовищный. Днем даже в тени столбик термометра редко опускается ниже 25° по Цельсию, а нередко переваливает за 30° и даже подбирается к 40°, а по ночам даже в Асколе не поднимается выше нуля, а на глетчере и вовсе скачет от -10° до 30°. В результате даже за несколько минут прогрева под прямыми солнечными лучами может произойти катастрофа. Толстый и прочный наст исчезает почти мгновенно, и под ногами начинает хлюпать тающий снег. Вершины скал,

1 Бергшрунд — трещина, отделяющая нижний край ледника от скал.

2 Имеется в виду знаменитая фраза британского флотоводца Горацио Нельсона (1758—1805), сказанная в 1801 году во время битвы за Копенгаген. Получив приказ об отводе войск и решив не выполнять его, Нельсон приложил подзорную трубу к слепому глазу и заявил, что не видит сигнала: «У меня всего лишь один глаз, и я имею право иногда быть слепым».

поднимающиеся над ледяной коркой, невероятно быстро раскаляются, и вокруг них возникают проталины, застающие врасплох любого, кто не имеет другого опыта, кроме альпийского. Мне повезло, что я ходил в горы в Мексике: благодаря этому я научился предвидеть подобные явления. Но первое предупреждение в этом переходе я получил, когда увидел, как прямо передо мной и авангардом носильщиков рухнули два гигантских камня, которые в иных условиях могли бы пролежать на своем месте еще не один год.

Что касается Корофона, то это не какое-то поселение, а всего лишь точка на карте, единственным опознавательным знаком которой служит гранитный кубический блок высотой футов в двадцать, под двумя нависающими сторонами которого стоит невысокая стенка, построенная пастухами, иногда выгоняющими сюда свои стада. Остается только гадать, зачем: трава здесь чрезвычайно скудная и жесткая.

На следующий день я двинулся дальше, к местности под названием Бардумал у подножья отрога. Здесь, как ни удивительно, попадаются даже деревья. Дорогу преграждает Пунма — широкая, но мелкая речка, которую нам удалось без особого труда перейти вброд. Обходная тропа, которой мы были вынуждены воспользоваться на обратном пути, ведет примерно на шесть миль вверх по течению, где через реку переброшен веревочный мост. Не исключено, что на скорость течения влияет атмосферное давление: реки здесь мчатся куда быстрее, чем можно ожидать от такого пологого склона. К тому же, поток несет с собой круглые камни, представляющие немалую опасность. На обратном пути Ноулз попытался переправиться вброд, но его тут же снесло течением, хотя глубина была всего по колено; и если бы мы не вытащили его за веревку, которой он благоразумно обвязался заранее, он бы утонул или был забит этими камнями до смерти за несколько секунд. Даже и так он успел получить два сильнейших ушиба: один камень чуть не пропорол ему бедро, а другой — спину. Между тем, глядя на фотоснимки этой реки, даже не заподозришь, что переправа через нее сопряжена хоть с какой-то опасностью.

На следующий день мы выступили в Пайю; унылый пятичасовой переход скрашивало только чувство, что мы все-таки не стоим на месте. Из узкой долины, зажатой между крутыми

склонами отрогов, высокие пики были не видны, но под конец пути мы впервые смогли лицезреть гигантскую Музтаг-Тауэр¹, и это великолепное зрелище возместило нам монотонность перехода.

В той местности попадаетея немало интереснейших явлений, хотя мы уже пресытились грандиозным и необычным. Так, например, какую-то часть пути мы в буквальном смысле несколько часов шли по красным гранатам. Еще одно чудо — целый хребет слоистых вулканических пород, блиставший черным на фоне серых и коричневых скал. Неподалеку от Пайю есть настоящая горная гряда из спрессованной ледниковой грязи. Чуть подальше тянется ряд ледниковых столов — колонн изо льда, увенчанных гигантскими валунами. Эти колонны кажутся очень тонкими и сужаются кверху, но камни на вершинах защищают их от полного разрушения.

Собственно, Пайю — это открытое плато, на котором нам попало аж три дерева. Нам предстояло провести там день, чтобы построить каменную хижину для защиты наших припасов и перепаковать корзины.

В ходе этой работы назрела и дала о себе знать проблема со слугами-пуштунами. Нам и прежде несколько раз жаловались на их заносчивость и пренебрежительное отношение к туземцам, а теперь, вдобавок, обнаружилось, что по дороге они расхищали наш передвижной скотный двор, включавший в себя, кстати сказать, пятнадцать овец и тридцать коз. Кроме того, выяснилось, что пуштуны выкрали и распродали практически весь наш резерв сахара. Ничего не оставалось, как уволить их, — что мы и сделали.

В связи с этим произошел один занятный случай, о котором я всегда буду вспоминать с особым восторгом. Мне удалось примерить на себя роль Гаруна ар-Рашида и осуществить то восточное правосудие, которое воспевают поэты. Перед тем, как выступить в путь, мы снабдили этих негодяев великолепными новыми куртками. Один из пуштунов, не довольствовавшись этим, хитростью выманил у одного из кашмирских слуг его обноски и начал требовать, чтобы проигравший разделся и отдал победителю его законную добычу. Если бы тот подчинился, ему

¹ Музтаг-Тауэр — гора высотой 7245 м в составе Каракорума, расположенная между ледниками Балторо и Сарпо Лагго.

стало бы попросту не в чем ходить. Кашмирец пожаловался мне, и признал, что, по меркам туземной справедливости, одежда принадлежит пуштуну. Тот ухмыльнулся, возликовал и с новым энтузиазмом напустился на свою несчастную жертву. «Нет, погоди! — вмешался я. — Куртка Хасана — действительно твоя; но та куртка, что на тебе, — моя!» И я заставил пуштуна разоблачиться и передел Хасана в его роскошную куртку, а главный злодей этой истории — к радости всего каравана — угодил в собственную ловушку и попелся восвояси (где его уже поджидала тюрьма) в жалких лохмотьях, которые, вдобавок, были ему заметно тесны.

Это очень поучительный случай. Один из лучших способов произвести впечатление на восточного человека — проявить изобретательность в деле правосудия, не выходя за рамки закона. Инстинкт, вызывающий в нас сочувствие Арсену Люпену, Раффлзу¹ и им подобным, распространен повсеместно. К сожалению, на Западе вера в справедливого деспота иссякла. Наши судьи, похоже, получают циничное удовольствие от размышлений о всевозможных нелепостях и мерзостях, проистекающих из формального следования закону. Мы потеряли из виду тот факт, что закон — это, в сущности, не более чем обобщенное утверждение господствующих обычаев. Именно поэтому примитивные законы не имеют почти ничего общего с абстрактной идеей правосудия: они всего лишь стараются вынудить людей подчиняться общепринятым условностям.

Но в наши дни законодательство совершенно распоясалось. Оно стало эдакой вещью-в-себе и притязает на право преобразовывать обычаи народа с полным пренебрежением к его желаниям и нуждам, ибо стремится соответствовать неким абстрактным идеалам, не принимающим в расчет реальные условия жизни. Самый возмутительный пример подобной бесчеловечной тирании — это, разумеется, «сухой закон». Но, вообще говоря, все подобные преступления против здравого смысла рано или поздно оказываются отомщены. Закон Моисея был совершенно непонятен простым сынам

¹ Арсен Люпен и Раффлз — благородные разбойники, герои романов французского писателя Мориса Леблана (1864—1941) и рассказов английского писателя Э. У. Хорнунга (1866—1921) соответственно.

Израилевым, но в наши дни даже величайшие из судей не способны понять, чего требует закон, пока не возникнет соответствующий прецедент.

Даже самый честный и законопослушный человек не может быть твердо уверен, что не нарушает какого-нибудь постановления. Особенно отвратительные и поистине гилбертианские¹ формы это явление приняло в США, где федеральные законы, законы штата и полицейские правила вступают в противоречие друг с другом на каждом шагу. «Незнание закона не освобождает от ответственности» — но то и дело заставляет человека идти на риск, не осознавать которого он не может, и в результате закон теряет уважение в глазах людей и постепенно выходит из употребления. Между тем мелкие мошенники изучают законодательство досконально и пользуются им для шантажа. Мы не раз наблюдали, как законы о цензуре, лицензировании или налогах и даже некоторые торговые и уголовные законы произвольно обращали против людей, которым и в голову не приходило, что они что-то нарушают: ведь они поступали в точности так же, как все.

38

9 июня я выступил из Пайю, взяв с собой человек двадцать носильщиков. Очень скоро мы добрались до фронта ледника — черного, скользкого и даже в самом узком месте поднимающегося почти на пятьсот футов. Здесь из пещеры вытекает Бралду — очень неприятное зрелище. Многие явления, с которыми мы столкнулись в этом походе, внушают своего рода ужас. Когда я читал книги о путешествиях, мне казалось совершенно нелепым ассоциировать с природой какие-то моральные качества. Любую подобную идею, особенно в тот период своей жизни, я должен был бы отвергнуть с презрением; однако теперь, задним числом, я могу проанализировать свои тогдашние чувства беспристрастно. Этот грязный поток, вырывающийся из огромного черного жерла, и впрямь производил совершенно отвратительное впечатление. Но, возможно, все дело в том, что я (естественно) остановился, чтобы как следует

¹ Т.е. подобные тем, которые высмеиваются в комических операх Уильяма Швенка Гилберта (1836—1911).

разглядеть его, а от огромного ледника повеяло холодом, и эти физические ощущения я невольно преобразовал в эмоциональные и по ошибке счел неприятным не то, что я почувствовал, а то, что увидел. Кроме того, вероятно, сыграл свою роль фрейдистский элемент: холодная, черная, грязная вода, непрестанно бурлящая и неукротимая, могла вызвать ассоциации с кровью, хлещущей из раны, или с какой-нибудь болезнью вроде нефрита. Особенно раздражал общий тон — чернота наносов и обломков, засорявших реку.

Отыскать дорогу до ледникового фронта не составило труда. Я знал, что первый лагерь, Лилигоу, находился на левом берегу, и двинулся в этом направлении. (Прошу немецких профессоров, которые будут читать эту книгу лет через двести, не путать название этой стоянки с кембриджским «little-go»¹, хотя и то, и другое — лишь первые ступени к одинокому долгому восхождению в пустоту.)

Ледник оказался для меня настоящим откровением. До сих пор разница в масштабах между привычными горами и Гималаями просто усугубляла трудности, но теперь они стали возрастать в геометрической прогрессии с огромным знаменателем. В Швейцарии, по-видимому, нет ни одной морены высотой более ста футов. Здесь же они достигают от тысячи до полутора тысяч футов. Ледник Балторо питают около двадцати малых ледников-«притоков», и при каждом из них — не менее трех морен. И все это зажато в узком пространстве: основной ледник составляет около тридцати миль в длину, а в ширину редко где превышает две мили. Морены бесцеремонно теснят и отталкивают друг друга. Из-за этой толчеи образовалось множество крутых каменистых склонов. На протяжении первых десяти миль трудно даже осознать, что ты уже на льду: все сплошь завалено камнями, подчас огромными, но все равно очень неустойчивыми. Кроме того, и лед, и камни расшатаны из-за перепадов давления и температуры. Таким образом, после того как по этому участку ледника пройдет отряд, все здесь преобразуется до неузнаваемости, гораздо более радикально, чем в Альпах. Выбирать дорогу очень утомительно, и во многом приходится полагаться на удачу: невозможно предсказать, в какой момент натолкнешься на препятствие.

¹ Предварительный экзамен на степень бакалавра (англ.).

Если, например, по швейцарским ледникам кое-где текут ручейки, то здесь вместо них запросто можно встретить бурный поток шириной и глубиной до ста футов. В Альпах таких ручьев, которые нельзя было бы просто перешагнуть, попадалось немного, да и те я без труда перепрыгивал.

Полагаться в поисках пути на одно только зрение невозможно: что-нибудь обязательно заслоняет обзор, и даже если взобраться на вершину морены, проку от этого будет мало. Даже опытному альпинисту все это столпотворение обломков не говорит ни о чем. Редко когда удается отыскать относительно ровную тропу длиной хотя бы в пару сотен ярдов. Каждую линию морены приходится одолеваять с настроем первопроходца, выискивающего путь через нехоженую горную гряду. Из-за неустойчивой поверхности ноги постоянно соскальзывают, так что в целом этот путь донельзя утомителен, как морально, так и физически. Впрочем, наградой за усилия служит великолепие окрестных гор. Такого разнообразия форм не встретишь нигде в целом мире. И впечатление тем сильнее, что все эти вершины по нашим современным стандартам неприступны. Человек, привыкший к горам, всегда инстинктивно прикидывает маршрут, а здесь буквально на каждом шагу поражаешься, какую совершенную оборону держат даже относительно невысокие пики.

Над лагерем в Лилигоу высятся грозные каменные стены, изрядно раскрошившиеся под натиском стихий. Кое-где видны даже нависающие скалы; только диву даешься, как они там еще держатся, — особенно ввиду того, как стремительно здесь протекает распад.

На следующий день мы направились дальше, в Робутсе; переход оказался очень короткий, но я не хотел утомлять людей, да и других удобных мест для стоянки поблизости не было. В первой половине дня шел снег с дождем, но после полудня небо прояснилось. Вскоре после заката внезапно подул резкий, очень сильный ветер. На одиннадцатый день пути мы выступили в Рдокасс; это был гораздо более длинный переход, если мерить в милях, но зато идти по леднику стало значительно легче. Попадались довольно длинные ровные участки.

Туземцы держались великолепно во всех отношениях; по силе характера они превосходят любой из всех известных

мне народов. За все время между ними не случилось ни единой драки или хотя бы сколько-нибудь серьезной ссоры. Можете себе представить, как вели бы себя в схожих обстоятельствах европейские крестьяне! Пожалуй, о некоторых привычках местных жителей стоит сказать особо. Во-первых, они за всю свою жизнь ни разу не раздеваются. Младенца заворачивают в тряпку; через некоторое время — во вторую поверх первой, и так далее. Самый внутренний слой так никогда и не убирают: ему просто дают истлеть на теле. Чем богаче становится человек, тем больше одежды он может себе позволить, и в результате деревенские старосты похожи на рулоны ткани.

Кроме того, туземцы весьма изобретательно готовили пищу на леднике. Они разводили костер, выбирали как можно более круглый камень и основательно его прогревали. Затем обмазывали этот камень тестом из муки с водой, заворачивали его в подол своей накидки и шли дальше. К концу перехода тесто пропекалось, но не успевало остыть.

Купаться на леднике невозможно — нельзя даже вымыть руки. Из-за чрезвычайно сухого воздуха кожа теряет весь природный жир и становится такой хрупкой, что от воды сразу же начинает отслаиваться, оставляя страшно болезненные и практически неизлечимые раны. Чтобы защитить руки, я старался, чтобы они все время оставались как можно более жирными и грязными. Тогда их можно опускать в воду, только ненадолго, — и ни в коем случае не тереть. Можно даже сунуть руку в кипяток, потому что при таком низком атмосферном давлении температура кипения воды заметно падает. Например, даже в Рдокассе, на высоте 13 904 фута, вода закипает при 87,4°С, а еще выше — и при более низких температурах.

Хотя купаться здесь нельзя, тело почему-то не грязнится. Последнюю ванну я принял 25 мая, после чего не мылся до 19 августа — восемьдесят пять дней, однако обнаружил, что остался совершенно чистым, за исключением рук и лица. Единственное неудобство в этом отношении доставляли вши. Они поселяются в швах одежды, и выгнать их оттуда невозможно. Даже если как следует все перетрясти, насекомые тотчас вернуться, как только поблизости окажется один из туземцев.

Рдокасс по сей день живет в моей памяти как истинная земля Гевла¹. Это широкий скальный выступ, поросший травой, в двух-трех сотнях футов над ледником. Во все стороны отсюда открываются великолепные виды. Но все же в этом месте было нечто странное; очень сильно чувствовалось какое-то беспокорство. Трава здесь росла обильно, попадались даже цветы. Соответственно, я отправил гонца с распоряжением привести сюда скот, который мы с собой гнали. По любым меркам это был последний оазис на нашем маршруте — и, более того, единственное подобное место на всем леднике. На следующий день мы направились в Лунгку, лежащую по другую сторону ледника. Поиски пути через морену меня страшно нервировали, тем более что приходилось останавливаться и складывать из камней вешки для групп, шедших следом, и было не очень понятно, к какой именно точке на другом краю ледника надо идти. На полпути я забрался на высокую скалу и сориентировался по компасу: отсюда были видны Машербрум (25 660 футов)² и Гашербрум (26 630 футов)³, самые эффектные пики во всем хребте: первый — исполинский клин из камня и льда, ослепительно сверкающий на солнце, второй — тускло освещенный конус. Из-за особенностей своего расположения последний выглядит так всегда. Мы ни разу не видели его освещенным полностью: это было возможно только на закате, а именно в это время суток всегда бывало облачно. Показания компаса расстроили меня донельзя. Я попытался соотнести реальность с картой Конвея и столкнулся с трудностями не менее суровыми, нежели те, что лишали покоя и сна викторианских теологов. Туземцы попытались помочь, но стало только хуже: Конвей в свое время записал названия ледников со слов местных жителей, но лично я получил от местных жителей несколько иные сведения.

В Лунгке я построил укрытие для носильщиков — невысокую каменную стенку, за которой они могли спрятаться лежа,

1 Гевла — в Ветхом завете: обширная равнина, во времена Иисуса Навина принадлежавшая филистимлянам, но назначенная в наследие сынам Израилевым.

2 Машербрум — высшая точка (7821 м) одноименного хребта в Центральном Каракоруме.

3 Имеется в виду Гашербрум I, известный также под названиями «Скрытый пик» и Кз. Это вторая по высоте вершина Каракорума (8080 м).

если подует сильный ветер. Взять с собой палатки для них, разумеется, было бы невозможно; но, кстати говоря, туземцы никогда не жаловались на холод. Столбик термометра до 19 июня не опускался ниже минус пяти по Цельсию.

На следующий день мы добрались до Гхора, где оказалась прекрасная площадка для лагеря, усыпанная мелким ровным песком. (На обратном пути ее полностью затопило.)

Переход от Гхора до Бианга — долгий, но не скучный. С каждым шагом нам открывались все более и более великолепные виды, а удаленность от цивилизации уже начала оказывать на меня благотворное действие. Осознавая колоссальную диспропорцию между нашей микроскопичностью и этими грандиозными горами, избавляешься от самодовольной веры в человека как первопричину всего сущего. Но в итоге чувствуешь не унижение, а смирение, и это чувство — лишь преддверие самоотречения, восстанавливающего равновесие путем отождествления с природой, столь незначительной частью которой оказывается физическое основание нашей сущности.

Из Бианга через ледник можно разглядеть пик Митры. Это относительно невысокая вершина (7500 метров), но ее архитектура несравненна. И назвать ее по-другому было бы невозможно: с той точки, откуда наблюдал ее я, эта двурогая гора мгновенно наводит на мысль о епископской митре (кстати, я и сам не упустил случая пополнить географическую номенклатуру, окрестив «Тремя башнями» одну из окрестных гор, которую венчают три скалы, похожие на шахматные ладьи.)

На следующий день, совершив короткий переход, мы добрались до Доксама. Отсюда было уже рукой подать до верхней части ледника Балторо, берущего начало на высоте 15 518 футов. В итоге, пройдя около тридцати миль, мы поднялись всего на каких-то четыреста футов. Но теперь, наконец, я стоял у вершины ледника на высоте, немногим уступающей Монблану. Впереди ледник расширялся: здесь сливались воедино три крупных и нескольких мелких глетчеров. Мне тут же пришла на ум оберландская Конкордия¹, и на добрую память о ней я дал такое же название и этому плато.

¹ Конкордия — место слияния ледников в Бернском Оберланде (Центральные Альпы).

И снова меня до глубины души поразило удивительное разнообразие здешней природы. Казалось бы, собрать в одном месте столько различных типов гор совершенно невозможно. При этом почти все они практически неприступны; единственное исключение — Золотой Трон, довольно скромная вершина, которую якобы удалось покорить Конвеку. Меня до сих пор возмущает поведение некоторых его носильщиков, осмелившихся утверждать, что на самом деле он и шагу не ступил на эту гору, повернув обратно от подножия ледопада. Кто дал право столь низменным существам высказываться по такому деликатному и сложному научному вопросу?

В Доксаме я разбил лагерь на берегу замерзшего озера между горами и ледником, который с этой точки выглядит как сплошная ледяная стена, уходящая ввысь на тысячу с лишним футов. Благодаря этому место для лагеря укрыто от непогоды и по-своему весьма приятно. Соседство с озером внушает умиротворение, а полное отсутствие тех паразитов, что оскверняют тело земли в обитаемых краях, доставляет особую радость в обществе тех веселых и отважных сынов Балтистана, которые стали моими верными друзьями и спутниками. В середине дня я отправился на разведку и за три часа составил самое ясное представление о нашей ситуации. Затем на лагерь внезапно обрушился снежный буран, довольно свирепый и бушевавший около часа, но в четыре часа пополудни снова распогодилось. «С утра ему опять в луга и в лес!»¹ — с той лишь оговоркой, что ни лугов, ни лесов здесь не водится. «Вперед, в предел безмолвных вод»², — за той лишь разницей, что вод морских здесь не сыскать и подавно. Все-таки поэты слишком беспечны: ни один не позаботился снабдить своего наследника подходящей цитатой!

16 июня мы чуть более четырех часов прошагали по земле, на которую еще не ступала нога человека. И этот переход оказался легче всех предыдущих. Вездесущие морены наконец-то перестали нам докучать: большую часть пути удалось проделать по замечательно плотному снегу. Однако и здесь я столкнулся с уникальным явлением, совершенно не вписывающимся

1 Цитата из стихотворения Дж. Мильтона «Люсидас» (пер. Ю. Корнеева).

2 Цитата из баллады С.Т. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе» (пер. Н. Гумилева).

в общую картину. У слияния Балторо и еще одного ледника, которому я дал имя «Чоголунгма» нам пришлось пересечь осыпь из обломков чистейшего белого мрамора. Эккенштейн, которого здесь застала снежная буря, вспоминал об этом месте с большим раздражением. Он говорил, что невозможно было понять, куда ставить ногу: сверкающий мрамор слепил глаза. Стоянку №8 (16 592 фута) я устроил у подножия малого отрога той же гряды, высшую точку которой образует вершина Чогори. Отсюда эту гору можно было бы рассмотреть полностью, если бы не мешали облака; и поскольку главной моей обязанностью была разведка, я разглядывал склоны целый день и всю ночь, вооружившись очками и блокнотом. Облака не стояли на месте, и мне удалось по частям рассмотреть всё. Я пришел к выводу, что взобраться по южному склону теоретически возможно, но тяжело, и разбить промежуточный лагерь на полпути там не удастся. Зато по заснеженным склонам на востоке-юго-востоке будет довольно легко подняться до выступа перед последней скальной пирамидой. Я отправил гонца с соответствующими известиями и с большим воодушевлением двинулся дальше. Дорога по-прежнему оставалась легкой, снег был замечательный; но через три с половиной часа я решил остановиться и разбить лагерь №9 (17 332 фута) прямо под южным склоном горы. Выше этой точки ледник становился довольно крутым, и я не хотел рисковать носильщиками. Кстати сказать, перед выступлением с 8-й стоянки они меня очень позабавили, подойдя и сообщив, что, разумеется, не поверили мне, когда я сказал, что отправлю их обратно, как только мы доберемся до восточного подножия Чогори. Они прекрасно поняли, что я просто хочу заманить их и повести в Ярканд и что по дороге все они до единого умрут; но они не возражали, решив, что это кисмет¹. Они заявили, что с радостью отдадут за меня жизнь, потому что я был с ними очень добр. Когда я все-таки отправил их по домам из 10-го лагеря, они не поверили своим ушам и обрадовались, как дети, этому чудесному избавлению.

Современные писатели любят насмеяться над золотым веком; они из кожи вон лезут, пытаясь доказать, что первобытный человек был кровожадным дикарем. Но обитатели Балтистана

¹ Кисмет — судьба, участь, предопределенность в исламе.

опровергают все подобные теории. В этих людях сосредоточились вся невинность, честность, доверчивость, верность и доброта, присущая человеку. Они проявляли невиданную отвагу и бодрость даже перед лицом, как им казалось, верной смерти самого неприятного рода. Смерть их не пугала, хотя они и любили жизнь. Они были простодушны и веселы. Невозможно было не полюбить их — и невозможно было не сравнивать их с теми отвратительными грязными насекомыми, чьи вечные склоки и преступления превратили в величайшее из преступлений саму цивилизацию и чье невежество (вопреки всем их похвальбам) в действительности куда темнее, глубже и опаснее, нежели душевная невинность этих детей природы.

Из 9-го лагеря к месту 10-й стоянки (18 733 футов) ведет крутой подъем в тысячу четыреста футов высотой. Я опасался, что «пабу» моих носильщиков окажутся здесь непригодны. Пабу — это обувь, при виде которой я вспоминаю подагриков. Солома или тряпка приматывается к ноге полосками сыромятной кожи. Получается очень мягкая обувь, в которой удобно идти через морены; к тому же, она отлично защищает ноги от холода. Вопрос, однако, был в том, не станут ли эти пабу скользить на твердом снегу. Поэтому я очень тщательно выбирал самый легкий путь и при необходимости выдалбливал большие ступеньки. Первых нескольких человек я поднял на веревке, объяснив, как ею пользоваться, и велел всем оставаться начеку, потому что под снегом могли попадаться скрытые трещины. Носильщики были очень умны; они улавливали все с полуслова, подчинялись без единого возражения и без единой жалобы и не делали никаких ошибок.

Следует еще упомянуть о том, как изобретательно они защищались от снежной слепоты. Они заплетали свои длинные волосы во множество тонких косиц и зачесывали эту бахрому вперед, чтобы она падала на глаза, как занавеска. Со стороны может показаться, что это не слишком эффективно; однако на деле защита работала. По крайней мере, глаза у всех остались целы. На Канченджанге, где об этой хитрости не знают, от снежной слепоты серьезно пострадали многие.

Позже меня обвиняли в том, что я напрасно выбрал 10-й лагерь главным. Эккенштейн полагал, что следовало подыскать более защищенное место. Но никаких укрытий в окрестностях

не было, а уходить в сторону от подножия горы, на которую мы намеревались подняться, не имело смысла. Кроме того, за десять дней, проведенных на леднике, я столкнулся с самыми разнообразными погодными условиями, и ничто из этого не давало оснований предположить, что 10-й лагерь окажется неподходящим курортом для джентльмена со слабым здоровьем. Вдобавок, главной своей задачей я видел поиски места, лежащего в стороне от лавин и камнепадов. Я уже насмотрелся на явления такого рода и понял, насколько они непредсказуемы, а потому счел за лучшее остановиться на ровном участке в середине ледника.

Впрочем, несмотря на все предосторожности, 10 июля неподалеку все же сошла лавина, засыпавшая снегом и 10-й, и 11-й лагерь. На этой высоте (и на этой широте) снежные лавины отличаются от тех, что сходят с более низких пиков. Снег вообще не тает, если не подвергается давлению. Он просто испаряется, минуя этап таяния. Кроме того, он никогда не образует компактную массу с твердой коркой, как в Альпах. Мне довелось наблюдать, как покров свежевывавшего снега толщиной в десять футов рассеялся без следа всего за час под прямыми лучами солнца. И, как ни странно это звучит, несмотря на неизменно дурную погоду снег на нижнем леднике (между 9-й и 7-й стоянками) в августе полностью исчез, а на верхнем — значительно прибавился.

В таких условиях даже самая мощная лавина может вообще не дойти до подножья склона, попросту испарившись по пути. На одной из наших фотографий запечатлен сход лавины, которая наверняка погребла бы под собой фотографа, если бы дело было в Альпах.

Я повиновался инструкциям и отослал носильщиков обратно, хотя и с тяжелым сердцем. Здравый смысл подсказывал подняться вместе с ними на уступ и разбить лагерь в такой точке, откуда Чогори можно будет покорить наверняка, если выдастся хотя бы один погожий день. Но я получил официальные распоряжения, и нарушить их казалось невозможным. Разумеется, если бы я предвидел грядущий кульбит погоды, то, возможно, принял бы иное решение.

Меня слегка беспокоило, что Пфанль и Вессели не посылают никаких известий вопреки нашей договоренности.

Оглядывая сверху нижнюю часть ледника, я нигде не видел их группы и уже начал волноваться, уж не заблудились ли они. Я бы не удивился, если бы обнаружилось, что они решили штурмовать южный склон и испортили все наши планы. Однако на следующий день, 19-го, они все-таки пришли, а 20-го к нам присоединились Ноулз с доктором. Они принесли с собой снежную бурю, которая продлилась целый день. Это был первый случай затяжной непогоды. 21-го ветер унялся, но снег продолжал валить. 22-го небо начало понемногу проясняться, а 23-го выдался погожий день. Но, разумеется, в отсутствие Эккенштейна продвигаться дальше мы не могли. 24-го началась метель, и должен признать, что с таким свирепым ветром я не сталкивался еще ни разу в жизни. Угол моей палатки оторвало от крепления, и чтобы ее не снесло совсем, пришлось сесть на нее и просидеть так все утро! Ярость ветра воистину изумляла. Я закрепил боковые веревки палатки, обвязав их вокруг квадратных «килт» с припасами и поставив сверху на каждую еще по несколько корзин. Таким образом, на каждую веревку пришлось более сотни фунтов груза, но ветер то и дело сдвигал корзины с места, словно они ничего не весили. 25-го весь день было пасмурно; 26-го погода снова начала портиться, но 27-го во второй половине дня немного прояснилось, и тут, наконец, прибыл Эккенштейн со свежим мясом и хлебом.

28-го погода исправилась, и мы устроили дурбар¹. Эккенштейн расхворался, и было решено, что мы с Пфанлем и Гийярмо начнем восхождение, а прочие пока останутся в лагере. За то, чтобы с нами пошел доктор, проголосовал сам Эккенштейн, сославшись на то, что нам может понадобиться врач, если с кем-нибудь что-то случится. Из этого явствует, насколько он недооценивал гору.

Вессели не включили в партию; он был оскорблен до глубины души и повел себя совершенно неспортивно. Пфанль принял его сторону, и вдвоем они доставили нам столько неприятностей, что все наши планы вскоре свелись к вопросу о том,

¹ Дурбар — в средневековых мусульманских государствах и в колониальной Индии совет знати при правителе.

как сделать так, чтобы эта невыносимая парочка перестала путаться у нас под ногами.

Мы собрались в дорогу, но на следующее утро ветер так разошелся, что о выступлении не могло быть и речи. Мы едва не обморозились, даже сидя в кухонной палатке и попивая горячий шоколад. Когда солнце поднялось повыше, ветер спал, но выходить было уже поздно. Эккенштейн и Ноулз плохо себя чувствовали, но вместе с остальными мы прогулялись на лыжах почти до самой тропы у вершины ледника. Около четырех часов пополудни снова разыгрался ветер, и мою палатку опять едва не снесло. Из долины начали подниматься снежные облака.

У нас была запасная палатка, в которой разместились несколько оставшихся с нами туземцев. На закате я выбрался наружу, чтобы попытаться починить крепления, и обнаружил, что один из балтистанцев стоит на коленях в снегу и молится, обратившись лицом к Мекке. Магометанская религия, в отличие от христианской, — положительная. Она основана не на страхе, а на подлинном чувстве взаимосвязи между человеком и Богом. Мне становится смешно, когда я вспоминаю откормленного, праздного и невежественного миссионера в Шигаре, пытающегося обратить в христианство людей, привыкших к подобным отношениям с божеством. При всем своем простодушии они видят насквозь христианские ухищрения, и, учитывая, насколько те оскорбительны для их этического и религиозного чувства, не стоит удивляться, что перевербовать удастся лишь абсолютно бессовестных негодяев, живущих на плохо замаскированные подачки от миссий.

На следующий день меня сразила снежная слепота. Это не столько больно, сколько неприятно: такое ощущение, что в глаза насыпали раскаленный песок. Постоянно хочется смаргивать, чтобы его убрать, а он, естественно, не убирается. Накануне, во время лыжной прогулки, я не снимал очков ни на секунду, но мне хватило глупости забыть их в палатке на несколько минут, когда я вышел поправить крепления. Впрочем, через пару дней всё прошло. 30 июня и 1 июля погода была сносная, но со 2 по 6 июля непрерывно бушевала метель, ни унимаясь ни днем, ни ночью. Именно после этого меня стали упрекать за неудачный выбор места для 10-й стоянки.

От австрияков мы избавились 1 июля, отослав их в 11-й лагерь, устроенный на сгибе северо-восточного хребта Чогори. В этой точке ледник разделяется на два больших снежных бассейна. Один ведет к перевалу, который я назвал Ветренным проходом (21 500 футов), с северо-западной стороны которого высится над долиной гора; ей я дал название «Лестница», поскольку ее восточный хребет покрыт отчетливыми и равномерно расположенными углублениями. Вторая часть ледника — своего рода тупик, окруженный кольцом скал, между которыми не видно не единого прохода. Впрочем, полной уверенности в этом нет: эта местность напоминает котел, в котором непрестанно бурлят снежные вихри, и толком разглядеть за ними что-либо невозможно.

Пфанль и Вессели доложили, что по северо-восточному хребту К2 можно подняться. В понедельник, 7-го числа, метель улеглась, и Эккенштейн решил попытаться покорить гору по этому маршруту. Соответственно, главный лагерь следовало перенести на 11-ю стоянку. Я неважно себя чувствовал, но нашел в себе силы выразить протест. Маршрут, предложенный австрияками, на самом деле никуда не годился. 11-й лагерь располагался гораздо дальше от вершины, чем 10-й, а подниматься до уступа предлагалось по длинному и покрытому глубокими впадинами хребту, одна сторона которого, обращенная к Чомолунгме, представляет собой отвесную стену над пропастью, и по этой стене повсюду — кроме одного места, которое я выбрал изначально, — то и дело сходят лавины.

Однако я оказался в меньшинстве. Мы с доктором приготовились выступить 8 июля. Тут обнаружилось, что туземцы не могут волочить сани. На переход до 11-го лагеря ушло три часа; это оказалось не слишком тяжело, хотя я еще не выздоровел окончательно. Погода стояла вполне приличная, и мне удалось подняться по склону на довольно большую высоту. По вопросу о том, какой высоты достиг в ходе экспедиции тот или иной из членов отряда, единого мнения не сложилось. Эккенштейн фанатично боролся с любыми попытками преувеличить чьи бы то ни было достижения. Не раз между нами вспыхивали жаркие споры о точных высотах, на которых располагались наши стоянки, но окончательно разрешить этот вопрос так и не удалось. Приблизительная высота

11-го лагеря составляла 20 тысяч футов или немного больше, как мне кажется. Максимальную высоту, которой достиг я сам, я тогда оценил в 21 500 футов — главным образом, из уважения к Эккенштейну. Я был самым преданным из его учеников и не хотел давать ему повода упрекнуть меня в преувеличениях. Но, по моему личному мнению, я все-таки одолел планку в 22 тысячи футов, добравшись до места, в котором Ветреный проход оказался ниже линии взгляда. Полагаться на показания обычных анероидов я даже не пытался. Мы взяли с собой три измерительных инструмента особой конструкции, которые работали только на высоте от 15 до 30 тысяч футов. Но, сличая их показания, мы убедились, что даже два из трех почти никогда не давали одинакового результата.

К вечеру я совсем расхворался: несварение, лихорадка, озноб. Чтобы сделать вдох, приходилось напрягать все мышцы. К тому же, меня постоянно подташнивало, и в этом состоянии я провел почти всю ночь. Наутро стало чуть полегче, дыхание выровнялось; но все тело болело, и я чувствовал себя совершенно разбитым. Между тем погода была великолепная.

Вессели и Гийярмо повторили восхождение по моему вчерашнему маршруту, но из их отчета осталось неясным, удалось ли им продвинуться дальше меня. Я лежал на солнышке и отдыхал. На глаза мне попадались странные для таких высот существа: муха, бабочка, несколько ворон и еще одно насекомое (по-моему, пчела). Все посетили наш лагерь. Потом нас присыпало снегом: с вершины Чогори сошла большая лавина, прокатившаяся по всей стене северо-восточного хребта, — то есть, около четырех миль шириной.

11-го числа Эккенштейн и Ноулз тоже совершили вылазку. Этот день тоже выдался погожим. Я все еще был очень плох: 39°C. Поначалу я не понимал, из-за чего разболелся, хотя причина была проста. Но вскоре симптомы дали о себе знать со всей очевидностью, и я вынужден был признать, что малярия вернулась. Тяготы путешествия подкосили мою психологическую защиту, и болезнь разыгралась с новой силой. Таким образом, я стал гордым обладателем еще одного мирового рекорда — единственным в мире человеком, которого угораздило заболеть малярией на высоте двадцать тысяч футов! Кстати сказать, я был еще и единственным в мире поэтом, которого

угораздило забраться на такую высоту. Шелли так потешно похвалялся, что «проходил по ледникам Альп»¹, — имелись в виду Мер-де-Гляс и ледник Буассон! Но я-то писал стихи на самом леднике Балторо — и мои стихи были получше.

Подобно тому бедняге, который покончил с жизнью, когда узнал, что человек не способен двигать верхней челюстью, я страшно разозлился, вычитав где-то, что невозможно найти рифму к слову «silver». И я принялся выискивать все самые невообразимые слова английского языка, подбирать к ним рифмы — хорошие рифмы, а не просто созвучия, — и включать их в свои поэмы «День Вознесения» и «Пятидесятница». Соответственно, в этих поэмах можно найти рифмы к таким словам, как «refuge», «reverence», «country», «virgin», «courtesan», «Euripides», «Aristophanes», «Aeschylus», «Aischulos», «Sophocles», «Aristobulos», «Alcibiades», «fortress», «unfashionable», «sandwich», «perorate», «silver», «bishop» (на это слово я подобрал целых восемь рифм), «Sidney» (три рифмы), «maniac», «Leviticus», «Cornelius», «Abra-Melin», «Brahmacharya», «Kismet», «Winchester», «Christ Church», «Worship», «Chesterton», «Srotaratti» (две рифмы), «Balliol» и так далее².

Выше я упомянул о тяготах путешествия. Возможно, следует пояснить, какой характер они носили. Первую и главную проблему составляло плохое самочувствие, вызванное, по большей части, недостатком пищи и физических упражнений. Последняя жалоба может показаться нелепой, но это неоспоримый факт. Дело в том, что нельзя вносить в палатку мокрые вещи, иначе все попытки защититься от холода пойдут насмарку. Поэтому в плохую погоду приходится сидеть

1 Из предисловия к поэме П. Б. Шелли «Возмущение ислама» (1817).

2 Эти слова, к которым в английском языке действительно непросто подобрать рифмы, в переводе (в контексте поэм; AD — «День Вознесения», P — «Пятидесятница») означают: «убежище» (AD 9), «(ваше) преподавание» (AD 13), «страна» (AD 18), «Дева» (AD 19), «куртизанка» (AD 26), «Еврипид» (AD 30), «Аристофан» (AD 32), «Эсхил» (AD 34), «Айшхулос» (AD 36; буквальная передача имени «Эсхил», над которой Кроули насмехается, ссылаясь на Роберта Браунинга, критикующего подобный подход к транслитерации греческих имен), «Софокл» (AD 38), «Аристул» (AD 40), «Алкивиад» (AD 43), «крепость» (AD 72), «старомодный» (AD 139), «сэндвич» (AD 145), «резюмировать» (AD 148), «серебро» (AD 149), «епископ» (AD 167, а также «Бишоп», фамилия дяди Кроули по материнской линии), «Сидней» (AD 177), «маньяк» (AD 252), «Левит» (AD 254), «Корнелий» (P 27), «Абрамелин» (P 29), «Брахмачарья» (P 67), «кисмет» (P 99), «Винчестер» (P 124), «Церковь Христова» (P 126), «поклонение» (P 148), «Честертон» (P 767), «шротапатти» (P 195), «Баллиол» (P 796).

в палатке безвылазно. Я был старшим по кухне и волей-неволей выходил в любую погоду, но назвать это физическими упражнениями трудно. Нередко получалось так, что, растопив печки, разведя огонь и дождавшись, пока растает снег, я понимал, что не могу больше выдержать холода. Приходилось возвращаться в палатку, залезать в спальный мешок и греться, а еду тем временем готовил кто-то другой.

Когда становилось совсем худо, мы согревались с помощью кангеров¹. Мы захватили с собой запас японских горелок, но они не зажигались — не хватало кислорода (впрочем, из них можно было вынуть картриджи, положить в пустые консервные банки и поджечь). По той же причине здесь невозможно было курить трубку, не поджигая ее заново от свечи при каждой затяжке. Тем не менее сигары курились безо всяких неудобств. (Позже я обнаружил, что дело здесь не только в высоте. На Канченджанге я курил трубку даже на ббльших высотах и без малейших затруднений.)

Своеобразные трудности возникли и с пищей. Не хотелось есть ничего, кроме того, что, с точки зрения людей в нашем положении, можно было назвать деликатесом. Еда вызывала отвращение. Меня даже уговаривали поесть, словно инвалида или ребенка, страдающего плохим аппетитом. Стало очевидно, что теория Эккенштейна о пайках немецких солдат к гималайской экспедиции неприменима.

Мы страдали не столько от острого холода, сколько от хронического. Насколько мне известно, проблему холода до сих пор не сформулировал научным образом ни один исследователь. Состоит она в следующем: нормальная температура тела — около 37° по Цельсию. Следовательно, если температура воздуха составляет, допустим, 30°, то компенсировать разницу температур приходится за счет тепла, выделяемого при переваривании пищи. При температуре 23°, теоретически, требуется вдвое больше пищи, при 15° — втрое больше, при 8° — вчетверо больше, при 1° — в пять раз больше, при -6° — в шесть раз больше, при -13° — в семь раз больше, а при -30° — в восемь раз больше. Предельные температуры из этого списка значительно отличаются от тех, с какими мы сталкивались на самом

¹ Кангер — горшок с тлеющими углями, который кашмирцы носят под одеждой для защиты от холода.

деле. Максимальные и минимальные термометры оказались совершенно ненадежными, а по другим термометрам мы отмечали температуры и выше 40°, и ниже 30° по Цельсию. Но, к сожалению, от простой арифметики здесь проку мало. Пищеварительная система человека рассчитана на переработку количества пищи, соответствующего — не знаю точно, но допустим, — 1°. И если средняя температура ниже этой цифры, это значит, что приходится есть больше, чем можешь переварить, а из-за этого, в свою очередь, возникают и постепенно накапливаются другие проблемы.

Можно, конечно, экономить тепло, снижая теплоотдачу: носить одежду, не проводящую тепло, и использовать обогреватели, наподобие кангеров (кстати, говоря, кангер — это кашмирское изобретение: медный или железный горшок, в который насыпают тлеющие угли. Туземцы носят кангеры под своими накидками или присаживаются над ними, чтобы согреться. Предполагают, что из-за последнего обычая в этих краях так распространен рак яичек и мошонки — по аналогии с неизвестным «раком трубочистов»¹.)

Исключив из выкладок все лишнее, ситуацию можно описать так: постоянно жить в условиях, непригодных для нашего организма, невозможно. Выступать с подобными утверждениями, по существу лишь повторяющими основные тезисы Дарвина и Спенсера, как-то даже совестно. Однако среднестатистический путешественник (по некоей необъяснимой причине) совершенно неспособен применить простой здравый смысл, опыт или научные принципы к тем жизненно важным проблемам, с которыми он сталкивается. Даже сейчас, в 1922 году, несмотря на весь накопленный опыт, члены экспедиции на Эверест² жалуются на акклиматизацию, как будто наука все это время простояла на месте. Еще в 1896 году, по возвращении из экспедиции Маммери на Нанга Прабат³, Норман

1 «Рак трубочистов» — профессиональное заболевание, рак мошонки, часто встречавшийся у трубочистов.

2 Имеется в виду неудачная ходе британская экспедиция на Эверест в 1921—1922 гг. Участники экспедиции не достигли вершины горы из-за схода лавины и понесли значительные человеческие потери.

3 Маммери, Альберт Фредерик (1855—1895) — английский альпинист и писатель, прославившийся восхождениями на многие вершины в Альпах, ранее считавшиеся неприступными, а также первым за всю историю попытавшийся покорить один из гималайских «восьмитысячников» — пик Нанга

Колли¹ заявил мне без обиняков, что единственный способ покорить такую огромную гору — это взять ее штурмом. Я знал, что Колли — человек образованный и, более того, опытный и здравомыслящий. Я поверил ему безоговорочно и впредь руководствовался его советом.

Единственное, что можно сделать, — это накопить запас энергии, сбросить весь жир непосредственно перед восхождением, а затем успеть, образно выражаясь, отскочить в сторону, пока гора не обрушила на тебя свою месть. Все разговоры об акклиматизации сродни рассуждениям человека, который постепенно приучил свою лошадь жить на одной соломинке в день и непременно совершил бы переворот в нашей системе питания, если бы эта негодная лошадь не сдохла в самый неподходящий момент. Если вы хотите акклиматизироваться к горным условиям, переселитесь в горы чуть повыше тех мест, где обитают тибетцы. Если вам удастся продержаться там поколений пятнадцать, то у ваших потомков разовьется грудная клетка, похожая на пивную бочку, и сердце, способное выдерживать в три раза бóльшую нагрузку, чем сейчас. И если затем вы перевоплотитесь в собственном роду, то сможете принять участие в осаде Чогори с довольно серьезными шансами на успех. Как говорится, терпение и труд все перетрут.

Для западного человека, так и не усвоившего толком идеи Эйнштейна, эта программа неприемлема: ему кажется, что все нужно делать в спешке. Но, так или иначе, оставим сказки об «акклиматизации» слабоумным героям экспедиции на Эверест 1921—1922 годов. Колли был прав, утверждая, что в длительном походе по горам приходится жить на собственных запасах. Мой собственный опыт показывает, что так же обстоит дело не только в горах. Любые сколько-нибудь затяжные трудности изнашивают организм. И, опять-таки, повторю, что мне даже стыдно повторять подобные прописные истины. Стоит только вспомнить о низкой продолжительности жизни среди рабочего класса и о вырождении наций вследствие лишений, вызванных войнами, и все это станет очевидно. Это понимают все

Прабат (в этой экспедиции погибли три человека из партии, включая и самого Маммери).

1 Колли, Джон Норман (1859—1942) — английский ученый, альпинист и путешественник.

на свете — за исключением членов английского Альпийского клуба.

Тремя годами позже, собираясь в экспедицию на Канченджангу, я сделал все по науке. Я готовился в Дарджилинге, стараясь отъестся как можно более основательно (хотя в отеле «Драм Друид» кормили так, что можно было умереть голодной смертью) и посещая сеансы массажа (массажист, «образованный» бенгалец, оказался адвентистом седьмого дня и украл у меня десять фунтов). Путь от подножия горы до высоты в 21 тысячу футов я преодолел всего за три недели, сохранив превосходную физическую форму и не пострадав ни от одного из тех неудобств, которые медленно подтачивали силы у всех участников экспедиции на Чогори, кроме Вессели, который, как и подобает грубой скотине, оказался невосприимчив ко всем этим тяготам и преспокойно набивал себе брюхо, не гнушаясь воровать припасы из общего склада.

Все остальные так или иначе страдали. С того момента, как мы покинули Аскол, Ноулз потерял 33 из своих 186 фунтов, а доктор — 20 из 167-ми. Даже чахоточные и то не худеют так быстро. Гемоглобин у нас упал на двадцать процентов. Эккенштейна мучили легочные недуги; Ноулза и доктора несколько раз одолевала инфлюэнца, а у меня случилось тяжелейшее обострение малярии, начавшееся с сильного переохлаждения 27 июля и продолжившееся до конца месяца: все это время температура у меня держалась примерно на 39°C. Пфанля, этого великого спортсмена, постигли другие беды (о которых чуть позже).

Как уже говорилось, снег на этих высотах испаряется без таяния, поэтому поодаль от палаток он исчезает, но под защитой навесов накапливается. В результате под конец одной пятидневной метели мы очутились на снежной площадке, возвышавшейся на несколько футов над уровнем ледника. (Кстати, именно так формируются ледниковые столы.) Между тем, палатки необходимо было время от времени передвигать, чтобы они не прорвались под тяжестью снега, оседавшего на стенках. Убрав палатки с этой возвышенности, мы сфотографировали ее. В центре квадратной насыпи из плотного снега на фотографии видны два углубления, похожие на выкопанные наспех могилы. В этих местах лед растаял от тепла наших тел,

несмотря на двойную брезентовую подстилку, слой ранцевой кожи и толстый пробковый матрас.

Пфанль и Вессели стали совершенно невыносимы, и 13-го числа мы убедили их перебраться на стоянку №12 (на высоте примерно в 21 тысячу футов). Погода была обычная — иными словами, собиралась очередная буря. 14-го я описал ее как (х.о.р.) $n+1$ ¹. Пришло известие, что Пфанль разболелся. 15-го после полудня распогодилось, но я понимал, что это лишь предвещает новые неприятности. В дневнике записано, что в тот день я поел. Вероятно, до этого мне было совсем худо, раз я сделал такую запись: мой дневник, каковы бы ни были его недостатки, — совершенный образец лаконичного стиля.

Следующая записка поставила нас в известность, что Пфанлю стало хуже. Доктор отправился на 12-ю стоянку, чтобы за ним присмотреть. Судьба постучалась в двери. Спортивная подготовка, как ее понимают сами спортсмены, — это поправка первого из принципов самой природы. О том же самом пишет Уилки Коллинз в романе «Муж и жена»: спортивная Гордость Англии сходитя в борьбе с дряхлой старушонкой — и терпит сокрушительное поражение. Нечто подобное случилось с Пфанлем. Перенести его обратно в 11-й лагерь стоило огромных трудов. И из-за этого мы потеряли свой последний шанс взять К2 стремительным приступом. Хорошая погода стояла два дня подряд, и во второй из этих дней мы с Ноулзом могли бы предпринять штурм, если бы нам не пришлось сопровождать носилки с инвалидами. С 16-го по 19-е почти непрерывно бушевала метель. Пфанль лежал в бреду: у него развился отек обоих легких.

Особенно мне запомнился один эпизод, одновременно смешной и жалкий. Пфанль послал за мной; я зашел к нему в палатку, и он заявил, что все эти тупые скоты его не понимают, но я как поэт смогу войти в его положение. Затем он сообщил, что его на самом деле трое; с двумя все хорошо, но третий — это гора с кинжалом, и он боится, что она вот-вот всадит в него этот кинжал. Тогда я не понял, что означает этот бред. Но теперь очевидно, что страх и восхищение перед

1 Эту формулу Кроули несколько раз использовал в своих дневниковых записях для обозначения сильно ухудшившегося положения дел. Точное ее значение неизвестно.

горами смешались у Пфанля с теми же чувствами по отношению к фаллосу, что и определило характер символа. Тогда я же смог только доложить доктору, что Пфанль не в себе, и доктор продолжил свое лечение, заключававшееся в том, чтобы все время держать больного под морфием.

40

20-го выдалась хорошая погода, и мы соорудили сани, чтобы стащить на них Пфанля вниз, до Рдокасса. Вессели должен был остаться при нем, а доктор — вернуться, как только устроит больного на новом месте. Они отправились 21-го; погода по-прежнему стояла ясная, но под вечер мы с Эккенштейном снова расхворались. 22-го опять пошел снег, и все указывало на то, что дальше будет только хуже. Действительно, 23-го снегопад не прекратился. Ближе к вечеру мы наблюдали странное явление. Поначалу мы решили, что это медведь: к лагерю явно приближалось какое-то четвероногое животное. Но как следует разглядеть его в сумерках не удавалось даже в бинокль, тем более что оно то и дело скрывалось из виду за неровностями ледника.

Но когда это существо, наконец, подобралось к лагерю, стало понятно, что это не кто иной, как наш доктор. Он полз на четвереньках; лицо его было искажено ужасом и покрыто каплями пота. Эккенштейн не стал выражать сочувствие. «Где ваш носильщик?» — только и спросил он. Гийярмо объяснил, что оставил это творение рук Господних в какой-то расщелине. Эккенштейн изрыгнул одно-единственное ругательство, которое открыло мне глаза на всю глубину его чувств. Сам я не стал тратить слов попусту — я уже натягивал ботинки. Не успел Гийярмо заползти в палатку, как мы с Эккенштейном уже мчались по снегу на лыжах, прихватив только моток веревки. (В спешке я позабыл надеть очки, что обошлось мне еще в пару дней снежной слепоты.)

До искомой расселины я добрался раньше Эккенштейна, но он крикнул, чтобы я подождал. Выдался случай показать мне на деле то, о чем он всегда заявлял на словах, — что на веревке человека можно без труда вытащить одной рукой. Носильщик сидел на дне довольно спокойно, но уже оставил всякую

надежду и препоручал свою душу Аллаху. По-моему, его больше всего волновало, правильно ли он определил, в какой стороне Мекка. Оказалось, что веревку можно было не брать: доктор отвязался от носильщика и бросил конец своей веревки на снег! Трусость, некомпетентность и глупость его поведения просто непостижимы уму и по сей день остаются для меня загадкой.

(Я сваял дурака, не придав этим недостаткам должного значения. Ни в коем случае не следовало брать его в следующую экспедицию, но этот человек вызывал у меня такую личную симпатию, что я инстинктивно сделал для него всевозможные скидки; к тому же, он и впрямь сокрушался о происшедшем не меньше, чем мы все. Моя роковая слабость — это вера в лучшее в каждом человеке. Даже перед лицом неоспоримых свидетельств я не могу поверить в существование бесчестности и злобы и в результате всегда пытаюсь строить из негодного материала. Я все время думаю, что стоит лишь указать человеку на его ошибки, как он приложит все силы, чтобы ее исправить, — и всякий раз удивляюсь, когда происходит неизбежное.

Вот как доктор описал собственное состояние в один из не самых лучших дней:

Что до меня, то я по-прежнему не встаю; необыкновенно тяжелый приступ инфлюэнцы: сильного жара нет, но миндалины настолько болят и опухли, что почти невозможно дышать; от малейшего движения начинается удушье, а стреляющие боли и озноб доставляют нестерпимые мучения.)

Эккенштейн педантично заложил левую руку за спину и вытащил носильщика одной правой, причем безо всякой помощи с его стороны. Тот уже приготовился умереть и досадовал, что ему помешали!

26-го с глазами у меня стало получше, а утром 27-го я почувствовал себя вполне здоровым. Обнаружилось, что Вессели тайком унес с собой из лагеря почти весь запас неприкосновенных пайков — ящиков-термосов с деликатесами, столь милыми чешскому нёбу. Мы решили отправиться в Рдокасс

и призвать его к ответу; утром 27-го я написал обвинительную речь. Но после полудня я сильно застудил печень и слег до самого вечера. Меня сильно рвало.

После короткого перерыва метель разыгралась пуще прежнего. 28-го снежная буря продолжалась, и жар у меня не спадал. 29-го ни с погодой, ни с моим самочувствием не произошло никаких изменений, разве что меня опять несколько раз вырвало. 30-го во второй половине дня небо прояснилось, а у меня спала температура. Я начал сильно потеть и, наконец, заснул спокойно. Ночью было очень холодно, а утром — ясно; вечером снова пошел снег — мягкий, но неумолимый в своей настойчивости. 1 августа я выздоровел, но метель разбушевалась вовсю. Из долины пришел человек и принес «хабар» (известие) о том, что на правом берегу Бралду-Нала вспыхнула эпидемия холеры. По-видимому, путь к отступлению нам был отрезан.

2-го буря свирепствовала целый день, не стихая ни на минуту. Памятуя о том, что мы отказались от мысли о восхождении непосредственно из 10-го лагеря, и инстинктивно оценив, чего можно ждать от погоды дальше, я сделал вывод, что экспедиция потерпела неудачу, а медленно загонять себя в гроб вопреки всякому здравому смыслу я не желал. Результаты моей первой рекогносцировки не вызывали ни малейших сомнений, и сам архангел Гавриил не убедил бы меня, что мы сможем пройти до вершины по такому опасному хребту длиной в целых три мили.

Кстати сказать, у меня и впрямь хорошее чутье на погоду. Я всегда предчувствую перелом к лучшему. Не могу объяснить, почему, но две совершенно одинаковые, на первый взгляд, бури могут ощущаться совершенно по-разному: одна — как предвестие пары погожих недель, а другая — как прелюдия к очередному Вагнеру. Кроме того, я был твердо убежден в правоте Колли. Мы истощили свои резервы; никто из нас уже не годился для восхождения. Самое главное, мы растеряли самый цвет жизненной силы — духовную энергию и энтузиазм. Сомневаюсь, что даже пара погожих недель вернула бы нас в состояние, пригодное для штурма горы.

3 августа метель так и не унялась, но мы упаковали палатки и припасы и 4-го числа выступили на стоянку №9. По дороге мы завернули в 10-й лагерь, где все еще хранилось много

наших килт: мы хотели забрать все, что стоило нести с собой обратно (то есть все ценой не менее полукроны за фунт), и то, что могло понадобиться нам прямо сейчас, особенно сахар, в котором мы уже испытывали острый недостаток. 5-го погода немного улучшилась, но мы решили отдохнуть и весь день пролежали в палатках, а носильщики тем временем доставили из 10-го лагеря все отобранные нами припасы. 6 августа мы выступили к стоянке №7.

С нижней частью ледника творилось нечто поразительное. Несмотря на все снежные бури последних недель, здесь не осталось ни крупинки снега. Мы наткнулись на сухой глетчер, состоявший, по большей части, из ледовых зубцов — небольших, высотой до 15 футов, но очень острых и тонких, как иглы. Разумеется, пройти здесь было невозможно, и нам пришлось обогнуть это место. Я непрерывно страдал от лихорадки, поноса и рвоты; полегчало мне только в Гомборо. Когда я говорю «непрерывно», это следует понимать буквально: через каждые несколько сотен ярдов приходилось останавливаться, чтобы переждать очередной приступ.

7 августа мы добрались до 7-й стоянки. Небо было ясное, а температура в моей палатке достигала 37°C; но высокие пики «курились», а это означало, что там, наверху, дует сильный ветер. Под утро собрались тучи, но я все-таки рискнул и вымылся. Это чрезвычайно меня освежило. Иногда я даже удивляюсь, почему некоторые люди не прибегают к этому простому средству почаще. 8-го мы двинулись к лагерю №6. Давешнее баловство с водой добавило ко всем моим прочим несчастьям сильный насморк. Ясное утро снова сменилось непогодой. 9 августа мы отдохнули, а 10-го выступили к 5-му лагерю. Весь день было пасмурно, а к вечеру разразилась буря с ливнем. 11-го мы совершили переход в Рдокасс по короткому маршруту; по дороге нам попала на глаза очень красивая осыпь с переливчатыми камнями, мокрыми от дождя и блиставшими всеми красками радуги.

12 августа мы устроили дурбар и исключили Вессели из состава экспедиции. Пфанль решил уйти вместе с ним. Он более или менее выздоровел, но этот поход оказался для него последним: в дальнейшем он никогда уже не ходил в горы. Дождь лил не переставая до вечера следующего дня; 13-е я провел в постели,

а 14-го снова выступил в путь — к лагерю №1. На этот переход у меня ушло десять часов: последний отрезок пути оказался очень тяжелым. Вода сильно поднялась, и по некоторым местам невозможно было пройти прежним маршрутом. Я немного окреп и смог поесть.

Погода весь день держалась неплохая, не считая одного или двух коротких буранов, но с вечера и до утра шел снег.

15-го я направился в Пайю. По дороге, еще на леднике, меня снова скрутила лихорадка, и пришлось пролежать три часа. Погода, по-видимому, испортилась окончательно. Временами проглядывало солнце, но по большей части было пасмурно и дождливо. Следует заметить (между прочим), что у городских жителей критерии плохой погоды совсем иные, нежели у тех, кто проводит много времени под открытым небом. Когда живешь в палатке, начинаешь понимать, что плохая погода редко держится больше двадцати часов подряд. Каждый день можно почти наверняка урвать часок-другой под солнцем. В городе же люди наблюдают за погодой лишь малую часть дня. С учетом этой разницы можно сделать вывод, что погода на леднике Балторо стояла на редкость отвратительная.

Вообще говоря, мне всегда страшно не везло с погодой в горах. Даже в Мехико я угодил в двухнедельную полосу холода и сырости, подобных которым не помнил никто из старожилов: в первые же двое суток в городе раскупили все печки. Когда я жил в Уосдейле, дождь шел сорок три дня подряд, не считая одного сухого утра и одного вечера. С другой стороны, за те девять дней, что я провел в Акьябе, дождь однажды прекратился на целых двадцать минут. Надо было засечь точное время, но я подумал, что настал конец света, и только после того, как полило снова, вспомнил, что надо посмотреть на часы.

На леднике Балторо я провел в общей сложности шестьдесят восемь дней — на два дня больше, чем кто-либо еще из нашей экспедиции. Это был еще один мировой рекорд, и он, насколько мне известно, не побит и до сего часа. Надеюсь, что мне удастся сойти с ним в могилу. Мне искренне жаль того, кто покусится на мои лавры, и я хочу заверить его, что воздержание в данном случае принесет больше радости, чем победа. Из этих шестидесяти восьми дней погожими выдалось лишь восемь, и ни разу хорошая погода не продержалась дольше двух

дней подряд. Разумеется, бывали дни смешанного характера. Но ни в едином случае я здесь не считаю за плохую ту погоду, которую в Альпах признали бы достаточно хорошей для восхождения на какой-нибудь второразрядный пик.

Следует упомянуть еще об одном невероятном случае, в который я не хотел верить до последнего. Эккенштейн и Ноулз по-настоящему расстроили известия о холере в окрестностях Бралду-Нала. Следует признать, что все рассказы и впрямь внушали беспокойство. Согласно одному отчету, от болезни скончалось около ста человек. Но по какой-то причине я относился к этому скептически; проходя через Аскол, я не заметил никаких волнений и признаков траура. На всякий случай я запретил моим людям входить в контакт с местными жителями — но и только.

Однако Эккенштейн и Ноулз решили вообще не заходить в эту деревню. Они предпочли вернуться в Шигар через Скоро-Ла — перевал, огибающий большую излучину при слиянии рек Бралду и Шигар. Эта дорога занимает почти столько же времени, но гораздо более трудна для путника. Поэтому мы с доктором пошли через долину. В Гомборо нам попались свежие абрикосы; наконец, после еще одного приступа несварения, когда я объелся свежей шелковицей и дынями в Шигаре, мое здоровье пошло на поправку с поразительной быстротой. Уже через неделю я снова был в отличной форме и укрепился в своем убеждении, что горы как таковые практически не имеют отношения к горной болезни.

Позже я обратил внимание, что сэр Ричард Бёртон — при всем своем скудном опыте — тоже не верил, что симптомы так называемой горной болезни связаны с большой высотой над уровнем моря, а не с расстройством пищеварения. Бёртон всегда был моим героем, и самое лучшее в нем — это удивительное здравомыслие. Так, например, где-то он пишет об инфлюэнце как о «той легонькой лихорадке, которую все ужасно боятся и называют инфлюэнцей», — и это чистая правда. Если сравнить это описание с тоннами псевдонаучной писанины современных медиков, то невольно затоскуешь по такой холодной голове и ясному взгляду, как у Бёртона.

Спуск в долину принес не так уж много новых впечатлений. Широкий грязевой поток пересох, обнажив растрескавшееся

дно, но перед этим разлился еще шире — в одном месте, наверное, ярдов на сто. Узкий поток не высох, но обмелел. В Дассо мы раздобыли свежих яблок, а на следующей стоянке, сразу за рекой Юно, — свежих персиков. Этот последний переход оказался очень тяжелым: девять часов пути по раскаленному песку и без единого укрытия, где можно было бы хоть немного отдохнуть от палящего солнца. Следующий день припас для нас нечто новое: мы познакомились с «заком».

Зак — это местная разновидность плота: бамбуковая решетка, обвязанная козьими шкурами в большом количестве (на сооружение нашего зака их ушло двадцать четыре). Поскольку шкуры протекают, примерно через каждые двадцать минут приходится причаливать к берегу, а это не всегда просто. Главную опасность составляют подводные камни. Если зак сядет на мель посреди реки, то снять его и довести до берега будет почти невозможно, даже если он застрянет в каких-нибудь шести футах от суши. Поэтому на каждом углу плота стоит человек с длинной бамбуковой палкой и прощупывает дно. В остальном зак почти неуправляем; очень трудно даже просто выровнять ход, если его закрутит течением. Я невольно припомнил лодку Бена Ганна из «Острова сокровищ». Точно так же вел бы себя на море и зак, в чем я убедился, когда мы дошли до места, где по реке прокатилось несколько волн высотой в пять-шесть футов.

Трудно поверить, что никто из нас не утонул. Чтобы не свалиться с плота, мы просунули ноги через прутья бамбуковой решетки и держались за ту же решетку руками. Течение было необыкновенно быстрым. Наши «приключения на воде» начались с переправы через Юно: мы вышли не на тот берег, и за плотом пришлось посылать гонца в какую-то невообразимую даль. (На местности такого рода совершенно невозможно предугадать заранее, с какой частотой будут попадаться непреодолимые преграды. В данном случае, например, не наша вина, что мы очутились не на том берегу, потому что обходной путь до другого берега занял бы дня три.)

Переправляться пришлось в несколько приемов. Честно говоря, такую реку вообще невозможно было бы пересечь на плоту, если бы она не разделялась на семь рукавов, только один из которых нельзя перейти вброд. Естественно, для переправы

мы выбрали место с самым медленным течением. Но все равно нас снесло примерно на три четверти мили, хотя ширина потока составляла меньше двухсот ярдов. Чтобы вернуться за остальной частью отряда, нам пришлось пронести на руках вверх по течению где-то на пару миль. Но бог с ней, с переправой. Главное — на следующий день мы добрались до Шигара всего за три часа десять минут, тогда как обычным путем на это требуется три долгих перехода.

Скорость течения была очень непостоянной. Кое-где мы крутились на месте по полчаса среди соперничающих между собой водоворотов, а кое-где мчались вниз по течению на скорости больше двадцати миль в час. Ощущения были необычайно бодрящие: стремительное движение, острое чувство опасности, пьянящий воздух, величественные окрестные пейзажи и, самое главное, блаженное осознание того, что, по выражению доктора, «дорога несет нас сама». Я был вне себя от восторга. Огромной радостью стало также воссоединение с Ноулзом и Эккенштейном, которые, наконец, избавились от ужаса перед холерой и обрели свое обычное хладнокровие. Всей компанией мы пересели на большой закат и добрались до Скарду за два часа. Там нас поджидало настоящее пиршество: спелый виноград, картошка и молочная кукуруза. Радости нашей не было предела: вот уж воистину, Юность на носу судна и Наслаждение у руля!

Вернуться из Скарду в Шринагар можно двумя путями: так же, как мы туда пришли, или через плато Деосай. Это высокое, от четырнадцати до семнадцати тысяч футов, нагорье, пересеченное четырьмя крупными реками. О нем ходит исключительно дурная слава. Особенно коварными считаются реки: сначала они заманивают путника пересечь одну или две из них, а потом разливаются так, что идти дальше становится невозможно; путешественники застревают на плато и умирают от голода. Я хотел вернуться этим путем, но Эккенштейн уже ходил им и не желал повторения. В итоге мы решили разделиться: он

¹ «Юность на носу судна и Наслаждение у руля» — название картины (1830—1832) английского живописца Уильяма Этти (1787—1849).

взял с собой Ноулза, я — доктора. (Впрочем, уже после того, как мы выступили в путь, Эккенштейн передумал и последовал за нами.) 26 августа я пережил последний приступ лихорадки и пролежал полдня, а затем встал и посетил местного старосту, чтобы нанять пони. На следующий день мы направились в Пиндербал и проехали верхом пять часов — очень приятная прогулка вдоль реки, по крутому берегу. Единственный инцидент объяснялся тем, что мой пони, очевидно, читал Ветхий завет и решил позабавиться, гарцуя под деревом. Я запутался волосами в ветвях, как Авессалом¹, а пони бодро потрусил дальше, оглашая окрестности веселым ржанием. Мы устроили привал под большим валуном; после обеда я сидел у огня, с наслаждением покуривая трубку, и тут случилось кое-что примечательное и весьма характерное для этих мест.

Я заметил, что по склону вниз движется какая-то бесформенная масса. Когда она приблизилась, стало понятно, что это человек лет скорее семидесяти, чем шестидесяти, с мешком больше собственного роста, набитым, как позже выяснилось, сушеными абрикосами. Я дружелюбно приветствовал гостя и предложил ему табаку. Он присел напротив меня на корточки и завел беседу. Когда он произнес слова «сушеные абрикосы», мне пришлось призвать на помощь всю свою философию, чтобы не вскинуть брови от удивления: ведь это было все равно что возить уголь в Ньюкасл²! Балтистан целиком и полностью состоит из камней, рек и сушеных абрикосов, причем последние служат главным предметом экспорта.

Но тут меня осенило! Бедный старик не смог пересечь плато и возвращался домой умирать! Я выразил ему сочувствие и предложил помочь. О нет, ничего подобного! Он, оказывается, протаскил свой мешок до самого Шринагара и, обнаружив там, что цена за фунт его товара упала на какую-то долю пенса, решил не продавать свои абрикосы и повернул обратно. Мешок был просто гигантским; я взвесил его на пружинных весах — получилось четыреста десять фунтов! Весь этот бизнес поразил меня как предприятие чисто духовное. Я дал старику пять рупий. Он едва не рехнулся от счастья и полностью

1 См. II Цар. 18:9—15.

2 Ньюкасл — город на северо-востоке Англии, крупный исторический центр добычи и экспорта угля.

восстановил свою пошатнувшуюся было веру во Всевышнего, который посвящает все Свое время заботам о верных.

На следующий день часа за четыре мы доехали до вершины перевала, с которой открывался великолепный вид на долину Скарду и на Инд, несущий свои воды на фоне огромных гор. Прямо перед нами лежало плато Деосай и абсолютно безлесная пустошь, относительно плоская и окаймленная невысокими пиками. Казалось, тут царит небывалое запустение: я никогда еще не видел ничего подобного. Однако переход оказался очень приятным: мы ехали среди цветов и ласковых ручейков, погода стояла замечательная, и продвигались мы быстро.

На следующий день мы добрались до Крануба (он же Калапани) меньше чем за шесть часов, но на холодном ветру и под пасмурным небом. Как только мы разбили лагерь, хлынул проливной дождь. 30 августа за восемь часов мы спустились с плато к Бурзилю, где обнаружился гостевой дом. В последний час дождь лил не переставая, так что обозреть окрестности нам не удалось, но все равно было понятно, что характер местности радикально изменился.

Бурзиль стоит на дороге в Гилгет. Эта «дорога» (на самом деле — хорошая тропа для мулов) оказалась очень загруженной: непрерывной вереницей по ней тянулись всевозможные выючные животные: люди, мулы, волы, ослы, лошади, верблюды... Все торопились завезти припасы в местный гарнизон, пока не началась зима и снег не засыпал перевалы. Гилгет расположен с индийской стороны Памира, и местность к северу от него гораздо более трудна для путешественника, чем к югу; нетрудно вообразить себе, как меня позабавила вечная тревога правительства по поводу того, что этим маршрутом в Индию могут вторгнуться русские! Объединенных усилий обеих стран едва ли достанет, чтобы ввести сюда больше полудюжины полков. Нам то и дело твердят о завоеваниях Александра Македонского, но на самом деле его экспедиция не показательна. Со времен Александра климат по всему миру значительно изменился. К этому вопросу я еще вернусь, когда дойду до рассказа о пустыне Сахара, а пока что отмечу только, что во времена Македонской империи часть Индостана, о которой идет речь, была, по всей видимости, гораздо более плодородной. Об этом свидетельствуют не только останки древних

цивилизаций, но и общие данные о физических процессах, протекающих на нашей планете.

Мы спустились в долину Бурзила — потрясающе красивое и красочное ущелье, поросшее великолепными деревьями, кои «разбрасывают тени вдоль отрогов»¹. В окрестностях Пашвари оно уже начало размыкаться, а неподалеку от Гораи нам встретился широкий и плавный поток, неторопливо петлявший по плоскому дну долины. Я медленно спускался по тропе к лагерю, как вдруг сзади раздался окрик: «Хат джао!» («Прочь с дороги!») — а секунду спустя мимо меня промчался на полном скаку, ругаясь себе под нос, здоровенный английский майор. Я только усмехнулся в бороду: надо же, меня приняли за туземца!

В Гораи я разыскал Эрнеста Рэдклиффа — помощника старшего лесничего Кашмира, моего старого знакомого. Он принял меня с распростертыми объятиями и устроил для меня вожделенную горячую ванну, за которой последовали обед и ужин. За ужином я встретил того майора; поначалу он меня не узнал — ведь я переоделся и сидел за столом вместе с белыми, — но когда я напомнил ему об утреннем происшествии, чрезвычайно смутился и просил прощения за свою нечаянную грубость.

В Гораи имеются большой подвесной мост и руины огромной старинной крепости. 2 сентября мы миновали их, а 3-го добрались до Трагобала. Здесь дорога пересекается с перевалом высотой примерно в 10 тысяч футов. Великолепная поездка среди совершенно диких и густых лесов, в окружении горных пейзажей! Некоторые деревья здесь просто гигантские, и вид на долину, окаймленную их величавыми темными силуэтами, кружит голову. Немногие знают, до чего прекрасны бывают виды природы. Обычный европеец предпочитает добраться до какой-нибудь возвышенности (предпочтительно поездом), откуда открывается панорамный вид. Но с моей точки зрения даже самая благородная панорама несколько однообразна. Сама ее безграничность снижает эстетическую ценность. Чтобы оценить дальнюю перспективу в полной мере, нужен передний план. Во всем своем совершенстве природа открывается тем, кто взбирается на горы и путешествует

¹ Цитата из стихотворения Дж. Китса «Ода Психее» (пер. Е. Витковского).

по горным лесам. На каждом повороте передний план привлекает внимание все к новым и новым деталям фона, так что картины постоянно меняются. Глаз не переутомляется, как тогда, когда ему приходится воспринимать слишком много сразу, а красота дальних планов воспринимается куда острее благодаря контрастам с ближними видами.

Вскоре после перевала нам открылся вид на долину Кашмира с озером Вулар. Характер пейзажа снова изменился до неузнаваемости. За каких-то четыре часа мы бодро доехали до Бандипуры. Комары с этой стороны озера бесчинствуют так, что впору жаловаться на них в газеты. Они отравляют репутацию всей долины. Мы наняли «дунгу» (разновидность жилой барки, какими здесь пользуются для плавания на сколько-нибудь далекие расстояния), переправились через озеро и высадились в Барамуле. Вместо предполагаемых пяти часов переправа заняла двенадцать.

На следующий день мы отдохали, нежась в относительном комфорте, омрачившемся для меня лишь рецидивом малярии. Но 6 сентября я уже ехал на тонге в Шринагар — через 132 дня после того, как его покинул. Экспедиция на Чогори завершилась.

Проведя около недели в Шринагаре, я принял приглашение Рэдклиффа пожить и поохотиться у него в Барамуле. Я отправился в путь на дунге, чтобы получше рассмотреть местную жизнь и узнать побольше о характере туземцев: теперь, сняв с себя ответственность за экспедицию, я мог спокойно предаться наблюдениям. Двухдневное путешествие по реке и озеру доставило мне чистейшую радость. Я прочувствовал до глубины души всего «Кубла-хана», включая и те части, которые Кольридж позабыл¹. Я понял восклицание персидского поэта:

¹ «Кубла-хан, или Видение во сне» — незавершенная поэма С. Т. Кольриджа, впервые опубликованная в 1816 году. В предисловии к поэме Кольридж сообщил, что эти стихи пришли к нему во сне после приема опиума и чтения записок Марко Поло о жизни при дворе монгольского хана Хубилая (Кубла-хана). Проснувшись, Кольридж начал записывать поэму, но вынужден был прервать это занятие, а впоследствии уже не смог вспомнить ни строчки.

*Коль на земле блаженство рая есть,
То это здесь, то это здесь, то это здесь!*¹

От случая к случаю мы с Рэдклиффом ходили на медведей, но особого энтузиазма у меня это не вызвало. Я все еще страдал от перемежающейся лихорадки и был погружен в какую-то апатию. Физически я чувствовал себя превосходно, однако любое напряжение сил вызывало досаду. Сказывалась усталость от путешествия. Мне хотелось только прохладиться в тени, есть и пить в свое удовольствие и дремать — «сонно-сонно, томно-томно в самый жаркий час»². Мы с Рэдклиффом условились отправиться в более серьезный поход, но его вызвали куда-то телеграммой, и я решил отчалить в родные пенаты.

21 сентября я выехал из Барамулы, 24-го добрался до Пинди, и, проведя по паре дней в Дели и Адждмере, в последний день месяца прибыл в Бомбей. Я хотел было осмотреть Джайпур и заброшенный город³, когда-то, в расцвете славы, покинутый в одночасье всеми жителями по совету астролога (а тот предсказал, прошу заметить, что город уподобится «дворцу, где царь Джамшид пиры давал»⁴, — и не ошибся!). Но в ходе экспедиции моя восприимчивость определенно притупилась, а жизненная сила временно истощилась от лишений и болезней.

Вот любопытное — и единственное — тому свидетельство: борода у меня в то время состояла из рыжих и черных волос почти в равной пропорции. Перед возвращением в Европу я побрился, а когда отпустил бороду снова, то все рыжие волосы превратились в белоснежные.

Я отплыл из Бомбея 4 октября на борту бедного старого «Египта», потерпевшего крушение у берегов Ушанта⁵ в 1922 году. Среди пассажиров был молодой офицер, возвращавшийся в Англию к своей невесте. Не последнюю роль в осуществлении его планов играло простое золотое кольцо, которое

1 Стихи персидского поэта Амира Хосрова Дехлеви (1253—1325), написанные о Кашмире.

2 Цитата из популярной в то время песни.

3 Фатехпур-Сикри, в 1571—1585 гг. столица империи Великих Моголов.

4 Аллюзия на 18-й катрен из «Рубайята Омара Хайяма» Э. Фицджеральда: «Дворец, где царь Джамшид пиры давал, / Прибежищем лисиц и ланей стал» (пер. В. Микрюкова).

5 Ушант (Уэссан) — остров в Атлантическом океане у побережья Бретани.

этот юноша носил на мизинце левой руки. Рассказывая нам свою романтическую историю, он снял кольцо, чтобы прочесть надпись на внутренней стороне. И как раз в тот момент, когда он надевал его обратно, проходивший мимо стюард толкнул его под локоть, и кольцо упало на палубу. Оно наверняка скатилось бы в желоб для стока воды, откуда его можно было бы благополучно достать, но владелец кольца и стюард бросились его ловить. Один из них схватил кольцо, но оно выскользнуло из пальцев и упало за борт. Молодой человек так расстроился, что больно было смотреть. «Я не посмею взглянуть ей в глаза!» — причитал он, обливаясь слезами. Мы сделали лучшее, что было возможно в такой ситуации: составили и подписали свидетельство, в котором объяснялось, как именно произошел этот несчастный случай.

За время путешествия всё это забылось, и когда мы прибыли в Аден, даже злосчастный жених воспрял духом. Пока пароход стоял в гавани, мы от скуки решили заняться ловлей акул. Примерно через час мы выловили большую рыбу и тотчас взрезали ей живот, но кольца так и не обнаружили¹.

До Адена я добрался 9 октября. Это место совершенно непригодно для жизни. Поскольку я направлялся в Египет, мне пришлось провести один день в гостинице «Моисеев источник»: опасаясь чумы, власти постановили, что между выездом из Бомбея и въездом в Египет должно пройти не менее одиннадцати дней, так что я попал в карантин. Этот «Моисеев источник» оказался самым отвратительным заведением из всех, какие я знал, — не считая, пожалуй, гибралтарских. Я записал в дневнике, что еда была «грязная, омерзительная на вкус и абсурдно дорогая». Если я ничего не путаю, готовил ее грек, а подавал армянин, — и этим все сказано.

14 октября я прибыл в Каир и одним махом перенесся на седьмое небо. До Дня Гая Фокса² я жил в отеле «Шепард», вкушая все радости жизни. Я даже не поехал посмотреть на пирамиды. Не хотелось, чтобы в ответ на меня посмотрели сверху

1 Аллюзия на легенду о древнегреческом тиране Поликрате (ум. 522 до н.э.), отличавшемся невероятной удачливостью. По преданию, Поликрат уронил в море драгоценный перстень, но уже через несколько часов тот обнаружился в желудке рыбы, поданной ему на пиру.

2 День Гая Фокса — национальный британский праздник, который отмечается в ночь с 4 на 5 ноября.

вниз сорок веков. Пропади они пропадом со своим чванством! Не удалось мне и взяться за изучение ислама с религиозной точки зрения, но зато я прошел курс этнологии, запечатлевшийся в моей памяти как прогулка по дивному саду, где цветут только розы без шипов. Я нанял машинистку и в моменты просветления надиктовывал ей рассказ о моих странствиях и приключениях, но большая часть времени уходила на усердные изыскания на рыбном рынке.

Более того, мысли мои начали возвращаться в привычное русло. Среди прочего, я пришел к выводу, что «самая неувыдающая поэзия — это, пожалуй, любовные песни, рассчитанные на настоящих крестьян: стихи о любви и форели». Я начал писать стихотворный цикл — «Алфавит влюбленного». Предполагалось, что в него войдут двадцать шесть стихотворений, в каждом из которых имя девушки будет связано с цветком, название которого начинается на ту же букву, от А до Z. Очередная моя педантская причуда! Разумеется, ничего из этого не вышло. Уцелевшие обрывки опубликованы в томе III моего «Собрания сочинений». Кроме того, я лениво копался в «Орфее» и прочем литературном хламе, накопившемся за полтора года.

До сих пор — и даже в походе — я время от времени занимался практической магией, но с возвращением к цивилизации забросил и ее. Что до йоги, то в этих водах по-прежнему царил полный штиль. Даже транс скорби меня больше не волновал. Я не сомневался ни в эффективности магии, ни в достоинствах мистицизма. Просто мне было неохота со всем этим возиться. Нет, я не питал иллюзий по поводу истинной ценности мирских наслаждений; но мне попросту не хватало сил ни на какой другой образ жизни.

Понятия не имею, почему многие считают отшельников лентяями. На самом деле куда проще плыть по течению, постоянно освежая мысли переходами от одного отвлечения к другому. Пожалуй, даже самого праздного монаха можно назвать более деятельным, чем самого занятого бизнесмена. Это относится не столько к католическим монахам, ибо те остатки разума, которые у них еще сохранились, постоянно притупляются рутинной ежедневных практик, и не столько к миссионерам, многие из которых живут как буржуа, разнообразя свои дни

приятными всплесками тщеславия, сколько ко всем монахам восточных стран, от Японии до Марокко.

Можно пойти дальше и заявить, что и вне рамок религии восточные люди живут гораздо более глубокой и напряженной внутренней жизнью, нежели европейцы и американцы, — разумеется, в том случае, если они выйдут из животного ступора, получив образование. Западный человек использует образование для того, чтобы заглушить мысль. Он загрязняет свой разум частностями деловой и семейной жизни и разлагает его чтением газет. На Востоке же деятельный ум не способен порхать по поверхности. Сравнительно ограниченный интеллектуальный багаж принуждает его постоянно углублять русло, по которому текут его мысли. В итоге и получается так, что за пределами Азии и Африки лишь очень немногие догадываются о существовании каких-либо высших состояний сознания. Западный человек понимает под сознанием один-единственный уровень здравого ума — тот, что состоит из механических реакций мысли на различные стимулы органов чувств. Даже такие относительно легкие отклонения от этого уровня, как задумчивость ученого и созерцательный настрой философа, считаются ненормальными и в известном смысле нездоровыми. Они служат предметом вульгарных насмешек.

В этом состоянии абсолютной духовной апатии я и отправился из Египта домой, в Англию. На протяжении всех своих путешествий я поддерживал нерегулярную переписку с Джеральдом Келли¹, который к этому времени начал учиться рисовать и снял студию на Монпарнасе в Париже, на улице Кампань-Премьер. Он пригласил меня к себе пожить, и я с радостью принял приглашение. Но я уже носил на челе печать Духа Одиночества, Странника-в-Пустыне, Аластора²; ибо при всем энтузиазме, с которым я погрузился в артистическую атмосферу Парижа, подсознательно я чувствовал, что не имею здесь постоянного града³.

1 Историю знакомства Кроули с Джеральдом Келли см.: Исповедь, т. 1, указ. соч., стр. 214—217.

2 См.: Исповедь, т. 1., стр. 250—251, примеч. 1.

3 Аллюзия на Евр. 13:14: «...ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего».

Я начал понемногу подбирать старые нити своей жизни. Мнение Алана Беннета о душевном здоровье Мазерса не поколебало моей уверенности в авторитете последнего. Предыдущие его достижения неопровержимо свидетельствовали, что в какой-то период он действительно был представителем Тайных Вождей; однако предстояло выяснить, подвергся ли он лишь временной одержимости или пал окончательно.

Перед отъездом в Мексику я оставил Мазерсу на хранение несессер, сумку и несколько ценных книг, которые мне не хотелось возить с собой. Оказавшись в Париже, я зашел к нему и попросил вернуть мои вещи. Я застал его как будто бы в здравом уме, но в его поведении чувствовалась какая-то скованность и смущение. Он отдал мне книги, но по поводу сумок заявил, что доберется до них лишь через несколько дней, поскольку как раз переезжает в новый дом на Бютт-Монмартр (где я, собственно, и нашел его посреди разгрома и хаоса, приличествующих переезду). Больше я их никогда не видел. Между тем, несессер был почти новый и стоил пятьдесят гиней.

Я сделал соответствующие выводы. Мазерс поступил со мной точно так же, как до того — со многими другими. Но я все еще не видел оснований от него отречься. Я предпочел выжидать: при всех своих недостатках Мазерс был единственным полномочным вождем Ордена, и Тайные Вожди еще не выразили определенного намерения сместить его.

Впрочем, у меня почти не осталось сомнений, что причиной его падения стало опрометчивое призывание сил, описанных в «Книге Священной Магии Абрамелина-мага». Я решил прибегнуть к помощи независимого наблюдателя. В числе англичан, обитавших на Монпарнасе, был молодой человек по фамилии Хоуис, сын некогда знаменитого Х. Р. Хоуиса, автора книги «Музыка и мораль»¹. Он был выпускником Питерхауса² и теперь изучал изобразительное искусство; позднее он достиг на этом поприще умеренной известности. По моей просьбе этот юноша нанес визит Мазерсу и вытерпел невероятно скучную и напыщенную беседу о древних мексиканских богах.

1 Хью Реджинальд Хоуис (1838—1901) — английский священник и писатель, увлекавшийся музыкой. Самая известная его книга, «Музыка и мораль» (1871) выдержала до конца XIX века 16 переизданий.

2 Питерхаус — один из колледжей Кембриджского университета.

Шарлатанство было налицо: свои сведения Мазерс получил от тех самых людей, которые в свое время подбили меня поехать в Мексику. Он эксплуатировал принцип «*omne ignotum pro magnifico*»¹, как самый настоящий мошенник. Тут я, наконец, вступил в магический контакт с его силами. Великолепно, хотя и не без лишних прикрас, об этом поведал капитан (ныне генерал-майор) Дж.Ф.Ч. Фуллер², и мне не остается ничего другого, как процитировать его рассказ:

...Джеральд Келли выказывал признаки серьезной обеспокоенности. Брат P[erdurabo] осведомился, что его тревожит, и услышал в ответ: «Пойдем же и освободим мисс Q. от злобных чар миссис M.» На вопрос о том, кто такая эта миссис M., Джеральд Келли ответил, что она — вампириша и колдунья и что она ваяет некоего сфинкса, дабы затем вдохнуть в него жизнь и заставить выполнять свои мерзкие поручения; и что упомянутая мисс Q. стала ее жертвой. Чтобы облегчить бремя забот, тяготивших друга, P[erdurabo] попросил проводить его к мисс Q., ибо миссис M. в то время жила у нее. Джеральд Келли так и сделал.

История, изложенная ниже, далеко не столь примечательна, как многие другие странные события, включившиеся с Братом P[erdurabo] за те пять месяцев, что он прожил в Париже, но все-таки мы предпочли поведать именно ее, потому что в ней снова выходят на сцену некоторые уже знакомые нам персонажи.

Итак мисс Q. после недолгой беседы пригласила P[erdurabo] на чай для знакомства с миссис M. Представив их друг другу, она вышла приготовить чай, — и так две Магии, Белая и Черная, остались наедине, лицом к лицу.

1 Имеется в виду изречение Тацита «*Omne ignotum pro magnifico est*» — «Все неизвестное представляется величественным» (лат.).

2 Джон Фредерик Чарльз Фуллер (1878—1966) — британский военный, историк и оккультист, в 1906—1911 гг. — друг и ученик Алистера Кроули. Далее приводится отрывок из книги «Храм царя Соломона», написанной Фуллером на основе дневниковых материалов Кроули (см.: Храм царя Соломона, т. 2, указ. соч., стр. 133—136).

На каминной полке стояла бронзовая голова Бальзака. Р[erdurabo] взял ее и, усевшись в кресло у огня, стал рассматривать.

Внезапно на него нахлынула странная сонливость, и он почувствовал, как что-то касается его руки — бархатистое и мягкое, успокаивающее и, вместе с тем, похотливое. Вскинув голову, он обнаружил, что миссис М. успела бесшумно приблизиться и склониться над ним; ее густые кудри разметались по плечам, а кончики пальцев осторожно поглаживали тыльную сторону его ладони.

Вместо женщины средних лет, потрепанной бурями причудливых пороков, перед ним стояла юная дева пленительной красоты.

Тотчас признав могущество ее чар, он понял: если он продолжит созерцать голову этой Горгоны еще хотя бы мгновение, то сила его собственной магии обратится в камень, а сам он станет жалкой марионеткой в ее руках, и, наигравшись, она отшвырнет его прочь, как сломанную куклу. Он молча поднялся, как будто и не произошло ничего необычного, и поставил бюст Бальзака обратно на полку, а затем повернулся к миссис М. и повел с ней магический разговор, то есть такую беседу, которая на сторонний взгляд показалась бы наилучшей светской болтовней, но в действительности раздирала ее злобное сердце и жгла огнем ее черное нутро, как если бы каждое слово было каплей едкой кислоты.

Корчась, она попятилась, но затем снова подступила к нему, облекшись красотой еще более ослепительной. Теперь она уже сражалась за свою жизнь, а не за кровь очередной жертвы. Она знала, что, если проиграет, то перед ней развернется ад — тот самый ад утраченной красоты, старческой немощи, морщин и жира, который видит перед собой всякая женщина, в юности прекрасная, но уже переступившая порог средних лет. И вот запах мужчины наполнил всю ее тонкую оболочку истинно кошачьей гибкостью и неотразимой красотой. Еще один шаг — и она бросилась на Брата Р[erdurabo] и, изрыгнув непристойное слово, потянулась к его губам своим алым ртом.

Но Брат P[erdirabo] перехватил ее и, удерживая на расстоянии вытянутой руки, нанес этой колдунье удар ее же собственным потоком злобы, — так жертва порой обращает против незадачливого убийцы то же самое оружие, с которым он на нее набросился.

Зеленовато-синий свет окутал голову вампириши; льняные кудри ее окрасились в цвет грязного снега, нежная кожа покрылась морщинами, а те глаза, что обратили в камень столько счастливых душ, потускнели и стали подобны свинцу, забрызганному винным осадком. Дева двадцати лет исчезла бесследно; перед P[erdirabo] стояла шестидесятилетняя карга, согбенная, дряхлая и развратная. Бормоча проклятия, она заковыляла прочь и скрылась за дверью.

Покинув дом мисс Q., Брат P[erdirabo] перебрал в уме все эти странные события и вскоре пришел к выводу, что миссис M. работала не одна: по всей вероятности, за ней стояли силы, далеко превосходящие ее в могуществе. Она же сама была лишь марионеткой этих сил, служанкой, которая ловит детей и невинных агнцев, дабы затем подать их на стол своего господина. Но возможно ли это доказать? возможно ли выявить, кто эти господа? Задача была не из простых; для этого требовалось либо несколько месяцев работы, что P[erdirabo] не мог себе позволить, либо счастливый случай, надеяться на который было бы недостойно.

Вечером, пересказав дневные события своему другу Джеральду Келли, P[erdirabo] спросил, нет ли у того знакомой ясновидящей, на которую можно было бы положиться. Джеральд Келли ответил, что таковая имеется и как раз сейчас находится в Париже; более того, это не кто иная, как его, Джеральда Келли, *belle amie*, и прозывают ее «Сивиллой». Тем же вечером друзья посетили эту ясновидицу, и P[erdirabo], направляя ее в духе, узнал следующие примечательные факты.

Поначалу видение касалось каких-то незначительных вещей, но затем, постепенно, ясновидящую подвели к дому, в котором P[erdirabo] тотчас признал жилище D.D.C.F. [С.Л. Макгрегора Мазерса]. Он вошел

в одну из комнат, которую тоже сразу узнал; но, как ни странно, вместо D.D.C.F. и V.N.R. [Мойны Мазерс] там оказались Тео и миссис Хорос¹. При этом мистер Хорос (M[agus] S[idera] R[egit]) вселился в тело V.N.R., а миссис Хорос (S[wati] V[ivek]A[panda]) — в тело D.D.C.F. Собственные их тела находились в тюрьме, но души обитали в доме павшего вождя Золотой Зари.

Поначалу Брат P[erdirabo] пришел в ужас от этого зрелища. Он не знал, что делать: то ли направить карающий поток воли против D.D.C.F. и V.N.R., в том случае если они по собственной воле дали пристанище духам двух развоплощенных вампиров или, быть может, абрамелиновым демонам, ранее скрывавшихся под личинами S.V.A. и M.S.R., то ли, напротив, предостеречь D.D.C.F., если он неповинен (как, скорее всего, и было) в столь тяжком и черном преступлении. Но пока P[erdirabo] колебался, не в силах принять решение, в тело Сивиллы вошел некий голос, повелевший ему оставить все как есть. P[erdirabo] повиновался; но этим дело не кончилось.

Эта история — образцовый пример того, в каком состоянии я находился в то время как маг. Я вел себя как Мастер Магии, но дальнейшее развитие меня не интересовало. В Европу я вернулся со смутным ощущением, что стоило бы возобновить операцию Абрамелина, но деградация Мазерса меня обескуражила; и, кроме того, я теперь во многом мыслил как буддист. Мое эссе «Наука и буддизм» — наглядное тому свидетельство. В Париже я опубликовал за свой счет эссе «Берешит» маленьким тиражом; но в целом казалось, что духовная почва выбита у меня из-под ног. Я начал подозревать себя в излишнем самомнении и во всех сопутствующих этому недугах. Боюсь, что неудачная экспедиция внушила мне мысль, что если я и лев, то очень маленький, — и важные особы из артистического

¹ Хоросы — супружеская чета мошенников, выдававших себя за посвященных Золотой Зари высокой степени. После того, как Хоросы были арестованы по обвинению в тяжелых уголовных преступлениях, в ходе судебного процесса над ними некоторые сведения о деятельности Герметического ордена Золотой Зари стали достоянием широкой публики, что ускорило назревавший в ордене раскол. Подробнее см.: Хоув, Маги Золотой Зари, указ. соч., стр. 353—356, 409—410.

мира Франции естественным образом приняли меня за своего коллегу.

В Англии подобной среды нет. Художники и писатели либо живут сами по себе, либо сбиваются в узкие кружки. Невозможно даже пригласить какого-нибудь достойного человека на ужин, не разворошив при этом всю муравьиную кучу и не возбудив безумную и яростную личную зависть. В Англии уважающий себя писатель неизбежно становится одиночкой, как Харди или Конрад: величие его шедевров не позволяет ему принимать ни малейшего участия в сиюминутных делах, волнующих мир искусства. В некотором роде это идет ему на пользу, потому что подлинный гений не нуждается в какой-либо особой среде: он чувствует себя как дома и в трущобах, и в сельской глуши. В атмосфере салона он задыхается. С другой стороны, во Франции постоянное светское общение между людьми искусства цивилизует их и приводит к некоему общему знаменателю; в результате писателей средней руки здесь гораздо больше, чем в Англии, но мастеров, способных на высочайшие достижения, — гораздо меньше. Опять-таки, в Англии настоящих мастеров можно даже распознать, не дожидаясь, пока они умрут, потому что все остальные инстинктивно их ненавидят.

Любая искра индивидуальности в Англии воспринимается как вызов общественным приличиям. Мы выбираем из своей среды сэра Ричарда Бёртона, Джейка Томсона, Джона Дэвидсона, Эрнста Доусона¹ и бог весть кого еще, чтобы превратить их в мишени для оскорблений, клеветы и остракизма, чтобы заморить их голодом и сгноить в тюрьме. А заодно страдают и совершенно безобидные люди. Альфреда Теннисона одно время упрекали за «непонятность». Чарльз Диккенс осудил Холмана Ханта² как непристойного художника и потребовал, чтобы того преследовали по всей строгости закона и посадили в тюрьму. «Джуд Незаметный»³ прослыл «Джудом

1 Ричард Бёртон — см.: Исповедь, указ. соч., т. I, примеч. 4 на стр. 12—13. Джеймс Томсон (1700—1748) — шотландский поэт, умер в расцвете лет от осложнений после простуды. Джон Дэвидсон (1857—1909) — шотландский поэт, покончивший жизнь самоубийством. Эрнест Доусон (1867—1900) — английский поэт и писатель, умерший от алкоголизма.

2 Уильям Холман Хант (1827—1910) — английский художник, один из основателей Братства прерафаэлитов

3 «Джуд Незаметный» (1895) — роман Томаса Харди, подвергшийся нападкам критиков за несоответствие общепринятым моральным нормам.

Неприличным». Суинберна окрестили «певцом корыта и хлеба», из-за чего издатель в панике отозвал из печати первую часть его «Стихотворений и баллад». Не меньшим гонениям подверглись Россетти и Моррис, не говоря уже об Ибсене, Мередите, Ницше, Метерлинке, Толстом, да и обо всех (не исключая и Бернарда Шоу), чьи имена еще свежи в памяти человечества.

Во Франции, как правило, не приходится всходить на подобную Голгофу, чтобы добиться известности. Художники и писатели пользуются взаимным уважением и почтением публики. Об окончательном месте каждого них в истории искусства неторопливо судит само время. И только в самых исключительных случаях великому человеку все же выпадает честь взойти на крест. Разумеется, через жернова гонений прошел Золя, но только потому, что влез в политику, опубликовав свое «J'accuse»¹; обвинения в непристойности выдвинули против него лишь потому, что его гонители не пренебрегали никакими средствами.

Однако мне, как обычно, повезло: я прибыл в Париж, когда там бушевали страсти вокруг событий, не знающих себе равных в истории Франции, а именно — когда Роден изваял статую Бальзака, ставшую мишенью для жестокой критики². Меня представили Родену, и я с первого же взгляда влюбился в этого великолепного старика и в его шедевр. Я и по сей день считаю, что эта статуя Бальзака — самое интересное и значительное из всех его произведений. Это было настоящее новое слово в скульптуре. До тех пор Роден предпринимал отдельные попытки выразить духовную истину пластическими средствами, но его сковывала необходимость «изображать» то, что принято называть «натурой». Душа оставалась рабыней глаза. Можно было лишь намекнуть на место великого человека

1 «Я обвиняю» (фр.), открытое письмо Эмиля Золя, опубликованное в газете «Орор» 13 января 1898 года. В этой статье писатель обвинял французское правительство в антисемитизме и выступал против незаконного заключения в тюрьму Адольфа Дрейфуса. В ответ Золя был обвинен в клевете и вынужден был на полтора года уехать в Англию, чтобы, в свою очередь, избежать тюрьмы.

2 В 1891 году Огюст Роден (1840—1917) получил от французского Общества литераторов заказ на создание памятника Бальзаку. Роден не уложился в сроки и подготовил статую к публичному показу лишь через семь лет: все еще не законченный памятник был продемонстрирован в парижском Салоне 1898 года и вызвал громкий скандал. Заказчики охарактеризовали его как «бесформенную массу» и отказались принять работу; Роден вернул выплаченный аванс и оставил статую себе.

во вселенной, окружив более или менее натуралистический его портрет аксессуарами, относящимися к делу его жизни. Нельсона изображали на фоне трехпалубных кораблей и с телескопом под мышкой, а Рена¹ — с циркулем в руках на фоне собора Святого Павла. Роден рассказал мне, как придумал своего Бальзака. Для начала он вооружился всеми доступными документальными свидетельствами, но они лишь повергли его в отчаяние. (Следует сразу сказать, что Роден был не человеком, а богом. Он не обладал интеллектом в обычном смысле этого слова: он был воплощенная мужественность, избыток которой непрерывно перетекал в создание ярчайших и живейших образов. Мне хватило наивности донимать его расспросами в надежде получить какие-то сведения об искусстве из первых рук — из самого источника искусства. Однако за всю свою жизнь я не встречал никого — будь он белым, черным, коричневым, желтым, розовым или в синюю крапинку, — кто был бы настолько невежествен в вопросах искусства, как Огюст Роден! В лучшем случае он бормотал, запинаясь, какие-то банальности, наподобие того, что природа — лучший учитель. Книжки по изобразительному искусству, автором которых он считается, — это всего лишь журналистские компиляции.)

Итак, его охватила своего рода разрушительная ярость, и он оторвал свою первоначальную программу со всем ее жалким педантизмом. Наполнив душу высшим синтезом данных, которые так и не смогли породить никакого конкретного образа, он приступил к работе и создал того Бальзака, которого мы знаем. Разумеется, эта статуя не имела ни малейшего отношения к частным деталям внешности Бальзака в тот или иной период. Все подобные вещи — лишь покровы. Шекспир остался бы Шекспиром, даже если бы кто-то плеснул ему в лицо серной кислотой. Настоящий Бальзак — это автор «Человеческой комедии», и Роден выразил эту духовную абстракцию в материальных формах.

Мало кто осознаёт, что гений способен уловить и передать самую суть предмета, не изучая его сколько-нибудь подробно. Тот, кто достиг мастерства в одном из родов искусства, понимает и все остальные, даже если не занимается ими

¹ Кристофер Рен (1632—1723) — английский архитектор и математик, проектировщик собора Святого Павла в Лондоне (1675—1710).

и не изучает их технические приемы. Припоминаю одну сцену в мастерской Родена, которую я описал в сонете. Некий просветленный дух пришел к нему со скрипкой, и все мы заворуженно внимали. Внезапно Роден улыбнулся и указал на «Пана и Сирингу». Я заметил его жест и осознал, что звучащие в этот момент аккорды в точности повторяли изгиб подбородка Сиринги. Способность воспринимать подобные сущностные аналогии, не зависящие от средств материального выражения, — это неопровержимая примета мастерства. Любой, кто понимает (а не просто знает) свое дело, поймет и дело другого мастера. Предположим, например, что в студии находились бы в тот момент великий садовник, великий геолог и великий математик. Если бы они не поняли и не одобрили жест Родена, я бы не признал их настоящими мастерами — даже в их собственных областях. Ибо, с моей точки зрения, безошибочный признак мастера в любом искусстве или науке — способность интуитивно (на уровне Нешамы¹) распознать ту безмолвную истину, единую и неделимую, что стоит за всем разнообразием проявлений.

Опыт показывает, что всякий человек, хорошо изучивший какой-либо предмет, но так его и не понявший и не достигший того уровня мастерства, о котором я говорю, будет возмущен до глубины души моей теорией. Ведь она преуменьшает ценность всех его усердных трудов и, в конечном счете, объявляет его достижения несущественными. Более изощренная жертва этой теории выдвинет защиту якобы неэмоционального свойства, проявив скептицизм по отношению к самим фактам. Упрямая иррациональность подобного скептицизма очевидна любому стороннему наблюдателю, хотя с точки зрения жертвы это всего лишь аргументы в пользу того, что ему кажется истинным. Фрейдистская самозащита этого рода нередко оказывается совершенно неуязвимой даже для прямых обвинений в интеллектуальной гордыне и зависти. Она основывается на способности нашего разума смешивать — в затруднительной ситуации — суть предмета с его частными проявлениями. В борьбе с этими духовными узами бессильно все, кроме чистейшего стремления к истине — и опыта наблюдения

¹ Нешама — в каббале: высшая часть души, соответствующая интуитивному пониманию.

(зачастую унижительного) за собственными реакциями такого свойства.

Если другие защитники Родена оправдывали его, ссылаясь на те или иные частности, я отмел все детали как несущественные («чума на оба ваших дома!») и написал сонет, по-своему выражающий именно то, что представлял собой Бальзак с точки зрения традиционной критики. Марсель Швоб¹ перевел его на французский и тем наделал в Париже немало шуму. Даже теперь, по прошествии стольких лет, я считаю этот сонет немало важным. Среди прочего, с него начался новый этап в истории моего собственного творчества.

В результате Роден пригласил меня пожить у него в Мёдоне². Он хотел, чтобы я дал поэтическую интерпретацию всем его шедеврам. И я действительно сочинил целый ряд стихотворений, многие из которых опубликовал в «Уикли критикал ревью» в надежде укрепить тем самым *entente cordiale*³ между нашими странами. Из этих стихов состоит мой сборник «Роден в рифмах»⁴, проиллюстрированный семью литографиями эскизов, которые Роден предоставил мне именно с этой целью.

Любой другой человек на моем месте выстроил бы лестницу к славе из успехов, которых я добился той зимой. Но мне это и в голову не приходило. Я переживал глубокое разочарование, и причиной тому был не только тот изначальный транс скорби, который подвесил меня между небом и землей 1897 году, но и совокупный опыт моих путешествий. Гавайским туземцам нет дела до Софокла; Чогори будет все так же гордо возносить свою вершину к небесам и после того, как замрет последний отголосок наполеоновской славы. Более чем когда-либо я утвердился в мысли, что для того, чтобы интересоваться мирскими

1 Марсель Швоб (1867—1905) — французский писатель-символист и переводчик.

2 Мёдон — пригород Парижа, где в XIX — начале XX вв. жили многие французские деятели искусства. Родену принадлежала вилла Брийян в Медоне.

3 «Сердечное согласие» (фр.).

4 «Роден в рифмах» — сборник стихотворений Кроули, впервые опубликованный в 1907 году (Лондон, «Общество распространения религиозной истины») тиражом 500 экземпляров.

делами, нужно повернуться спиной к истине. Буддисты полагают, что нет на свете ничего, что стоило бы наших усилий; так это или нет, но, в любом случае, все традиционные ценности попросту смешны. Если и есть в мире нечто по-настоящему ценное, то найти это может лишь тот, кто решительно отвернется от всего мимолетного и преходящего.

Следуя пуританским правилам приличия, на которых настаивал Эккенштейн, мы не дали в газеты ни одного сообщения о нашей экспедиции. Только по прошествии нескольких месяцев он разрешил — исключительно в интересах науки — опубликовать маленькую заметку в «Таймс». На тридцать две строки этой публикации пришлось семнадцать фактических ошибок! Я не нашел ни единого соответствия с теми сведениями, которые я сообщил французскому журналисту, бравшему у меня интервью. Возможно, я чересчур чувствителен к подобным глупым мелочам. Возможно, мне следует верить в то, что время сметет весь мусор в корзину забвения и возведет истину на достойный ее престол; но сама история отвечает на подобные предположения утрюмой усмешкой. Что мы на самом деле знаем о правых и виноватых в борьбе между Римом и Карфагеном? Что мы на самом деле знаем о буддизме и христианстве, если даже самые аутентичные рассказы об их происхождении по существу абсурдны? «Что есть истина?» — сказал Пилат с улыбкой. Но лично я не вижу здесь ничего смешного.

В тот период я шел по жизни с эдаким циничным добродушием; я не видел особого проку ни в чем, так отчего бы не делать то, что от меня ожидают? Даже о буддизме я писал с некоторым отстраненным разочарованием, о чем свидетельствует моя «*Summa spes*»¹, которую я опубликовал отдельной брошюрой (в двенадцати экземплярах с моим портретом авторства Хоуиса и Коулза², впоследствии воспроизведенном во втором томе моего «Собрания сочинений») и по возвращении в Англию разослал некоторым своим парижским друзьям.

1 «*Summa spes*» (лат. «Вся надежда») — эссе Кроули, впервые опубликованное в 1903 году в Лондоне тиражом 12 экземпляров.

2 Генри Коулз — британский фотограф, сотрудничавший с художником Стивеном Хоуисом (см. выше). Одним из крупных совместных проектов Коулза и Хоуиса была серия фотографий, посвященная скульптурам Родена.

Из этих друзей главное место после Родена занимал в моей жизни Марсель Швоб. С Эженом Каррьером¹ я встретился лишь однажды. Он только что прошел операцию по поводу рака горла, и из всего общения с ним мне запомнилась лишь одна реплика, брошенная со спокойствием, близким к небрежному равнодушию: «Если случится рецидив, я покончу с собой». Фрица Таулова² я видел несколько раз. Это был новый для меня тип человека: веселый бородач в летах, на котором жизнь не оставила никаких шрамов. Я к тому времени уже вбил себе в голову, что жизнь художника должна представлять собой череду острых переживаний — неважно, радостных или мучительных; что по велению своей натуры художник воспринимает обыденность так же, как иной человек — глубокий сон. Однако Таулов жил полной жизнью и при этом каким-то чудом пришел к той возвышенной философии, которая взирает на все сущее с одинаковым бодрим спокойствием.

Марсель Швоб вызывал у меня безграничное восхищение. Полагаю, он был лучшим во Франции знатоком английского. Слог его сверкал великолепной простотой и вкрадчивой иронией, заставляющими принять Анатоля Франса за его ученика. Швоб перевел «Гамлета» и «Макбета» для Сары Бернар, сохранив потрясающую верность духу Шекспира. Его «Воображаемые жизни», вероятно, послужили прототипом для «Колодезя Святой Клары»³, а его «Нравы Диурналов» столь же блистательно остры, как и все, что когда-либо написал Свифт. Он жил на острове Сен-Луи в восхитительной квартире, обставленной в восточном духе (и держал китайского слугу, которого нанял после выставки 1900 года⁴), но страдал так, как доводилось страдать немногим.

Отчасти его мучения объяснялись довольно смехотворными причинами. Ходили слухи, что он еврей, и из-за этого он все никак не мог занять среди французских литераторов

1 Эжен Каррьер (1849—1906) — французский живописец и график, основатель Академии Каррьер (1897) — частной художественной школы, в которой учились некоторые знаменитые художники следующего поколения.

2 Фриц Таулов (1847—1906) — норвежский художник-пейзажист, в 1892 году переехавший в Париж.

3 «Колодезь Святой Клары» (1895) — сборник рассказов Анатоля Франса.

4 Имеется в виду Всемирная выставка, проходившая в Париже с 15 апреля по 12 ноября 1900 года.

места, достойного его таланта. Его жена была одной из самых прекрасных женщин, каких я когда-либо встречал: утонченная сирена с такой улыбкой, перед которой померкла бы сама Джоконда, и с таким голосом, от которого лопнули бы каналы, привязывавшие Одиссея к мачте. Однако она была актрисой, из-за чего всевозможные графини и герцогини не желали иметь с ней дела. Все это уязвляло гордость. Но подлинной трагедией Марселя Швоба был хронический запор. Вскоре он и свел его в могилу. Но даже и теперь, после стольких лет, я расплываюсь в детской улыбке, стоит мне припомнить, как великодушно и легко он признал мое досадное существование и отозвался о моей «Алисе» как о «маленьком шедевре».

Мой сонет о Родене начинается со слов «Се человек», которые Марсель Швоб самым подходящим образом перевел как «Un homme». Я принес черновик в мастерскую Родена. Один из его гостей страшно возмутился: «Кто такой этот Марсель Швоб, — воскликнул он, — и как он смеет называть это переводом? Любому школьнику известно, что “се человек” переводится как “Voici un homme”».

И с подобными вещами сталкиваешься на каждом шагу. Этот человек был совершенно дружелюбен, хорошо образован и не чужд литературе, но, несмотря на это, оказался способен на такую потрясающую тупость. А мораль отсюда такова: если признанный мастер делает что-то, что на первый взгляд кажется странным, следует задуматься и самым усердным образом попытаться понять, что он хотел этим сказать. Этот непрощеный критик сам выставил себя ослом из-за недостатка воображения. Он должен был понять, что «Voici un homme» было первым, что пришло Швобу на ум, — как самый очевидный и формально точный вариант. И если он отказался от этого варианта, то неспроста; и упомянутый критик мог бы извлечь ценный урок, поставив себя на место Швоба, попытавшись проследить за ходом его мысли и, наконец, осознав, какими соображениями он руководствовался. Я привожу именно этот случай, а не другие, более грубые и явные примеры, потому что он совершенно прост и непротиворечив, но, вместе с тем, иллюстрирует чрезвычайно важные принципы. За версией Швоба стоит вся история литературы. Можно было бы написать о составляющих этой проблемы длинное и небезыңтересное эссе.

Время от времени Швоб заходил в мастерскую Келли. Его рассказы пестрели безлично интимными — и потому невероятно интересными — подробностями из жизни литераторов. Он поведал нам из первых рук о трагедии, постигшей Мередита¹, о загадке его рождения и о попытке его отца устроить брак, который обеспечил бы сыну место среди пэров; о романтике «Виттории» и об интриге «Дианы перекрестков»². Он рассказал о том, как повлияла на жизнь этого писателя, на его характер и сочинения двигательная атаксия³. Он объяснил, как долгие годы страданий изуродовали душу Мередита и довели его до позорного отказа подписать прошение об освобождении Оскара Уайльда.

Кроме того, он поведал нам подлинную историю «Саломеи»⁴. В характере Уайльда не было ничего сложного. Это был совершенно обычный человек, но, подобно многим ирландцам, он страдал от собственного снобизма. В Дублине сэр Уильям Уайльд⁵ был заметной фигурой в обществе; но, очутившись в Оксфорде, юный Оскар обнаружил, что рыцарство, присвоенное за медицинские заслуги, — это не столько повод для гордости, сколько стигма раболепия. Даже простой обыватель мог позволить себе смотреть сверху вниз на того, кто принял такую дешевую подачку из рук ганноверской *hausfrau*⁶. Не выдержав презрения со стороны всех этих безмозглых герцогов, Уайльд поставил себе целью добиться единоличной власти в той единственной иерархии, которая была ему доступна. Свинопас, чувствительный к насмешкам, мечтает стать римским папой, — а Уайльд решил стать верховным жрецом иного культа, который в то время уже даровал своим привер-

1 В 1858 году английского писателя Джорджа Мередита (1828—1909) оставила жена, забрав с собой пятилетнего сына, и вскоре после этого умерла.

2 «Виттория» (1867) и «Диана перекрестков» (1885) — романы Мередита.

3 Двигательная атаксия — тяжелое неврологическое заболевание, сопровождающееся нарушением моторных функций и координации движений.

4 «Саломея» (1891) — одноактная трагедия Оскара Уайльда, основанная на библейском предании о смерти Иоанна Крестителя. Была написана на французском языке и переведена на английский в 1894 году.

5 Уильям Уайльд (1815—1876) — ирландский врач и писатель, автор ряда трудов по медицине, археологии и фольклору, отец Оскара Уайльда. В 1864 году был удостоен рыцарского звания за вклад в развитие медицины и участие в переписи населения Ирландии.

6 «Домохозяйка» (нем.); подразумевается королева Виктория, принадлежавшая к Ганноверской династии.

женцам своего рода аристократизм, но еще не организовался и не расцвел. Произошло это лишь в результате его «мученичества», благодаря которому расплодились все эти отвратительные существа, не дающие нам проходу сейчас, в 1929-м. «Закон — осёл!»¹

Уайльд отверг собственную природу ради удовлетворения социальных амбиций и, добившись успеха, начал принимать любую аффектацию за признак превосходства. За пределами английской кастовой системы он мог бы стать обычным хлеботорговцем, совершенно довольным жизнью. Но в рамках этой системы он оказался вынужден притворяться, что его возбуждают Метерлинк, Флобер, Гюстав Моро и даже самый священный персонаж Святого Писания. Он осквернил саму Сфинкс, изобразив ее сексуальным чудовищем. Он истолковал отношения между Христом и Иоанном и между Павлом и Тимофеем так, как диктовало ему его собственное извращенное воображение.

Когда я говорю «извращенное», я употребляю это слово во все не в том смысле, который вкладывают в него психопатологи. Извращенность Уайльда состояла исключительно в том, что он изменил самому себе. Сам того не понимая, он принял стандарты английского среднего класса и стремился достичь известности самым примитивным способом — эпатируя буржуа. Некоторые полагают, что можно вызвать дьявола, прочитав «Отче наш» задом наперед; точно так же Уайльд решил, что можно создать новую мораль, прочитав задом наперед Джорджа Р. Симса². Он наивно перенял мнение кокни, что Париж — это чрезвычайно порочный город, и задумал написать пьесу на французском, чтобы поразить пуритан в самое сердце. Проблема, однако, в том, что французский он знал на уровне школьника, отправившегося путешествовать по Европе; и в результате ему пришлось разукрасить «Саломею» претензиями на то, что «Искушение святого Антония», картины Моро в Люксембургском дворце и стиль «Пелеаса и Мелисанды»³

1 Цитата из романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста».

2 Джордж Роберт Симс (1847—1922) — английский журналист и писатель-сатирик.

3 «Искушение святого Антония» (1849—1872) — роман Гюстава Флобера; «Пелеас и Мелисанда» (1892) — символическая драма Мориса Метерлинка.

вызывают у него сексуальное возбуждение. Но постановка вышла никчемная, хотя не кто иной, как Марсель Швоб, переписал весь его школярский диалог по-французски.

На одном из вечеров Марсея Швоба я познакомился с Арнольдом Беннетом¹, который чувствовал себя в парижском светском обществе очень неуютно. Впрочем, нельзя сказать, что он плохо провел время: он по-детски изумлялся всему, что видел, и остался весьма доволен тем уважением, которое щедро изливалось на него со всех сторон просто за то, что он пишет настоящие романы. Ни его внешность, ни речь не вызвали у французских литераторов никаких нареканий.

К тому времени я прочел только одну из его книг — «Великий Вавилон». Я считал ее тогда (и считаю сейчас) близкой к вершине его мастерства и выказал автору свое восхищение, но, к удивлению своему, сразу понял, что сказал что-то не то. Келли объяснил мне, что Беннет считает себя серьезным романистом на других основаниях, а именно — как автор нескольких книг, отражающих реальную жизнь в Шропшире, Стаффордшире или каких-то других подобных местах. Сам я, благодарение Богу, их друг от друга не отличаю, и система классификации по алфавитным указателям мне непонятна, так что я не смог бы, например, перечислить симптомы болезни, сводящей в гроб работников фарфоровой фабрики, даже если бы и захотел. Впрочем, я и не хочу.

Марсель Швоб познакомил меня с Уильямом Эрнестом Хенли², жившим тогда неподалеку от Уокинга, и он пригласил меня к себе на ланч. В своем сонете о бюсте Хенли работы Родена я описал не столько скульптуру, сколько самого человека и впечатления от беседы с ним. «Мистическое пиршество», о котором там идет речь, состояло из жареного барашка и превосходного шабли, присланных лордом Нортклиффом: вот как обыденные вещи преображаются под пером поэта!

Я был чрезвычайно растроган тем, что Хенли отнесся ко мне по-дружески и пригласил в гости. Я до сих пор не утратил того детского смирения, которое присуще всем доподлинно великим людям. Скромность — лишь пародия на это

1 Арнольд Беннет (1867—1931) — английский писатель.

2 Уильям Эрнест Хенли (1849—1903) — английский поэт, критик и издатель.

чувство. Мне пришлось немного подождать, пока хозяин дома выйдет ко мне. Когда он спустился, мне бросилось в глаза, что его терзают какие-то физические боли. Как и Марсель Швоб, он страдал от хронических запоров. По его словам, первая половина каждого дня уходила на долгую и мучительную борьбу с телесным недугом. Всего через три недели после моего визита Хенли умер. До самой смерти он был чрезвычайно занят литературными делами, но все равно выкроил время, чтобы принять в гостях молодого и малоизвестного писателя!

Я не обманывался на свой счет: такой великий человек едва ли мог заинтересоваться мною по-настоящему. Весьма сомнительно, чтобы он читал какие-то мои сочинения и счел их многообещающими. Уделив мне внимание, он всего лишь проявил простую человеческую доброту, и я понимал это уже тогда. Наверное, я вел себя по обыкновению неуклюже. В присутствии людей, которых я действительно уважаю, во мне всегда пробуждается врожденная застенчивость, и ничего с этим поделать нельзя. Знаменитое стихотворение Хенли¹ (которое Фрэнк Харрис² назвал «высокопарным, как старинный пистолет») взывало к моим глубочайшим чувствам и мыслям о месте человека во вселенной: человек — титан, сокрушенный богами, но не сдавшийся. Кроме того, это стихотворение великолепно по форме. Оно стоит в одном ряду со всеми великими стихами, выражающими подлинно английский дух: в нем, без сомнения, есть некоторое безрассудство, грубость и заносчивость, как и в других подобных сочинениях — «Правь, Британия...», «Боадицея», «Одеяние древнего галла», «Британские гренадеры», «Сердцевина дуба», «Колокол по храбрецам», «Вы, моряки Британии» *et hoc genus omne*³, — но, вместе с тем, и неукротимая отвага жить, действовать и терпеть так, как распорядится судьба.

Остальные стихи Хенли, несмотря на всю их энергичность и глубину наблюдений, не вызывали у меня особого интереса. Они попросту не укладывались в мое определение поэзии, согласно которому стихотворение — это слова, расположенные

1 Имеется в виду стихотворение «Непокоренный», которое Хенли написал в 1875 году после ампутации ноги. Это произведение вошло в историю литературы как манифест стойкости человека перед лицом физических страданий.

2 См. примеч. 1 на стр. 122.

3 «И все в таком же роде» (лат.).

таким образом, что сочетание их смысла, ритма и рифмы оказывает на читателя магическое воздействие, вознося его душу к божественному экстазу. Такой же точки зрения придерживались Эдгар Аллан По и Артур Мейчен. Упомянутое стихотворение Хенли отвечает этому критерию.

Я рассказал ему, что пишу стихи о творениях Родена. Хенли придерживался мнения, что итальянский сонет себя изжил, и посоветовал мне попробовать шекспировский сонет — с тремя катренами. Тем же вечером в поезде, на обратном пути, я испытал эту новую для меня форму и написал шекспировский сонет о самом Хенли. Сразу же стало понятно, что сонет с тремя катренами гораздо лучше соответствует моей грубоватой искренности, чем итальянская форма, более мягкая и плавная, и в результате я сочинил целую серию таких сонетов. Я буквально влюбился в английский сонет и даже попытался его усовершенствовать, вводя анапесты в тех случаях, когда они позволяли превратить метрическую бурю в настоящий тайфун; и, быть может, история еще покажет, что «Облака без воды»¹ — история, рассказанная в английских сонетах, — и «Алиса» — повесть, написанная в сонетах итальянских, — ознаменовали вершину моего лирического мастерства.

По крайней мере, я сойду в могилу с радостным сознанием того, что такой искренний любитель литературы, как доктор Луис Амфревиль Уилкинсон², всемирно известный лектор-шекспировед, осмелился заявить публично в своем знаменитом эссе «С мольбой об исправлении нравов», что «Облака без воды» — это «самые потрясающие и самые достоверные стихи о любви со времен шекспировских сонетов». Но я забегаю вперед: «Облака без воды» появились четырьмя годами позже. А покамест я все еще дремал в сумерках Европы, отдыхая от трехлетних трудов под палящим солнцем всего мира.

1 «Облака без воды» — сборник стихотворений Кроули, впервые опубликованный за свой счет в 1909 году в Париже, под псевдонимом «Преподобный К. Верн».

2 Луис Амфревиль Уилкинсон (1881—1966) — английский писатель, критик и мемуарист, более известный под литературным псевдонимом «Луис Марлоу». Уилкинсон был дружен с Алистером Кроули на протяжении сорока с лишним лет и оставил о нем краткие воспоминания в составе сборника «Семеро друзей» (в рус. пер. см.: П. Р. Стивенсен, Легенда об Алистере Кроули. М.: Ганга, Телема, 2009, стр. 308—328).

В Париже я проводил многие вечера в небольшом ресторанчике под названием «Белая кошка» на рю д'Одесса, где имелся «кабинет на втором этаже», в котором по негласной договоренности собирались писатели, художники, скульпторы, студенты и их друзья со всего света. Это заведение живо и точно описано в предисловии к «Подснежникам из сада викария»¹; приведу здесь соответствующий отрывок:

Вечера свои он проводил в неформальной компании остроумцев и идеалистов, высоко чтимых в мире искусства и собиравшихся ежевечерне в ресторане «Красная собака». Там он познакомился с С. — блестящим, но беспутным скульптором, исполненным жгучего сарказма, но добродушным с друзьями; с N. — великим художником, чье великолепное чувство света превращало его полотна в гармонические грезы, и нежным другом Бахуса, который преисполнял его сиянием и музыкой цвета и мысли. Здесь же бывали D. и L.: первый — поэт и философ, второй — художник и, по-моему, педераст. Близнецы по складу ума, эти двое были столь же непобедимы в спорах, сколь превосходны каждый в своем искусстве. Нередко мне — привилегированному слушателю — доводилось наблюдать, как D. своей холодной пронизательностью и L. своим благородным негодованием, изливавшимся в пламенных речах, вынуждали какого-нибудь злополучного болвана убраться прочь из зала и больше не показываться им на глаза. Временами они, наоборот, приковывали свою жертву к стулу, словно птичку, зачарованную змеей, и заставляли беспомощно слушать, как они без малейшего снисхождения изобличают его глупость перед восхищенной толпой. Если же собеседник попадался напыщенный и самовлюбленный, то они, разыгрывая совершеннейшее сочувствие, незаметно доводили его до того, чтобы он разоблачил себя сам — наглядным

¹ «Подснежники из сада викария» — сборник произведений Кроули, впервые опубликованный за свой счет в 1903 году в Париже, тиражом 100 экземпляров. В состав сборника вошли порнографический «Безымянный роман» (рус. пер.: Алистер Кроули. Развратный роман. Kolonna Publication, 2009) и подборка эротических стихотворений.

и отвратительным образом, очевидным для всех, кроме самой жертвы. L., чье лицо горело страстью, словно серебряная луна, проглянувшая из грозовой тучи его волос, проникал мыслью в самую душу спора и воспламенял ее магической радостью или же сковывал хладом неумолимой насмешки. D., на лице которого читались не только благородство и властность, но и лукавство, как будто он в любой момент готов был рассмеяться над хитроspлетениями собственной мысли, сидел рядом с ним; его глаза, глубокие и дивные, горели странным светом, а слова встывали стальными клинками, рассекая с одного удара все софизмы и банальности собеседников. Как же их боялись, этих двоих! Там же он встречал известного этика, I., прелестного, как мальчик с греческой головкой, увенчанной золотом кудрей, и душою чистого и возвышенного; но весь его жизнерадостный юмор и искрометный сарказм были лишь пеной над бездонной и ужасающей пучиной блистательной иронии. Какая жалость, что он пил! Заглядывал туда, скрашивая наши вечера своим зрелым и щедрым остроумием, и J., великий врач и настоящий джентльмен, которого не портило даже преувеличенное почтение к памяти покойной королевы Виктории. Красивый, как бог, хотя и таящий в себе искру дьявольской насмешки, он подолгу сидел и наслаждался сокровищами беседы, внося через подобающие промежутки и собственную лепту ученого юмора.

Нет нужды говорить, что на свет столь блестящей плеяды тянулись и всевозможные ложные светила той эпохи. Допуска (в котором, теоретически, не отказывали никому) в это избранное общество искал хвастун и похотливец T., посредственный художник, мнивший себя сутенером маркиз. Но от язвительных насмешек C. он бежал стремглав, как первые люди из Эдемского сада — пред мечом херувима. Как-то вечером заглянул G., знаменитый светский художник, но и он был изгнан с позором, не устояв перед стремительной и безжалостной атакой D. и молодого этика. Один твердо-лобый янки, опрометчиво поддержавший его, разделил

его участь и был предан опале: с тех пор он одиноко сидел на первом этаже, словно побитый пес — под дверью хозяина. В таком безжалостном свете, который сиял над «Красной собакой», любой дурак мгновенно разоблачает себя сам, даже если заговорит о сущих пустяках. Да и самому ему долго не прожить под этими лучами: они выворачивают его наизнанку и превращают в прокаженного и изгоя даже в собственных его глазах; и выдержать этого он не может.

Никакое дутое ничтожество не приживется в таком кругу. Все выдающиеся интеллектуалы, приезжавшие в Париж, становились завсегдатаями «Красной собаки». Их принимали как почетных гостей; но горе даже лучшему из них, если каким-то случайным словом он пробуждал в D. или L. подозрение, что где-то у него имеется слабое место. И тогда его уже не могло спасти никакое чудо: несчастного разрывали в клочья и извергали во тьму внешнюю, стервятникам на поживу.

Не раз я видывал, как очередной Пенфей от литературы или живописи, безбожник и спесивец, укрывается (не без дрожи) под самой благородной из доступных ему артистических личин, словно тот глупый царь — под бассарою менады¹.

И не раз я видывал, как Дионис — или некий иной бог — разоблачал обманщика и предавал его в руки этих первосвященников диалектики, D. и L., дабы те сорвали с него одежды и растерзали его плоть под радостные выкрики толпы, опьяненной блеском ума. Но в тот момент, как жертва поднималась на алтарь, — в тот момент, когда она вставала со стула, — какая воцарялась тишина! Скованный ледяным презрением публики, бедняга плелся через зал со священной усмешкой на лице; и только после того, как завершилось его жестокое испытание, куда более ужасное (даже для бесчувственного дурака), чем настоящая порка, и после того, как за потерпевшим не закрывалась дверь, кто-нибудь, наконец, нарушал тишину восклицанием: «Боже, вот это

1 Царь Пенфей — персонаж трагедии Еврипида «Вакханки».

червяк!» — и переводил разговор на какой-нибудь более аппетитный предмет.

С другой стороны, был еще и В., популярный художник, которого поначалу пытались изничтожить все за-всегдашними «Собаки» разом.

Но когда они поняли, что его картины — это не он, а сам он искренен душой и честен в своих устремлениях, все тотчас же перековали свои мечи на абсенты и копья — на турнедо.

Или, опять-таки, С., словно сошедший с какого-нибудь рембрандтовского портрета и не блиставший умом, но и не претендовавший на особое остроумие. Как же его любили за его добродушные шутки, за его широкую улыбку и непревзойденные рассказы! Но все же не стоит полагать, что любого обычного человека, пусть даже сколь угодно искреннего, приняли бы в «Собаке» с распростертыми объятиями. Его все равно бы задевали, даже не пытаясь ранить: стрелы насмешек непрерывно свистели бы у него над головой, и он не мог бы расслабиться ни на минуту.

Пожалуй, я — единственное исключение. Человек без тени таланта, даже в собственной моей профессии, медицине, я не мог притязать на гостеприимство «Собаки». Но я был совершенно ненавязчивым, и, полагая, терпеть мое присутствие было нетрудно; возможно, я был даже по-своему ценен, как ценен на картине фон для переднего плана или пятно нейтрального цвета, придающее гармонию всему сочетанию красок. Разумеется, спасало меня только то, что я держал рот на замке. За реплику наподобие той, что я отпустил о Холле Кейне¹ и Мередите несколько страниц назад, меня бы немедленно предали казни самым мучительным, хотя и самым быстрым на свете способом.

О да! За всю историю человечества не было еще такого общества, в которое так легко было попасть

¹ Холл Кейн (1853—1941) — английский писатель, автор популярных в свое время романов. Выше в цитируемом предисловии герой сравнивает «блестящее здравомыслие Холла Кейна» с «туманными излияниями Мередита» (явно не в пользу последнего).

и из которого провинившийся вылетал под градом презрительных насмешек так стремительно!

Но при всем том ужасе, который это общество внушало шарлатанам, во всем свете не сыскать было людей, связанных более сердечными узами братства. Объединенные взаимным уважением (именно уважением, я подчеркиваю, а не взаимным восхищением, ибо восхищались они лишь искренним артистизмом, а отнюдь не техническим мастерством), они составляли благородный и гармоничный круг, подобного которому, вероятно, человечество еще не видывало!

Еще одно описание можно найти в начальных главах романа У.С. Моэма «Маг»². Читатель, наверное, удивится, как этому джентльмену удалось проникнуть в вышеописанное общество, но чтобы объяснить это, придется углубиться в детали. Старшая сестра Джеральда Келли, Роза, несколько лет назад потеряла мужа, некоего майора Скеррета, а одна из ее лучших подруг, столь же прекрасная и обворожительная как и сама Роза, была женой английского стряпчего, связанного с британским посольством. Фамилия этого стряпчего была Моэм, а У[ильям] С[омерсет] приходился ему младшим братом. И этот-то У.С. Моэм заявлял, что мечтает стать литератором, хотя был настолько бесталанным, что нам, завсегдадаям «Белой кошки», достало жестокости выставить его на посмешище.

Впрочем, нас извиняет то, что ранние его работы состояли сплошь из заимствований: трудно поверить, что человек был способен на такой наглый плагиат. Когда (перефразируя возглас въедливой мамыши из «Как важно быть серьезным») он «был отдан во власть контракта с желтой газетенкой и обречен

¹ С. — Пол Бартлетт, Н. — Дж. У. Моррис, D. — Кроули, L. — Келли, I. — Хьюард Белл, J. — Айвор Бэк, T. — один мошенник, G. — Б. Пенрин Стенлоуз, S. — один завсегдадай. — Примеч. А. Кроули.

Пол Бартлетт — см. примеч. 2 на стр. 121. Джеймс Уилсон Моррис (1865—1924) — канадский художник-пейзажист, большую часть жизни проживший в Париже. Клайв Хьюард Белл (1881—1964) — английский философ и художественный критик. Айвор Гордон Бэк (1879—1951) — английский врач, анатом и хирург, масон высокой степени посвящения. Пенрин Стенлоуз (1877—1957, наст. имя Пенрин Стенли Адамсон) — американский художник.

² Уильям Сомерсет Моэм (1874—1965) — английский писатель; в своем романе «Маг» (1908) вывел персонажа-злодея Оливера Хаддо, прототипом которого послужил Кроули.

с коробочкой для пилюль»¹, мы решили, что на том ему и конец. Но нет! Он принялся разъезжать по всему свету и развивать наблюдательность, благодаря чему воображение его постепенно обрело оригинальность и силу. Из-под его пера вышло несколько первоклассных сочинений и, что в некоторых отношениях еще важнее, сочинений, отражающих верный взгляд на жизнь. Он и поныне продолжает бичевать то стадо свиней, которое мы называем обществом, и наглядно показывает, что бесы, вошедшие в них, так расплодились, что загонять их обратно в иудеев уже поздно — места на всех не хватит.

Но в 1902 году он получил от нас по заслугам!

Прошел слух, что наша злополучная жертва когда-то получила медицинскую степень, и Дж. У. Моррис² решил помучить бедолагу (который, вдобавок, страдал заиканием), при каждом удобном случае напирая на этот позорный эпизод в его карьере. Здесь надобно добавить, что Моррис круглые сутки пребывал в легком подпитии. Когда Моэм заходил в зал, Моррис поднимал голову от своего мятного ликера и *oeufs sur le plat*³, прочищал горло и с торжественной серьезностью сообщал Моэму, что желает посоветоваться с ним по одному вопросу, касающемуся благополучия искусства и служителей оногo. «Что бы вы стали делать, если бы у вас, как у меня...» — начинал он и, повторяясь на сотни ладов, чтобы протянуть эту канитель как можно дольше, перечислял первичные симптомы какой-нибудь комичной и отвратительной болезни. На самом деле в подобной жестокости не было нужды, потому что Моэм, не считая его литературных претензий, был абсолютно безвредным, как пакет стерилизованной ваты. И даже эти претензии, в сущности, сводились к совершенно безобидной аффектации.

1 Пародия на реплику леди Брэкнелл из пьесы О. Уайльда «Как важно быть серьезным»: «Неужели вы воображаете, что мы с лордом Брэкнелл допустим, чтобы наша единственная дочь — девушка, на воспитание которой положено столько забот, — была отдана в камеру хранения и обручена с саквояжем?» (пер. И. Кашкина).

2 Этот любезный и достойный колонист обитал в студии на набережной де Гран Огюстен (которую сейчас, по-моему, прозывают «Набережной маршала Фу-лэ-Кам» [фр. Fous-le-Camp — «Пошел вон!» — Примеч. перев.]), чрезвычайно удобно расположившись на втором этаже над квартирой одной замечательной повитухи; хотя, насколько мне известно, воспользоваться ее услугами ему так и не пришлось. — *Примеч. А. Кроули.*

3 «Яичница-глазунья» (фр.).

Но Моэм ужасно страдал под бичами этого всеобщего презрения и, в конце концов, решил отомстить, с мелочной злобой изобразив некоторых своих мучителей в самом отвратительном виде на страницах своих книг. Его литературный метод (в тех случаях, когда он обходился без ножниц и клея) отличался от метода Арнольда Беннета только тем, что Моэм трудился усерднее. Полагаю, я должен поблагодарить его за то, что он сохранил для истории некоторые мои остроты. Но более всех он ненавидел не меня, а Родерика О'Конора¹. Последний был дружен с Гогеном, Ван Гогом и Сезанном. По моему мнению, история поставит его как художника в один ряд с этими гениями. Сомневаюсь, чтобы в наши дни у него нашлось много соперников. Однако его картины довелось видеть лишь немногим. О'Конор презирает мир и в этом превосходит даже Бальзака и Бодлера. Он не станет отвлекаться на организацию выставки. Он захлопнет дверь перед носом дружелюбного журналиста, вознамерившегося сделать его богатым и знаменитым. Короче говоря, он грубиян.

Так вот, О'Конор не находил Моэма даже сколько-нибудь забавным. Для него Моэм был чем-то вроде постельного клопа, на которого чувствительный человек не желает наступать, чтобы тот не развонялся и не пришлось потом убирать грязь. Но мне подобные чувства чужды. Я нахожу место в своем сердце даже для самых ничтожных представителей рода человеческого: «Все живое священно»². Я не могу заставить себя злиться даже на самое омерзительное и гнусное существо. Мне никогда не удавалось затаить на кого-либо злобу, и я никогда не понимал, как это удастся другим. Если на меня нападают, я смотрю на ситуацию беспристрастно. Когда меня публично обвиняют в очередном похищении башен Нотр-Дама, я только смеюсь от души. Я не могу поверить, что подобные поклепы могут мне чем-нибудь повредить. Другое дело, если бы я относился к ним всерьез: тогда они, по меньшей мере, уязвляли бы мою гордость. Когда какая-нибудь газета посвящает три колонки разоблачению меня как Джека-Потрошителя, мне не приходит в голову, что человек в здравом уме способен

1 Родерик О'Конор (1860—1940) — ирландский художник, в 1892 году живший и работавший в Бретани.

2 Цитата из «Бракосочетания Рая и Ада» У. Блейка.

поверить в такую чепуху. Мне представляется, что разрушить мою цельность ничуть не проще, чем помешать солнцу восходить на востоке; и до меня не доходит, что из-за подобных нападков люди могут начать обо мне плохо думать или что, допустим, мои книги станут продаваться хуже.

Проанализировать всерьез эту свою особенность я так и не сумел, но отчасти она, несомненно, объясняется тем, что в определенном смысле я никогда не терял невинности. Иногда я опасаясь, что эта неспособность поверить в существование зла привносит в мою философскую систему какой-то изъян. Разумеется, люди могут творить зло по невежеству, из-за каких-то ошибок в суждениях и так далее; но основная моя предпосылка гласит, что «каждый мужчина и каждая женщина — звезда»¹, а развитие человека, с моей точки зрения, зависит исключительно от просвещения. Я не верю ни в какой первородный грех, кроме того, о котором сказано: «Слово Греха — Ограничение»². Иными словами, наше обычное сознательное «я» от природы ограничено категориями времени, пространства и причинности: это неотъемлемые условия, без которых невозможно проявление отдельной личности. Но у меня не укладывается в голове, что какой-то человек может по-настоящему возненавидеть другого. Все подобные страсти я рассматриваю как симптомы какого-то извращения природы, вызванного неспособностью адекватно взаимодействовать со средой. Если палку опустить в воду, она покажется согнутой; точно так же и человеческая воля как будто отклоняется от цели, когда коэффициент преломления среды обманывает взгляд.

Не знаю, справедливо ли будет сказать, что я очерствел душой или что долгие муки моей терпеливой и безмолвной борьбы с теми, кто тиранил меня в детстве, сделали меня толстокожим. Я не знаю, насколько притупилась моя чувствительность из-за привычки к сосредоточению и своеобразной избирательности моей памяти. Но, так или иначе, моему равнодушию к большинству впечатлений мог бы позавидовать и самый святой из аскетов. Я почти утратил способность регистрировать сознательные впечатления, если только они не проходят цензуру, доказав, что имеют законное право на мое внимание.

1 «Книга Закона», I:3.

2 «Книга Закона», I:41.

Безусловно, схожее состояние отрешенности развивается годам к пятидесяти у многих людей, посвящающих всю жизнь каким-либо исследованиям, но у меня эта склонность уже расцвела и принесла плоды задолго до тридцати лет.

На Монпарнасе, разумеется, было полным-полно людей, принимавших свои никчемные любовные делишки очень близко к сердцу. Но в английской диаспоре цвело пышным цветом английское же лицемерие. Когда я дал почитать рукопись «Алисы» Джеральду Келли и некой девице по имени Сибил Маггинс¹, они в один голос заявили, что благовоспитанная женщина никогда не поцелует мужчину на тринадцатый день после знакомства: это слишком рано! Признаться, я растерялся так, что даже не нашелся с ответом, тем более что эта Сибил Маггинс была любовницей Хоуиса. Вдобавок, через несколько дней Хоуис уехал на неделю в Брюссель, и она переключилась на Келли. Это был сущий кошмар! Они довели себя до того, что Келли предложил Сибил выйти за него замуж, но тут сестра Келли вмешалась и пригрозила, что его лишат содержания, если он сделает подобную глупость.

Глупости молодых людей никогда не вызывали у меня сочувствия, но все же я всегда был согласен с Шелли, что из всех разновидностей тирании родительская — самая непростительная.

Меня воспитывали в иной вере, но я с самого начала знал, что истинный мой наставник, повелитель и друг — дьявол. Я видел, что правда на его стороне и что только из страха мир подлаживается к тому, кто одержал над ним победу. Я втайне молился ему; и он утешал меня и не допустил, чтобы мой дух сломали в доме, где постоянно лились детские слезы. Я обещал ему свою душу и поклялся, что всегда буду стоять за него и в этом мире, и в грядущем. Это обещание и эта клятва сделали меня человеком. Отныне этот дом — его дом, и никогда здесь не заплачет ребенок; этот очаг — его алтарь, и ни одна живая душа не будет дрожать здесь от страха долгими темными вечерами (Дж. Б. Шоу, «Ученик дьявола»²).

1 Или Мёгинс? — Примеч. А. Кроули.

2 Пер. Е. Калашниковой.

Я предложил выделить Келли содержание, равное тому, что он получал, и попутный ветер покинул паруса старого трехпалубного корыта из Камбервельского прихода. Угроза была отозвана, однако Джеральд и сам уже опомнился и сообразил, что было бы сущей глупостью связать свою жизнь с метиской.

С моей точки зрения, все это очень смешно. К тому времени я уже умел любить, не поддаваясь привязанности, порожденной одним лишь телесным желанием. Впоследствии я допустил еще пару мелких ошибок, вызванных лишь тем, что я не сумел распространить этот принцип на привязанности другого рода. Я пытался идти против судьбы и спасти тех, кому было предначертано погибнуть; я продолжал доверять людям даже после того, как с предельной ясностью понимал, что они — обманщики; и я дорого заплатил за свое благородство и великодушие. Я и сейчас полагаю, что эти недостатки по-своему предпочтительнее излишней суровости в суждениях, но при этом понимаю, что я, с какой точки зрения ни посмотрю, все же неправ. Никому еще не шло на пользу закрывать глаза на очевидное или бегать от кредиторов.

Полагаю, стоит привести один или два примера тому, каким удивительным образом устроена моя память. Во всем, что касается моих подлинных интересов, она работает безупречно, — но столь же безупречно, хотя и в совершенно ином смысле, она срабатывает и тогда, когда надо выкинуть из головы нечто лишнее, чтобы не загромождать мысли. Но судите сами.

Однажды — кажется, по возвращении в Болескин после посвящения в степень $\zeta^{\circ}=6^{\circ}$, — я решил развлечься лыжами и рыбалкой и позвал с собой Эккенштейна. Мы покинули Лондон вдвоем в спальном вагоне. У меня было с собой сто пятьдесят фунтов банкнотами; я положил их под подушку, а утром, все еще толком не проснувшись, одевался в спешке и забыл забрать кошелек. Через несколько минут, уже сойдя с поезда, я обнаружил потерю, но только пожал плечами: мне всегда казалось, что бесполезно искать что бы то ни было, раз уж оно потерялось. И я тотчас решил выбросить это из головы; я принимаю как должное, что всякий, кто найдет потерянное, непременно

его присвоит, но при этом, как ни странно, уверен, что всякий, кто найдет потерянное лично мною, непременно вернет мне его безо всяких условий и требований награды, как джентльмен подает даме оброненный зонтик. Но Эккенштейн настоял, чтобы я немедленно вернулся на станцию. Мы обратились к начальнику станции и попросили разрешения пройти по путям (довольно далеко, не меньше четверти мили) туда, куда отогнали наш поезд. Кошелек обнаружился под подушкой в целости и сохранности.

Гораздо позже, году в 1913-м или 1914-м, Эккенштейн упомянул об этом случае и сразу заметил, что я не понимаю, о чем он говорит. Тогда он стал на меня наседать, но я с убежденностью, достойной святого Петра, всё отрицал¹. Эккенштейн пересказал все факты, изложенные в предыдущем абзаце, и только по мере того, как он говорил, я постепенно начал вспоминать. Но до тех пор, пока он мне не напомнил, я мог бы с полной уверенностью взойти на свидетельскую трибуну и поклясться всем, что мне дорого, что ничего подобного в моей жизни никогда не случалось. При этом, как выяснилось, память моя — пусть и неосознанно — сохранила все подробности. У меня и по сей день буквально стоят перед глазами и этот вагон, и рельсы, и весь лабиринт железнодорожных путей, и низкое серое небо, и смятая постель, и уборщик, только-только приступивший к работе. Я помню, как засунул руку под подушку, и помню в точности те чувства, которые испытал, обнаружив там кошелек: облегчение пополам с легким удивлением, направленные острым стыдом за то, что я сваял такого дурака в присутствии Эккенштейна.

Но вся эта информация была надежно запечатана и задвинута куда-то на задворки памяти в соответствии с обычным моим правилом: не допускать никаких лишних размышлений по вопросам, связанным с деньгами. Я понимаю, что это выглядит неправдоподобно, а многим людям покажется и вовсе непонятным, но это факт.

Главный секрет всей моей жизни — в том, что я на самом деле живу в согласии со своими принципами. Когда-то я решил, что подчинять свое поведение финансовым соображениям

¹ Аллюзия на новозаветное предание о троекратном отречении апостола Петра от Иисуса Христа (Мф. 26:69—75 и др.).

было бы позорно, и этот вывод не остался для меня всего лишь благочестивым мнением: я изо всех сил стараюсь последовательно воплощать его на практике.

Или вот, например, другой случай. Возвращаясь в Сапотлан, мы проехали сто двадцать миль под палящим солнцем. Я обогнал О[скара] Э[ккенштейна] — тот только удивлялся и раздражался из-за моей способности выдерживать жару и жажду. В какой-то момент я оглянулся и не увидел его; я встревожился, повернул обратно и проехал бог весть сколько миль, пока, наконец, не отыскал его в какой-то небольшой рощице, разнообразившей окрестную пустыню. Когда мы добрались до Сапотлана, меня пришлось снимать с коня. На следующее утро нужно было ехать дальше: мы торопились вернуться в Мехико.

Я проснулся до шести утра: было еще темно. Я отворил ворота, задал лошадям корму, оседлал их и, обнаружив, что подержать стремя некому, решил прилечь еще на несколько минут, до завтрака. Я прилег и заснул. Эккенштейн едва меня добудился.

Почему я рассказываю эту историю? Да потому, что ничего из описанного в последнем абзаце я не делал. Эккенштейн доказал мне (с немалым трудом), что на самом деле я не просыпался и вся моя утренняя деятельность мне приснилась: я слишком устал, чтобы вставать, и мой сонный мозг убедил меня, что на самом деле я уже выполнил все свои обязанности.

Этот последний случай очень характерен. Не раз и не два за всю чудесную историю моей жизни меня охватывало глубокое сомнение (по силе способное сравниться с самой искренней верой) по поводу того, во сне или наяву произошли те или иные события. Некоторые могут на этом основании усомниться в истинности моих рассказов о тех или иных магических происшествиях; но, зная за собой такую особенность, я всегда принимал все возможные меры, чтобы исключить подобные ошибки. Чтобы доказать мне, что я не просыпался, Эккенштейну пришлось предъявить мне физические улики: запертые ворота и неоседланных лошадей. Разумеется, можно заявить, что с таким же успехом мне мог присниться и весь этот разговор с Эккенштейном! И, разумеется, ответить на это нечего, кроме того, что все мы снятся Черному Королю, — как Льюис Кэрролл изложил притчу о Чжуань-цзы. (Проснувшись однажды, Чжуань-цзы сказал своим ученикам: «Мне только что

приснилось, что я бабочка; но так ли это? Или я — и впрямь бабочка, которой снится, что она — Чжуань-цзы?»)

Но вернемся в Париж, город порока. Дж. У. Моррис как художник не обладает суровой и яростной страстью О'Конора. Его образам недостает того ослепительного блеска красоты, который покоряет зрителя в лучших полотнах О'Конора. Кроме того, Моррис — *homo unius tabulae*¹. Всю свою жизнь он созерцает только одно — розовый сон, в котором Венера и Вакх изливают милости на своих любимцев. Его картины плавают в тумане насыщенного и нежного цвета, подчеркивающего характер рисунка, который выражает те же качества, но средствами иной символической системы.

Самым выдающимся — после вышеперечисленных — из за-всегдатаев симпозиа в «Белой кошке» был Пол Бартлетт. Он отличался блеском ума и добродушием, приправленным пряностью язвительных речей. Его творчество я ценил очень высоко; но, вероятно, он мог бы пойти гораздо дальше, если бы его не подстерег успех в обществе и в художественных кругах: слава усыпляет дух любого художника, которому не достанет бдительности воспротивиться ее колыбельной. И впрямь, даже самым сильным из нас нелегко отвечать неблагодарностью на восхищение поклонников. Кроме того, пренебрежение публики и бедность вредят человеку искусства, если терпеть их приходится дольше какого-то определенного срока. Лучше всего, если художник впервые познает вкус успеха в сорок с небольшим; но важно, чтобы сначала он испытал на себе «удары судьбы», как повествует Мередит в своей великолепной магической аллегории «Бритье Шагпата»², и зарубил себе на носу, что людская похвала столь же презренна, как и людская брань. Это тоже «всего лишь рев ослиных глоток»³, — как сказал Браунинг. Художник должен постоянно жить в такой глубокой и страстной близости к божеству, чтобы ему не было дела ни до нищеты, ни до благополучия.

1 Здесь: «человек одной картины» (лат.).

2 «Бритье Шагпата» (1856) — аллегорическая повесть Джорджа Мередита, написанная в духе восточных сказок.

3 Цитата из стихотворения Роберта Браунинга «Два поэта из Круазика» (1878).

Разумеется, «Белая кошка» была блохастой: в нее захажи-вали люди, имевшие к искусству лишь самое условное отно-шение. Они нам докучали, но избавиться от них было так же трудно, как от хлама, накопившегося в доме. Впрочем, время от времени какому-нибудь чужаку удавалось нас позабавить.

Однажды кто-то из американцев представил нам «великого американского художника Пенрин Стенлоуза». На самом деле его звали Стенли Адамсон, а родился он в Данди. Свою карьеру он и впрямь начал традиционным для великих художников спо-собом: придерживая головы лошадям и получая за это на чай. Каким-то образом еще в молодости ему удалось снискать на-родную любовь, и вскоре уже он зарабатывал по две тысячи фунтов в год, а то и больше, наводнив рынок неиссякаемым по-током легкомысленной мазни — так называемыми портретами американских модниц в разнообразных нарядах. В Париж он приехал, чтобы взяться за изучение искусства всерьез.

Он приводил меня в восторг. Это был настоящий Пинкертон из «Кораблекрушения»¹ — тютелька в тютельку. Его невинная серьезность, не имеющая под собой никаких ос-нований, его одержимость «воодушевлением», его абсолютное невежество в вопросах морали, подобающей художнику, его грубые предрассудки, почерпнутые из воскресной школы, его стремление принимать все за чистую монету, пребывая в бла-женном неведении относительно подоплеки, — всё это было совершенно очаровательно. Он радовал самым своим суще-ствованием, как новая блестящая игрушка.

Что до Келли, то он как раз переживал свой Уистлеровско-Веласкесовский период. По складу ума Келли не был ни твор-цом, ни критиком в подлинном смысле этого слова. Он был ученым. При помощи какой-нибудь сложной аргументации он убеждал сам себя, что такой-то и такой-то — величайший в мире художник; затем он начинал выискивать тайны его ма-стерства, действуя в духе химика-аналитика; а затем принима-лся рисовать что-то свое, с упорством, достойным лучшего применения, копируя стиль своего последнего героя. У меня сохранились кое-какие его наброски, и держу пари: вы не от-личите их от Бердслея, Россетти, Морриса, Дж.Ф. Уоттса

¹ Имеется в виду Джеймс Пинкертон — персонаж романа Р.Л. Стивенсона «Потерпевшие кораблекрушение» (1892).

и прочих. Робби Росс однажды рассказал мне о человеке, собиравшем веера Чарльза Кондера¹. В общей сложности в его коллекции накопилось двадцать три веера; четыре из них действительно были кондеровские, пять вызывали сомнение, а остальные четырнадцать были изготовлены Джеральдом Келли.

Итак, на тот период Келли был озабочен тем, чтобы воспроизвести «низкий тон» Уистлера и Веласкеса, и чтобы добиться этого, последовательно затемнял палитру. В конце концов он дошел до того, что для блика на щеке блондинки ему пришлось использовать цвет речной грязи. Однажды он взял какой-то старый холст, чтобы закрасить его и написать что-то поверх; но, продвинувшись уже довольно далеко в этом занятии, вдруг понял, что это был его любимый портрет Эйлин Грей². Он обладал поистине энциклопедическими познаниями в искусстве; его слово считалось законом; но при этом я не встречал человека, столь же щедро на лесть и преувеличения. Он взял Стенлоуза под крыло и начал учить его рисовать.

Стенлоуз как типичный американец делал все с удивительной легкостью в расчете на поверхностный успех. Однажды я зашел к нему и увидел у него в мастерской большой мольберт, на котором стоял огромный холст — очевидным образом, работа Келли. Я поздравил Стенлоуза с приобретением. Но тот с некоторой обидой ответил, что написал это сам. А самая соль шутки — в том, что это небрежное подражание имитациям Веласкеса выставили в Салоне: Стенлоуз был человеком с репутацией!

Постепенно атмосфера Парижа начала мне надоедать. Здесь все было слишком легко. Я беспокойно мотался между Лондоном и Парижем, не находя, где преклонить голову. В какой-то момент я даже обручился и собрался жениться³, но, вернувшись во Францию после недели в Лондоне, отчасти постеснялся возобновить отношения со своей невестой, а отчасти осознал, что в тихую гавань супружеской жизни человека загоняет лишь недостаток духовной энергии. Что до моей

1 Робер Болдуин (Робби) Росс (1869—1918) — английский журналист, критик и торговец предметами искусства. Чарльз Кондер (1868—1909) — английский художник и дизайнер.

2 Эйлин Грей (1878—1976) — ирландский дизайнер и архитектор, родоначальница модерна в архитектуре.

3 На Эйлин Грей.

бывшей невесты, то она заслуживает упоминания, главным образом, как адресат нескольких стихотворений, а именно: «Поцелуй», «Эйлин» и стихи под номерами 14, 15, 16, 18 и 21—28 из сборника «Rosa Mundi и другие стихи о любви»¹. Она же была «Звездой» в «Звезде и Подвязке»², которую я написал как раз в тот период; что до «Подвязки», то к ней имеют отношение три женщины: во-первых, одна английская дама, пристрастившаяся к эфиру, во-вторых, акробатка и натурщица, которую я называл «моя пуговка», потому что личиком она была «кругла, крепка, мала и миловидна», и, в-третьих, Нина Оливье. Нина описана и в самой этой поэме, и в нескольких стихотворениях, среди которых особо примечателен «Рондель» («Ты — озорства смешливый огонек...») Благодаря мне Нина еще лет десять, а то и больше оставалась самой знаменитой девушкой на всем Монпарнасе. Между прочим, она фигурирует и в моем «Испытании Иды Пендрагон»³.

1 «Rosa Mundi» («Роза мира») — сборник стихотворений Кроули, впервые опубликованный в 1905 году в Париже, тиражом 500 экземпляров, под псевдонимом «Г.Д. Карр».

2 «Звезда и Подвязка» — поэма Кроули, впервые опубликованная в 1903 году в Лондоне «Обществом распространения религиозной истины», тиражом 50 экземпляров. Рецензент из «Бат кроникл» кратко охарактеризовал ее как «своеобразный трактат о любви», а его коллега из «Манчестер курьер» сообщил читателям, что «эти стихи, по всей видимости, повествуют о любви молодой «сирены, в чьих очах цветут сирени», и мужчины, наделенного всей силой страстей. Это поэзия бессвязно-чувственного толка, из которой мы узнаём немало о луне и о любви и поцелуях, не знающих преград».

В «Арброут геральд» была опубликована двусмысленная рецензия: «Это превосходнейшая книга — если говорить именно о книге. Она так красиво отпечатана на такой хорошей бумаге, что мы открыли ее в полной уверенности, что и сами стихи превосходны. Отчасти наша уверенность оправдалась, отчасти — нет. Все это (как нам представляется) настолько умно, что местами совершенно не поддается пониманию. Разумеется, многие стихи (допустим) того же Браунинга при первом прочтении остаются непонятными, но чем-то притягивают и чаруют — настолько, что хочется в них разобраться. Но возвращаться второй раз к тарабарщине Алистера Кроули никому и в голову не придет. Сразу чувствуется, что если в ней и есть какой-то смысл, он все равно не окупит затраченных усилий; и это обидно. Но, в то же время, в этих любовных стихах есть немало очаровательного, и, пожалуй, их можно было бы восхвалять как само совершенство, если бы кто-нибудь прошелся по ним редакторским карандашом».

Отзыв в «Ливерпуль курьер» был более благосклонным: «Даже когда понимание приходит не сразу, все равно читаешь с удовольствием».

3 «Испытание Иды Пендрагон» — рассказ Кроули, написанный, вероятно, весной 1911 г. и впервые опубликованный в журнале «Эквинокс», I (6) (сентябрь 1911 г.) под псевдонимом «Марциал Ней». Рус. пер. см. в сборнике: Алистер Кроули, Цирцеин сон. М.: Ганга, Телема, 2013.

«Звезда и Подвязка» содержит некоторые из лучших моих лирических строф и важна, в частности, как начало нового этапа на моем пути в поэзии. Я достиг новой вершины во владении формой; я написал обширное и целостное лирическое произведение, не омраченное некоторой искусственностью, как «Орфей» и даже «Алиса». Эту поэму я сочинял целых два дня, но я не считаю это пустой тратой времени.

Несколько позже я добавил к ней приложение, в котором высмеял (способом, понятным лишь посвященному) некоторых людей нашего круга, от Кэтлин Брюс (впоследствии ставшей леди Скотт, а затем — миссис Хилтон Янг)¹ до Сибил Маггинс и Энера Скина (впоследствии — аккомпаниатора Айседоры Дункан). Все имена указаны при помощи каламбуров или намеков, а каждая строка таит в себе тщательно замаскированную критику. Мы с Джеральдом как люди образованные были уже сыты по горло претензиями и позерством всевозможных ослов (обоего пола), населявших Монпарнас.

Один эпизод достоин бессмертия. В своем «Мече песни» я упомянул, что «читал Леви и криптические коптские письмена». Пока моя невеста позировала Джеральду Келли, я решил развлечь ее и дал ей посмотреть рукопись. «Что такое коптский?» — спросила она. «Язык древних коптов», — ответил Келли и с удвоенной энергией набросился на холст. Выдержав долгую паузу, моя невеста спросила: «А что такое криптический?» «Язык древних криптов!» — рывкнул garin² и окончательно потерял веру в человечество.

Еще одна претензия женщин, изучавших искусство, заключалась в требовании, чтобы с ними обращались так, словно они — мужчины. Джеральд всегда был рад услужить даме и как-то раз назвал одну из своих натурщиц «братцем». Та просияла от радости, но Джеральд на этом не остановился и заявил, что сейчас он ненадолго отлучится, объяснив причину в таких выражениях, какие использовал бы в разговоре с женщиной. К тому времени, как он вернулся, натурщица вновь

1 Кэтлин Скотт (в девичестве Брюс) — британский скульптор, жена путешественника Роберта Скотта, погибшего в Арктике в 1912 году. В 1922 году вышла замуж за политика Эдварда Хилтона Янга.

2 «Художник-подмастерье» (фр.).

обрела свой природный «пол и характер»¹ и от греха подальше сбежала. Женщина может общаться с мужчиной на равных лишь тогда, когда принимает его мораль целиком, от и до, и перестает приписывать избыточную ценность своим животным функциям. Между тем даже самая принципиальная из женщин настаивает на высшей ценности крохотного кусочка кожи, который сам по себе абсолютно бесполезен.

В «Звезде и Подвязке» я рассматриваю эту проблему честно. Если говорить о сексуальной привлекательности, то здравый смысл подсказывает, что опытная женщина сможет доставить больше удовольствия, чем неопытная, а профессионалка — больше, чем любительница. Жажда безраздельного обладания — одно из самых идиотических и скотских проявлений тщеславия, свойственных человеку. Но мужчина и женщина могут любить друг друга и вне всякой зависимости от половых отношений. Для этого оба они должны полностью подчинить себе собственную половую природу: честной любви между ними не будет до тех пор, пока они не проанализируют свои помыслы и устремления до конца и не сорвут с самой идеи секса все покровы тайны; а для этого необходимо опираться и на осознанную практику, и на некую глубокую философскую теорию, основанную на обширных познаниях в области антропологии.

Мои путешествия, безусловно, во многом открыли мне глаза на эти вопросы. Я изучил особенности пятидесяти семи различных национальностей, а позднее, когда само определение национальности стало более размытым, эта цифра увеличилась до восьмидесяти или даже девяноста. Результаты моих этнологических исследований скромны, однако сам процесс, несомненно, помог мне понять, что никакое утверждение нельзя классифицировать как правильное или неправильное и даже как истинное или ложное. Любую точку зрения можно объяснить обстоятельствами, в которых находится человек, ее придерживающийся.

*О чем мечтают в Кью, то в Катманду сбылось,
Кто грешен в Клапеме, невинен в Мартабанае².*

1 Аллюзия на название знаменитого в свое время мизогинического труда Отто Вейнингера «Пол и характер» (1902).

2 Цитата из стихотворения Р. Киплинга «В эпоху неолита».

Для любого морального принципа, какой только можно себе представить, где-нибудь непременно сыщется носитель, живущий в таких условиях, которые целиком и полностью объясняют и оправдывают этот принцип. Обстоятельства жизни каждого человека уникальны; уникальны и его наследственные склонности, окружение, воспитание и особенности его мыслительных процессов. Верим ли мы в свободу воли или придерживаемся теории предопределенности, мы с равным успехом можем обосновать любое мнение и любой тип поведения.

В период, о котором идет речь, я еще не достиг подобной свободы осознанно. Я все еще оставался романтиком, все еще искал настоящую любовь. Любопытная аналогия: когда я искал адептов, один из них на самом деле был совсем рядом; теперь же, когда я призывал истинную любовь, в кругу моих знакомых скрывалась женщина, которой предстояло утолить мою жажду. Когда я стремился вступить на Путь Мудрецов, я не понимал природы этого Пути, — и точно так же теперь я не понимал, что такое «истинная любовь».

*Любовь полна очарований ночи:
То черный ад, где вечный стон царит.
Она подносит яд и смерть пророчит,
Цепями и скелетами гремит.*

В те месяцы, с ноября 1902-го по апрель 1903-го, я редко обращался к дневнику. Кажется странным, что такой богатый событиями отрезок жизни удалось втиснуть в такой краткий период; но, по крайней мере, я успел состариться душой. В Болескин я вернулся как призрак, вынужденный возвращаться в свою могилу с криком петуха. В мае я четко подвел итоги своим достижениям; полагаю, эту запись стоит процитировать здесь:

В 1899 году я приехал в поместье Болескин и подготовил все необходимое для проведения Операции Мага Абрамелина.

Я изучал церемониальную магию и достиг всевозможных выдающихся успехов.

Боги мои были египетскими, но я понимал их как близкое подобие греческих.

В философском отношении я был реалистом каббалистической школы.

В 1900 году я покинул Англию и направился сначала в Мексику, а затем посетил страны Дальнего Востока, Цейлон, Индию, Бирму, Балтистан, Египет и Францию. Попробовать подробно описать здесь ход развития моих представлений было бы бессмысленно; скажу лишь, что я прошел этап индуизма, после чего отринул за ненадобностью всех богов, а в философском плане стал бескомпромиссным номиналистом и своего рода ортодоксальным буддистом, но со следующими ограничениями:

1) я не могу отрицать, что некоторым ритуалам действительно сопутствуют некие особые феномены; я отрицаю лишь полезность подобных методов для Белого Адепта;

2) я полагаю, что индуистские методы медитации могут оказаться полезными для начинающих и поэтому не советую отказываться от них, не проверив.

Что касается моего продвижения по Пути, спасения Вселенной и т. д., и т. п., то я раз и навсегда отринул теорию «Цвета и плода» и превратился в исследователя, придерживающегося строго научного подхода.

К сожалению, энтузиазм от этого угас; но поскольку я давно уже тщательно очистил свою жизнь от всех интересов, не связанных с магией, единственно возможным для меня путем остается Путь Исследования, ибо лишь он один удовлетворяет условиям, которые я теперь могу одобрить.

(Под теорией «Цвета и плода» я подразумеваю веру в существование группы посвященных, преданных делу спасения человечества¹.)

Может сложиться впечатление, что я стал самодовольным педантом, но в действительности мой подход объяснялся глубоким истощением сил. Чогори все еще брала свое.

¹ Аллюзия на теософский роман Мейбл Коллинз «Цвет и плод», в котором описана подобная группа.

Болескин я выбрал за уединенность. Лорд Ловат и миссис Фрейзер-Тайлер, мои ближайшие соседи, жили от меня в восьми милях, а Грант Гленмористон — по другую сторону озера Лох-Несс. Кроме того, Болескин уже стал средоточием тысяч легенд.

Еще до моего приезда здесь процветали обычные шотландские суеверия.

(Издалека доносится вой бульдога — точь-в-точь младенческий плач.)

Джордж: Не бойтесь. Это всего лишь чертов пес Макалистера. Он так воет каждую ночь.

Фенелла: Он видит призрак старого лорда Ловата.

Джордж: Старого лорда Ловата?

Фенелла: Да; ему отрубили голову после 45-го¹. Теперь он катает свою голову по коридорам — туда-сюда, туда-сюда.

Джордж: Хорошенькое развлечение, нечего сказать!

Фенелла: А что еще ему остается?

Джордж: Что это там за стук?

(Замирает, прислушивается.)

Фенелла: Пойдем! Это всего лишь старуха.

Джордж: Какая еще старуха?

Фенелла: У нее сын сошел с ума. Потом его выпустили — сказали, мол, он уже здоров. Они с матушкой приехали сюда возложить цветы на могилу его отца; а он как схватит матушку за ноги и хрясь головой об стенку — так ей мозги и вышиб!

Джордж: Черт подери!

Фенелла: Ну ты прямо как ребенок! В общем, с тех пор она сюда приходит и пытается отскрести от стенки свои мозги².

Я и сам слышал, как та «голова катается по коридору»; но когда я установил бильярдный стол, старый джентльмен

¹ Имеется в виду якобитское восстание в Шотландии в 1745 году. Саймон Фрззер, 11-й лорд Ловат (ок. 1667 — 1747), принял участие в этом восстании и был казнен, несмотря на свой почтенный возраст. Он стал последним в истории человеком, публично обезглавленным в лондонском Тауэре.

² Отрывок из пьесы Кроули «Упыри», впервые опубликованной в журнале «Эквинокс», I (7) (март 1912 г.).

отдал ему предпочтение перед коридором и ограничил свои за-
бавы курительной комнатой. Но и до этого он всегда останав-
ливался у тех дверей в коридоре, которые отделяли от осталь-
ной части дома крыло, посвященное операции Абрамелина.
Объяснения этим шумам я так и не нашел. Мы нередко под-
слушивали под дверь курительной комнаты: судя по звукам,
голова неумоимо каталась туда-сюда по столу, но стоило от-
крыть дверь, как все умолкало.

За время моего отсутствия дом приобрел еще более злове-
щую репутацию. Не сомневаюсь, что демоны Абрамелина, что
бы они собой ни представляли в действительности, располо-
жились в моем поместье как дома и на досуге развлекались, на-
водя ужас на местных жителей. Никто не смел ходить мимо
Болескина после наступления темноты. У местных вошло
в привычку огибать его по большой дуге в несколько миль —
через Страт-Эррик. Возникло немало новых легенд, но я уси-
лием воли удержался и не стал их коллекционировать. Я был
привержен рационализму всей душой и не считал подобные
чудеса за что-то важное. Я бы с радостью отверг и существова-
ние Абрамелиновых демонов, но связанные с ними феномены
были уж слишком постоянны и навязчивы.

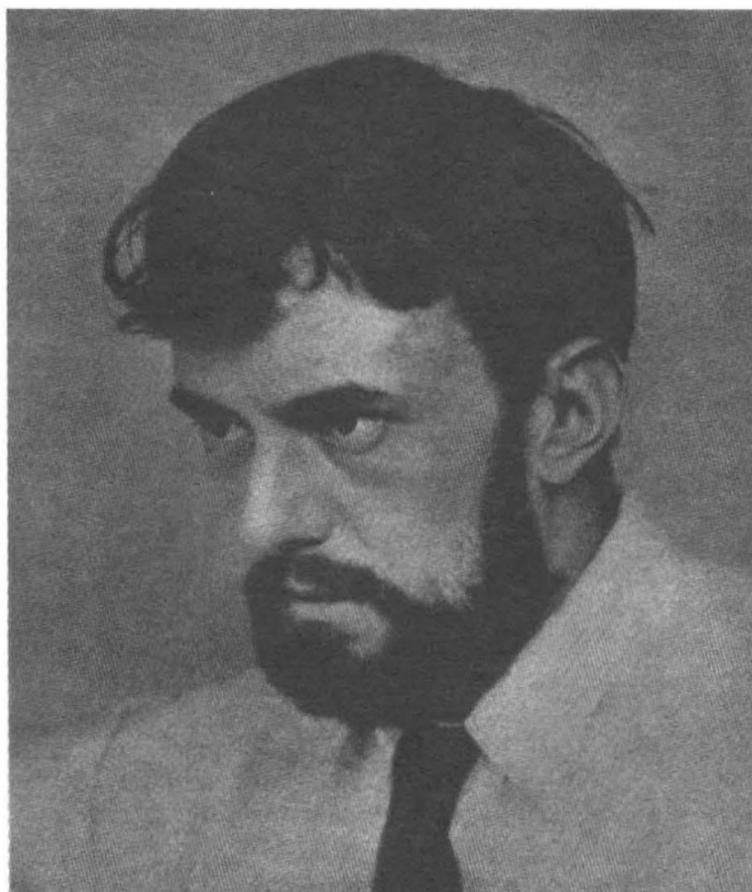
Я вел унылую механическую жизнь обычного шотландско-
го лэрда¹. Мало-помалу я снова понемногу занялся буддий-
скими медитациями, но только потому, что у меня не было
никаких веских причин делать что-то еще. Дневники за пе-
риод с 16 июня по 13 июля на удивление скучны. Особенно
бросаются в глаза отсутствие всякой движущей силы и полное
угасание энтузиазма.

«Меч песни» я дописал еще до отъезда из Парижа и оста-
вил в типографии Филиппа Ренуара, одного из лучших извест-
ных мне парижан. Эту книгу я предполагал издать за свой счет.
Искать «самого лучшего в мире издателя» мне больше не хоте-
лось. Я смутно ощущал, что вроде бы обязан представить свой
труд человечеству, но не собирался прилагать какие-то усилия,
чтобы извлечь из этого прибыль или славу.

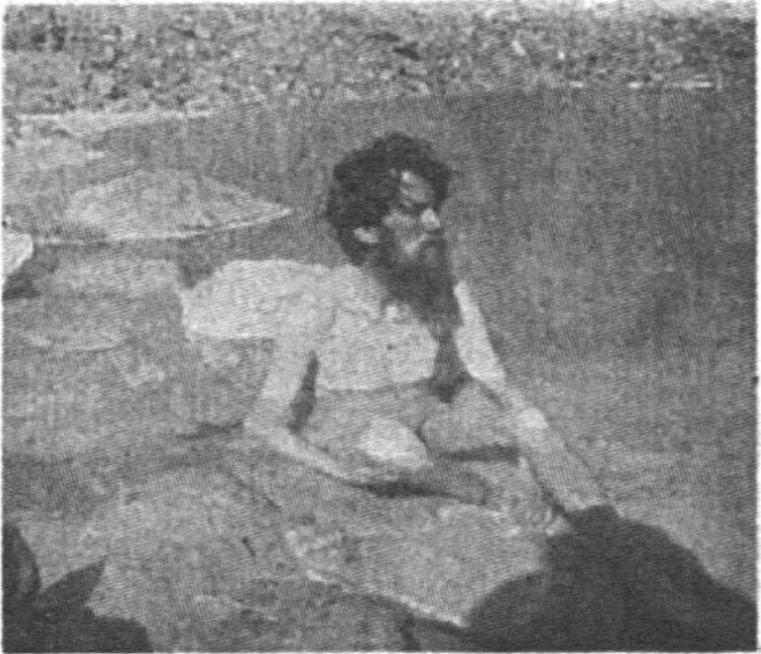
¹ Лэрд (англо-шотл. laird — землевладелец, лорд) — представитель не-
титулованного дворянства в Шотландии. Лэрды образовывали нижний слой
шотландского дворянства и, в отличие от титулованных лордов, участвовали
в парламенте Шотландии не непосредственно, а через своих представителей.

Алистер Кроули в 1899 г.

Алистер Кроули в 1901 г.

Алистер Кроули купается в источнике на нижнем леднике Балторо. 1902 г.

Участники экспедиции на К2 (слева направо): Виктор Вессели, Оскар Эккенштейн, Жюль Жако-Гийярмо, Алистер Кроули, Генрих Пфанль и Гай Ноулз

ИСПОВЕДЬ

ТОМ II

Перевод Анна Блейз

Корректор Олег Арсений

Дизайн обложки и макет Надежда Саламахина

Компьютерная верстка Надежда Саламахина

ИД «Ганга»

117418, Москва, ул. Гарибальди, д. 29, к.4

E-mail: ganga@ganga.ru

Адрес сайта в Интернете: www.ganga.ru

Подписано в печать 24. 09. 2014. Формат 84x108/32

Объем 8 п.л. Тираж 1200 экз. Заказ № 724

Гарнитура OriginalGaramond VT. Печать офсетная

Отпечатано в ООО «Ридо-Принт»

603074, г. Нижний Новгород, ул. Шалапина, д. 2а